

Институт истории СО РАН

Кириллов А.К.

**От подушной подати
к подоходному налогу:**

**податные реформы капиталистической России
и их воплощение в Западной Сибири
второй половины XIX – начала XX века**

Новосибирск

2017

УДК 94(47).081/.083+94(47).084.1/084.3+94(571.1)
ББК 63.3(2)522+63.3(2)522-334+63.3(2)612-2+253.3

К 431

Кириллов А.К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века.
Новосибирск: Параллель, 2017. 178 с.

ISBN 978-5-98901-203-9

Ответственный редактор:
М.В. Шиловский

Рецензенты:
д.и.н. Г.М. Запорожченко, д.и.н. О.Н. Катионов, к.и.н. Е.В. Комлева

Рекомендовано к печати
учёным советом Института истории СО РАН

Начиная с Комиссии по преобразованию системы податей и сборов, созданной на заре царствования Александра II, и до последних недель Временного правительства, в России состоялась целая вереница налоговых реформ. Какие-то из них хорошо известны историкам, другие незаслуженно оставались в тени. В этой книге все они впервые показаны как ступеньки единой лесенки, по которой освобождённая от крепостного права Россия поднималась к осуществлению светлой мечты эпохи «Великих реформ» – всеобщего подоходного налога.

Привлечение архивных документов, неизвестных широкому кругу историков, позволяет раскрыть механизм удивительного явления пореформенной России – податных присутствий. Выполняя государственную задачу первостепенной важности, эти органы состояли по большей части из представителей налогоплательщиков и действительно отстаивали их интересы.

Разновидность податного присутствия являла собой и крестьянская община, после отмены круговой поруки продолжавшая заниматься раскладкой налогов, но не отвечавшая за их сбор. Вековая привычка крестьян к тому, чтобы быть финансовой опорой государства, в итоге и позволила превратить подоходный налог из налога для богатых в налог общенародный.

Издание рассчитано на исследователей, преподавателей истории и студентов-историков.

ISBN 978-5-98901-203-9

© Кириллов А.К., 2017

Оглавление

Введение	6
----------------	---

Часть 1. Неразрывная цепочка: законы и реформы 1863–1917 годов

Глава 1. Самая долгая из «Великих реформ»: отмена подушной подати .....

.....	20
Подушная подать в ряду пережитков крепостной эпохи	20
Налоговые законы 1863 года: «отрицательная часть» податной реформы	23
Опыты на купцах: реформа 1863–1865 годов	25
Города без подушной подати	26
Освобождение главного податного сословия	28
Что осталось после подушной подати	30
Реформы и контрреформы: проблема водораздела	33

Глава 2. Фундамент для подоходного налога: новый аппарат и новый принцип .....

.....	36
Что считать: прибыль в системе промыслового налога	36
Как считать: первые податные присутствия	38
Квартирный налог как уступка реформаторов	39
Прототип подоходного налога	41

Глава 3. Напластование реформ:

подоходный принцип в промысловом налоге. ....

.....	45
Конец купеческой монополии	45
Дополнение к дополнительному налогу	46
Закон и замысел	48
Силы торможения	52
Проверка результатов	56
Офшор поневоле	62

Глава 4. Маленький налог и большая политика:

квартирный налог на весах Русско-японской войны .....

.....	65
Состав налогоплательщиков и качество самоуправления	65
С.Ю. Витте: не либерал, но реформатор	68
Отмена реформы: неожиданная неуступчивость	69
Финансовый козырь и придворная борьба	71
«Роль отдельных лиц»	73

Глава 5. Преемственность и постепенность: подоходный принцип и личная ответственность в крестьянских налогах .		75
Поземельный налог для землепользователей: не воплощённый замысел .		75
«По соображению с данными о количестве и доходности»		75
Раскладочный налог, круговая порука и её отмена		79
Глава 6. Окладная система в действии: налог с городской недвижимости образца 1910 года		83
Подготовка реформы: невозможное становится возможным		83
Недвижимость – старая, налог – новый		85
Жадность или стремление к совершенству?		86
Глава 7. Бесконечный компромисс: последняя реформа промыслового налога.		89
Реформа состоялась. Даёшь реформу!		89
Октябрь 1917-го: эволюция без революций		93
Присутствия: податные вместо раскладочных		95
Обновлённые присутствия и интересы казны		96
Царские проекты и революционное творчество		98
Глава 8. Полувековой итог: долгожданный подоходный налог		100
Налог для богатых: мытарства законопроекта		100
Самый передовой из налогов		103
Презумпция невиновности для налогоплательщика		105
Фискальный интерес против страховых секретов: кто – кого		106
Закон, что дышло: тайна банковских вкладов		109
Часть 2. Налоги, власть и общество: повседневная практика как основа новой системы		
Глава 9. Инспектор против выборных: система сдержек и противовесов в податном присутствии. . .		114
Правда и право: инспектор за рамками правового поля		114
Не война, но борьба: под маской взаимной предупредительности		116
Глава 10. Присутствие против плательщика: границы произвола.		121
Купец в союзе с будущим премьер-министром		121
Эшелонированная оборона: от раскладочного присутствия до министра		123
«Нормальная прибыльность» и ненормальный 1911-й год.		126
Явные доводы и подспудные намёки		128

Глава 11. Община без круговой поруки: сила закона и сила традиции.	130
Инструкция, которая казалась важнее закона	131
«Понижение недоимочности»: первый год без круговой поруки	133
Чего боялись чиновники...	134
...И почему они пытались скрыть свои подвиги	136
Глава 12. Безгласные плательщики: права и ответственность при раскладке крестьянских налогов	139
Раскладочные приговоры: возможности источника	139
Четыре яруса крестьянского общества	141
Семейная структура и хозяйственные признаки	143
Крестьянские подписи: верить или не верить	145
Отстающая перестройка	148
Глава 13. Крестьяне против крестьян: внутриобщинные конфликты вокруг раскладок.	150
Души против скота. Богатые против бедных	150
Усложнение модели: тонкости сельской политики	152
Глава 14. Что такое справедливость: крестьяне против чиновников в борьбе за основания раскладки	155
От ревизской души к годному работнику: наблюдения статистиков	155
«По состоянию» и по годным работникам: казённые налоги – отдельно от мирских	156
Раздельная раскладка как компромисс: чиновники – крестьянам	158
Годный работник, «душа» и земля: три маски одного явления	160
Глава 15. Реформа снизу: всеобщий подоходный налог в Сибири в 1918–1919 годах	164
Предварительные ожидания: сливки общества, крестьяне и рабочие	164
Прямо у кассы: подоходный налог для рабочих	166
Ручная работа: новый подоходный налог у крестьян	167
Кому мать, а кому и мачеха: подоходный налог и российское общество	169
По обе стороны красно-белой баррикады	171
Заключение.	174
Список сокращений	177

Введение

Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугулки.
Гром позорных телег –
Громыхание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россию после реформ.

(Борис Пастернак)

Поразительное явление: в стране, славной бескрайним самодержавием и полицейскими держимордами, одну из главных государственных задач выполняет общество. То, от чего зависит наполнение государевой казны – определение подлежащего обложению дохода – делают сами плательщики. Это – податные присутствия пореформенной России. Это – то, благодаря чему заслуживает изучения дореволюционная податная система. Соотношение государства и общества – вот то, что требует внимания историков в налоговой теме.

В 1990-е годы, когда историческая наука наслаждалась освобождением от идеологического давления советской эпохи, использование понятия «капитализм» применительно к дореволюционной России могло считаться политическим манифестом. «Капитализм» был в дискриминации как часть формационной теории, про которую даже в советское время было ясно, что она объясняет далеко не всё (вспомним споры об «азиатском способе производства»). Теперь страсти улеглись, и можно использовать это название – всё же достаточно распространённое и у современников тех дней – как идеологически нейтральное обозначение особого периода в российской истории.

Речь идёт о том времени, которое скрывается за принятым в научной литературе эвфемизмом «вторая половина XIX – начало XX века». О том историческом эксперименте, который так отличается и от предыдущего, Петровского, эксперимента, и от последующего, советского. Отличается личной свободой и уважением к частной собственности. И в то же время имеет кое-что общее: быстрый экономический рост с внедрением передовых промышленных технологий. Все три эксперимента окончились крушением, и раз за разом Россия оказывается у разбитого корыта. И по-прежнему нет единства мнений по вопросу о двигателе, который в каждом из этих экспериментов (хотя бы на начальной стадии) обеспечивал прорыв на зависть иностранцам и потомкам.

Предреволюционной России дважды не повезло по части исторического изучения. При советской власти её нельзя было изучать по-настоящему из-за

причин идеологических. Серьёзные исследователи вынуждены были так маскировать свои истинные выводы повторением обязательных клише, что простое понимание смысла их работ представляет для современных студентов почти непреодолимую трудность. С падением же идеологических преград – снизился интерес. Исследователей и читателей манят новые, прежде засекреченные, архивные данные времён более близких к современности. Запретный плод сладок.

Между тем, полноценное изучение советской эпохи возможно лишь в сопоставлении с предыдущими, и прежде всего – с капиталистической Россией как ближайшим по времени опытом. В свою очередь, изучение капиталистической России, даже если оно ведётся автономно, подразумевает подспудное сопоставление с другими эпохами. Изучая, например, фискальную политику И.А. Вышнеградского и голод 1891–1892 гг., не обязательно приводить факты из 1931–1932 гг. Но при оценке смысла этого явления невозможно отвлечься от того, что мы знаем о трагедии начала 1930-х: и о новом масштабе цифр, и о политике советского правительства, резко отличной от действий правительства царского. Так и выяснение методов взаимодействия дореволюционного государства (отнюдь не демократического) с обществом подразумевает сопоставление с тем, что известно нам о системе, окончательно сложившейся в годы «великого перелома». И поиск ответа на вопрос о потайном механизме, который обеспечил невиданный взлёт России в эпоху капитализма.

При советской власти предреволюционная Россия изучалась как общество, катящееся по наклонной плоскости к неизбежному и закономерному краху. Знаменитый двухтомник Б.Н. Миронова¹ открыл другую магистраль. Стало ясно, что дореволюционная Россия может рассматриваться как успешный исторический пример. Как общество, хотя и не лишённое слабостей (особенно по части политического устройства), но всё-таки побуждающее присмотреться к нему в поисках полезного положительного опыта.

Используемые в настоящей работе архивные документы относятся в основном к концу XIX и началу XX в. Однако в центре внимания работы – налоговая система пореформенной России, от реформ Александра II и до установления советской власти. Именно «Великие реформы», а точнее – «Оттепель» середины XIX века, из которой они вырастают, дали толчок появлению нового, свободного и самостоятельного, общества, которому посвящена данная книга.

Налоговая тема – один из насущных повседневных вопросов для дореволюционных публицистов. Едва ли не последний опубликованный очерк Л.Н. Толстого – «Подати»². Знаменитый писатель живописует

---

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2. 548 + 566 с.

² Толстой Л.Н. Три дня в деревне. М.: «Народное издательство», 1910.

страдания крестьян, вынужденных отдавать последнее имущество в уплату недоимок. Именно как часть темы народных страданий налоговый сюжет и сидел в сознании дореволюционных публицистов.

Придя к власти, вчерашние революционеры посмотрели на крестьянские платежи другими глазами. Встала задача наполнения государственного бюджета. Встала проблема политики в отношении крестьян – «мелкобуржуазного элемента». У некоторых деятелей Госплана возникло ощущение, что советское государство берёт с крестьян слишком мало. На защиту крестьян встали Наркомат финансов и Конъюнктурный институт Н.Д. Кондратьева. Борьбе между Госпланом и Наркомфином мы обязаны появлением исследования А.Л. Вайнштейна³ – тогда молодого экономиста, всё же успешного получить дореволюционную университетскую закалку. В лучших традициях дореволюционной статистики Вайнштейн использовал разнообразные статистические источники и передовые математические методы для их обработки. Книга имела целью доказать, что требования Юрия Ларина повысить крестьянские налоги несостоятельны. Для этого автору надо было показать, что дореволюционный (точнее: довоенный) уровень обложения уже достигнут и даже превышен. Завышать тяжесть дореволюционных налогов Вайнштейну было невыгодно. Вывод его гласит, что накануне Первой мировой войны крестьяне Европейской России платили в качестве казённых и местных налогов не более 10 % своего дохода; с учётом обязательных страховых платежей, а также ипотечных платежей и земельной аренды – не более 15 %.

Традиция 1920-х годов канула в Лету вместе с «великим переломом», который был беспощаден к независимым специалистам и требователен к «идеологической правильности» любых печатаемых работ, даже научных. С этих пор крестьянские налоги стали описывать исключительно в контексте народных страданий. Дело сводилось к пересказу крупнейших законодательных перемен, с использованием всех возможных ярлыков по части «проклятого царизма». Показательна судьба одного из дореволюционных публицистов – критиков бездушного самодержавия, гнетущего крестьян непосильными налогами. Молодой приват-доцент Томского университета М.И. Боголепов, своими печатными высказываниями как раз на тему финансов⁴ заслуживший особое внимание Департамента полиции, при советской власти отказался от «юношеского максимализма», работал в Госплане, как экономист стал членкором АН СССР и благополучно умер в 1945 г. В политически значимой

---

³ Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в дореволюционное и революционное время. М.: издание кн. скл. «Экономист» НКФ, 1924.

⁴ Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы СПб: изд-во О.Н. Поповой, [1907].

работе 1929 г. он писал о «полном подчинении плану рыночной стихии»⁵, и об интересах угнетённых крестьян прилюдно не вспоминал.

«Оттепель» середины 1950-х гг. расширила свободу выбора тем исследования. Теперь уже не обязательно было чётко подвёрстывать взятую тему к тем или иным заранее известным выводам, появилась возможность настоящего научного поиска. Одно из его направлений вышло на историю налоговых реформ капиталистической России. Появились статьи, посвящённые «реформам после реформ» – отмене подушной подати⁶, реформе промыслового налога в 1885 г.⁷, отмене круговой поруки⁸, обсуждению подоходного налога⁹. Однако это направление так и не вышло за рамки статей, диссертаций и краткого описания законодательных перемен в рамках изучения промышленно-финансовой истории¹⁰. Богатый фактический материал трудно было обобщить «правильными» выводами. Те выводы, которые напрашивались – о развитии налоговой системы в демократическом смысле при Александре III и раннем Николае II – выглядели чересчур опасно с точки зрения идеологии. «Новое направление» было куда скромнее в своих новшествах, а поплатилось настоящим разгромом¹¹. Налоговая тема «зависла» на целое поколение.

Постепенно создавали себе особую нишу региональные исследования. И если поначалу от исследований на сибирском материале ожидалось выводы, важные с точки зрения общероссийской истории, то после выхода в 1968–1969 гг. пятитомной «Истории Сибири» сибиреведение стало самодостаточным направлением исторической науки. История

---

⁵ См. подробнее: Кириллов А.К. Михаил Иванович Боголепов и идея планирования народного хозяйства // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сборник биографических очерков. Новосибирск, ИД «Сова», 2007. С. 161–172.

⁶ Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т. 94. М.: Наука, 1974. С. 183–212.

⁷ Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159–173.

⁸ Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 159–195.

⁹ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978 (с. 199–243); Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX в. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 276–302.

¹⁰ Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968; Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука, 1987; Шепелёв Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики Л.: Наука 1981.

¹¹ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 11–158 (раздел: «Цусима советской историографии»).

налогов затрагивалась прежде всего при изучении крестьянства. Чуткое к местным особенностям законодательство Российской империи создавало простор для скрупулёзного описания «региональной специфики». Но общий смысл был тот же: история налогов подчинялась истории крестьянства, которое страдало, расслаивалось и созревало до революции¹².

Только в 1990-е годы, с появлением монографии В.Л. Степанова¹³, проблеме оценки внутренней политики 1880-х и 1890-х гг. удалось преодолеть. В.Л. Степанов первым чётко и убедительно заявил во всеуслышание: «те годы мрачные, глухие» (по выражению А.А. Блока) знаменовались рядом выдающихся реформ. Тем самым был открыт путь и к новому изучению налогов. Не прошло и десяти лет, как вышли две основополагающих книги по этой теме.

Коллективная работа В.Н. Захарова, Ю.А. Петрова и М.К. Шацилло даёт серьёзный общий обзор перемен в податном законодательстве за все века русской истории до большевиков¹⁴. Подытоживая достигнутое исторической наукой к началу XXI в., книга проявляет многочисленные белые пятна, заслуживающие дальнейшего изучения.

Книга О.И. Марискина остаётся до сих пор наиболее серьёзным специальным исследованием по дореволюционным налогам¹⁵. Автор воплотил одну из тенденций историографии «нулевых» годов – сквозные исследования «из царской России в нэп». Действительно, экономические явления эпохи нэпа побуждают к сравнению. «Командные высоты» оставались за государством, и это создаёт коренное отличие между нэпом и капиталистической экономикой. Но непосредственные проявления советской экономики до первых пятилеток – акционерные общества, банки, биржи, частные магазины, налоги – всё это уж очень напоминает царские времена. Ещё одна ценная черта книги Марискина – работа с опорой на низовые материалы отдельного региона. Эту традицию поддержала Е.С. Кравцова, в двух монографиях и докторской диссертации рассмотревшая воплощение налоговых реформ в Курской губернии¹⁶. Наконец, есть отдельная монография

---

¹² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: Наука, 1967 (с. 244–263); Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983 (с. 113–118, 184–190); Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: изд-во Томского ун-та, 1986 (с. 200–231); Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1991 (с. 193–226).

¹³ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. М.: РОССПЭН, 1997.

¹⁴ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

¹⁵ Марискин О.И. Государство и тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 240 с.

¹⁶ Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX – XX столетий. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 164 с.; Она же. Опыт организации

по истории податной инспекции, которая тщательно описывает историю этой части бюрократического аппарата на примере Смоленской губернии¹⁷.

К «нулевым» годам относятся и первые «налоговые» публикации Янни Коцониса – первого иностранца, всерьёз занявшегося российской налоговой системой как таковой. К отдельным сюжетам российской налоговой истории западные исследователи обращались и прежде. Обсуждение подоходного налога в парламенте рассматривалось как пример работы политического механизма начала XX в.¹⁸. Вопрос о степени тяжести податного бремени для различных групп населения обсуждался в контексте затронутой Александром Гершенкроном проблемы роли государства в дореволюционной индустриализации¹⁹. Налоговая политика Н.Х. Бунге и его преемников изучалась как проявление правительственного либерализма и одновременно – общественных противоречий царского режима, сохраняющего привилегии дворянам перед купцами²⁰. Податная система, таким образом, рассматривалась как один из второстепенных сюжетов для выяснения давно поставленных вопросов. В отличие от предшественников, Я. Коцонис поставил в центр внимания саму систему взимания налогов. В журнальных статьях 2004 г.²¹ он сделал ту постановку проблемы, которая в России в это же время была сделана в малотиражном сборнике²².

Два автора независимо один от другого обратили внимание на податные присутствия как парадоксальное сочетание выборного начала и государственных задач. Пытаясь найти объяснение этому явлению, мы двинулись разными путями. Нью-йоркский профессор сделал упор на обсуждение вопроса о смысле податных реформ в правительственных кругах и в публицистике. Важнейшие выводы автора представлены в русскоязычной

налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2010. 300 с.; Она же. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917 гг.: Дис. ... д.и.н. по специальности: 07.00.02 (Отечественная история). Курск, 2011. 602 с.

¹⁷ Петров Ю.И. История становления податной инспекции в западных губерниях России в конце XIX столетия. М.: ЛЕНАНД, 2015. 224 с.

¹⁸ Gorlin, Robert. Problems of tax reform in imperial Russia // *Journal of Modern History*. Vol. 49. N 2 (June 1977). P. 246–265.

¹⁹ Plaggenborg, Stefan. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Rußland. 1881–1903. Die Bilanz der Steuerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. # 44 (1990). S. 123–339.

²⁰ Bowman, Linda. Russia's First Income Taxes: The Effects of Modernized Taxes on Commerce and Industry, 1885–1914 // *Slavic Review*. Vol. 52. N 2 (Summer 1993). P. 256–282.

²¹ Kotsonis, Yanni. «Face-to-Face»: The State, the Individual and the Citizen in Russian Taxation, 1863–1917 // *Slavic Review*. Vol. 63 (2004). N 2. P. 221–246; Kotsonis, Yanni. «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 76. N 3 (Sep., 2004). P. 531–577.

²² Кириллов А.К. Россия в начале XX века: государство и налогоплательщик // *Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции*. Новосибирск, 2004. С. 49–58.

публикации и в монографии, которая вписывает полученные ранее результаты в более широкий временной контекст²³. Я. Коцонис полагает, что с помощью податных присутствий правительство пыталось превратить своих подданных в граждан, привить им чувство гражданского самосознания. Это возвышенное объяснение не может считаться окончательным ответом на поставленный вопрос, так как не учитывает прагматической подоплёки налоговых реформ (внедрение податных присутствий вело к росту налоговых сборов и тем самым представляло выгоду независимо от возможных идеалистических порывов реформаторов). В то же время, объяснение Коцониса несомненно отражает особое положение Минфина как цитадели либерализма в самодержавном правительстве.

Как бы то ни было, работа Я. Коцониса в достаточной мере решает задачу выяснения теоретических оснований податных присутствий. И делает первоочередной задачей изучение их практической работы. Именно с этим и связан второй путь, которым двигалось изучение податных присутствий после 2004 г. Промежуточный итог этой работе подводит настоящая книга.

Книга опирается на источники, собранные на протяжении целого ряда архивных и библиотечных поездок. Толчок к этим экспедициям дало изучение описей фондов казённых палат в Тобольске и Томске. Казённые палаты в губернских центрах ведали всеми делами, относящимися к экономической стороне жизни. Фонды казённых палат насчитывают десятки тысяч дел и входят в число самых объёмных фондов губернских архивов. Ещё в аспирантские годы просматривая эти описи в поисках необходимых мне тогда городских банков, я нередко натыкался на незнакомые слова, связанные с налоговой тематикой. Непонятное манит. Чтобы уяснить, почему кроме основного промыслового налога существует ещё дополнительный, и что такое земские налоги в отсутствие земства, пришлось заняться системным изучением налоговой системы с учётом всех происходивших в ней перемен.

Складывание этой картины из разбросанных кусочков мозаики было достаточно увлекательным и в итоге дало кое-что новое для понимания общего смысла сочетания реформ и контрреформ в России. В то же время, открылся более глубокий и более интересный пласт документов и явлений дореволюционной жизни. Этот пласт лишь приоткрывается, но далеко не исчерпывается настоящей книгой.

Его изучение связано с архивными фондами податных инспекторов. Их материалы сохранились в виде исключения, а не правила. Но именно в этих фондах хранятся подборки дел по заседаниям налоговых присутствий. Это лишь «остатки былой роскоши», выброшенной или сожжённой за

---

²³ Коцонис, Яни. Государство и эволюция: налоговая политика и государственные преобразования в России (1863–1925) // Исторические записки. Вып. 10 (128). М: Наука, 2007. С. 19–70; Kotsonis, Yanni. States of obligation: taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto press, 2014. 483 p.

ненадобностью. В числе этих документов – и жалобы плательщиков, и решения присутствия, иногда – с обоснованием и с решением казённой палаты. Есть протоколы заседаний по рассмотрению более общих вопросов – о методах оценки, о процентах «нормальной прибыльности» – которые тоже дают представление о том, как делалось дело. В исключительных случаях есть следы «выяснения отношений» между чиновниками и выборными либо внутри чиновничества.

Подобные материалы сохранились и в связи с крестьянскими налогами, распределением которых между селениями занимались чиновники. Внимательное изучение этих документов позволяет восстановить расклад политических сил и устремления сторон в тех случаях, когда речь идёт о столкновении позиций.

Ещё более интересна группа массовых источников. Их удалось обнаружить всё в тех же фондах казённых палат и податных инспекторов. Во-первых, это «заявления» плательщиков – говоря современным языком, налоговые декларации. Мне известно три таких коллекции – по г. Барнаулу за 1913 год, по Омску и его окрестностям – за 1916-й. Все три сохранились не полностью, а лишь для части алфавита. Тем не менее, каждая насчитывает сотни «заявлений», что допускает их статистическую обработку. Как правило, эти подборки уничтожались по истечении окладного года. Для удобства работы инспектора составляли собственные ведомости. Они вроде бы заменяют «заявления», но на самом деле содержат лишь основные данные: оборот, прибыль, разряд (иногда – цена) свидетельства, сумма дополнительных налогов. Это отсекает целый пласт сведений, хранящихся в первичных документах, в том числе – и данные о том, все ли графы бланка были заполнены (и какие – нет), приняло ли присутствие заявленную плательщиком сумму прибыли (или изменило).

Ещё один массовый источник – «раскладочные приговоры»: постановления сельских сходов о распределении налогов. Общее число приговоров использованной коллекции превышает 1700. Коллекция включает приговоры селений Томского уезда за 1904, 1906, 1907, 1908 годы и небольшими фрагментами – за 1899 г. Происхождение подборки связано с сибирскими податными реформами конца XIX – начала XX века. Особенно впечатлила местных чиновников отмена круговой поруки в Сибири (законом 1906 г.), не подкреплённая распространением правил о раскладке крестьянских налогов, действовавших с 1899 г. в Европейской России. Опасаясь того, что крестьяне теперь станут уклоняться от уплаты налогов (раскладывать их на неимущих плательщиков), чиновники принялись пристально следить за основаниями раскладки, благодаря чему и возникла эта коллекция. Убедившись, что крестьяне не посягают на интересы казны, чиновники охладели к приговорам, но уже собранные документы отчасти сохранились.

И «заявления», и приговоры допускают работу с ними как с материалом для статистических расчётов. Для торговых предприятий мы можем вычислить долю прибыли, взимаемую налогом. Для крестьянских обществ –

долю налога, лежащую на каждое из используемых оснований раскладки (на души, на землю, на имущество). Само по себе это довольно ценно: сводные данные из статистических публикаций (например, из общероссийской погубернской сводки по промысловому налогу за 1912 г.) не позволяют получить статистику на уровне отдельных предприятий. «Статистическое лицо» отдельного плательщика теряется за сводными, усреднёнными данными по участкам и уездам. Сводные данные о крестьянских налогах вообще не позволяют получить данные о различии оснований раскладки между отдельными селениями.

Сверх того, и приговоры, и «заявления» допускают работу с ними как с уникальными документами. То на последней странице «заявления» мы встречаем подробную мотивировку отказа принимать заявленную предпринимателем прибыль, и это даёт представление о методах работы раскладочных присутствий. То в раскладочном приговоре, вместо традиционного «единогласно приговорили», вдруг встретится отголосок борьбы на сходе двух «партий», предлагавших разные принципы распределения налога. Единичные «жемчужинки» такого рода выдают целый класс явлений, никак иначе не документированных.

Эти важнейшие категории источников дополняются материалами, связанными с разработкой законодательства. Главным образом они хранятся в столичном (С.-Петербург) фонде Департамента окладных сборов, заведовавшего в начале XX в. всеми прямыми налогами. До конца XIX в. его деятельность отчасти дублировалась Департаментом торговли и мануфактур, с 1885 г. ведавшим промысловый налог. Именно в департаментах непосредственно готовились те проекты, которые в массовом сознании связаны с именами министров. Должность директора департамента имела ключевое значение для разработки реформ. В числе руководителей Департамента окладных сборов отметился такой видный деятель первой четверти XX в., как Н.Н. Кутлер, перешедший с этой должности в товарищи министра финансов.

В столичных фондах хранятся проекты законов, протоколы их обсуждений в специальных совещаниях, отзывы начальников казённых палат. Парадокс положения реформаторов состоял в том, что для успешного продвижения своих проектов в высших кругах (зачастую консервативно настроенных) надо было доказывать их насущную необходимость, а для этого – иметь отзывы с мест. Им, высокопоставленным столичным руководителям, приходилось обращаться к своим подчинённым на местах в надежде найти единомышленников – но быть притом готовыми натолкнуться и на противников реформ. Часть переписки этого рода (в том числе и местные отзывы, не обязательно сочувственные реформам) сохранилась в фондах казённых палат на местах.

По мере появления на местах штата податных инспекторов (с 1885 г.) казённые палаты как местные органы Министерства финансов начали проводить периодические съезды податных инспекторов, иногда оставлявшие после себя подборки подготовительных материалов в архиве, а иногда – и печатные материалы съездов. Главным образом они посвящены

второстепенным техническим подробностям, однако в некоторых случаях инспектора, говоря о насущных проблемах, указывают тонкости, которые не откладываются в иных источниках.

К исходу первого пятилетия работы податной инспекции при Департаменте окладных сборов появились первые ревизоры по податной части²⁴. То, чем они занимались – типичные внутриведомственные мероприятия. Главной задачей ревизоров было не выловить плохих работников и заменить их хорошими, а улучшить работу тех, которые есть, подсказать какие-то решения, используемые в других губерниях. Для составления отчёта ревизоры обильно пользовались материалами ревизуемых, то есть во многом смотрели на дело их глазами. В то же время, ревизии сопровождалась объездом территории и личным знакомством с инспекторами, производились неспешно (недели, а то и месяцы) и заканчивались обстоятельными, на десятки или сотни листов, докладами, содержащими помимо прочего и указания на недостатки в работе. Один и тот же ревизор Д.Л. Киреевский проверял работу инспекторов от Сибири до Прибалтики. Возможность сравнения совершенно непохожих регионов сама по себе обеспечивает ценность его замечаний об особенностях постановки дела на местах. За единичным исключением²⁵ отчёты эти не опубликованы и ждут своего часа в фонде Департамента окладных сборов.

Случайно оказались недавно опубликованы воспоминания одного из директоров Департамента окладных сборов – Н.Н. Покровского²⁶. Само название книги показывает, что её автор привлёк внимание публикаторов не как налоговый, а как последний министр иностранных дел Российской империи – в этой должности аккуратный и порядочный чиновник оказался из-за «министерской чехарды» на закате династии Романовых. Сам же Николай Николаевич добросовестно описал все этапы своей государственной службы, включая и долголетнюю карьеру в Минфине.

Россия второй половины XIX века – Россия пишущая. Публицистика в виде журнальных статей и специальных брошюр служила ещё одним подспорьем в работе над данной книгой. Впрочем, обсуждение работы собственно податных присутствий попадало на кончик пера публицистов лишь в виде исключения: на фоне таких животрепещущих вопросов, как подоходный налог или винная монополия, это были слишком мелкие подробности. Публицистические источники имеют для данной темы лишь вспомогательное значение.

---

²⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 4264. Ревизоры по податной части при Департаменте окладных сборов, 1889–1914 (брошюра; Пг., 1914).

²⁵ Отчёт податного ревизора Д.Л. Киреевского о ревизии податной инспекции Акмолинской и Семипалатинской областей в 1902 г. // Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 171–233.

²⁶ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

Из ряда специальных экономических журналов, которые издавались в это время в стране, своей содержательностью выделяется официоз Министерства финансов – «Вестник финансов, промышленности и торговли», выходявший с 1885 г. до ноября 1917 г. Здесь в преддверии реформ помещались пространственные редакционные статьи, объясняющие необходимость и смысл перемен, здесь печатались краткие сообщения о зарубежной экономической жизни, здесь изредка появлялись и публикации, выражающие личные мнения известных экономистов по злободневным вопросам.

Подводя итог обзору источников, подчеркну главное. Российский государственный исторический архив, хранящий фонды министерств Российской империи, часто воспринимается как земля обетованная для специалистов по истории периода капитализма. Материалы, добытые здесь – как венец исследования. В той работе, итогом которой стала данная книга, напротив, обработка столичных фондов была начальным этапом. Некоторые любопытные находки, сделанные в богатейшей коллекции РГИА, всё же, как правило, имеют характер необязательных виньеток. Самые важные выводы обеспечены документами казённых палат и податных инспекторов, податных присутствий и крестьянских обществ одного из российских регионов.

Пристальное изучение первичных документов делает невозможным сплошной охват всей страны в одном исследовании. То, что данная работа выполнена именно на материалах Западной Сибири, обусловлено стечением нескольких обстоятельств.

Первое из них – это удивительный рывок в развитии, который являет нам сама Сибирь на протяжении считанных десятилетий перед революцией. Ещё в 1882 г. классик областнического движения Н.М. Ядринцев в своей знаменитой книге «Сибирь как колония» печалился по поводу того, что Сибирь остаётся страной каторги и ссылки, и с трудом доказывал, что сибирские крестьяне – не какая-то особая этнографическая группа, а те же самые русские. Но в этом же самом году Тобольская и Томская губернии освободились от опеки западносибирского генерал-губернатора, получив от высшей власти своего рода дипломатическое признание наравне с обычными российскими губерниями. И это уже было признанием бесповоротно состоявшейся «русификации Сибири». С приходом же в Сибирь железной дороги плотность её заселения, экономические условия, технологии, культурные привычки стали меняться на глазах. Союз Сибирских маслодельных артелей (с конторой в Лондоне), «высочайше установленный» Челябинский тарифный перелом для сибирского хлеба, проведённая в 1890-е годы серия реформ по великороссийским образцам 1860-х годов – ярчайшие свидетельства сибирского преобразования. В середине 1890-х гг. Транссиб присоединил земли на восток от Урала к экономическому и культурному пространству Европейской России. Восточная Сибирь оказалась всё же слишком далёкой для российских крестьян, без массового притока которых воплощение новых экономических возможностей не могло состояться. Но Тобольская и Томская губернии (вместе с русскими районами Степного края,

находящимися в зоне экономического тяготения Транссиба) окончательно стали обычной русской провинцией.

Как правило, исследования по истории России опираются на материал европейской части страны (нередко – с вычетом из неё южных и западных окраин, богатых на особенности законодательства). Такова сила традиции. Игнорирование Сибири настолько естественно, что даже не требует обоснования. Довольно логично, что в Москве, к которой Берлин вдвое ближе Томска, по отношению к Сибири и в XX в. продолжал действовать стереотип «медведь на улицах». Но как раз общероссийским исследованиям этот шаблон изрядно навредил. К.Н. Тарновский, скрупулёзно искавший успешные и передовые кооперативы среди разоряющихся ремесленных мастерских европейских губерний²⁷, получил бы в подтверждение своей идеи «народного капитализма» целую отрасль (маслодельческую), если ли бы обратился к Сибири. Исследователи российских железных дорог²⁸ получили бы возможность качественно иной постановки столь резонансного в мировой исторической науке²⁹ вопроса о влиянии железных дорог на экономическое развитие страны. Именно сибирский опыт позволяет отделить воздействие железных дорог от воздействия крестьянской реформы и других преобразований 1860-х–1870-х гг. и показать роль железной дороги как локомотива экономики.

Уже из сказанного видно, что «обычная российская провинция» Западная Сибирь имела – как и всякая обычная провинция – свои особенности, важные для изучения общероссийских явлений. Для налоговой отрасли из этих особенностей важны две. Первая – это запаздывание с определением границ крестьянского землепользования. Даже в последние годы перед революцией, несмотря на десятилетия работы «Сибирского межевания» и его преемников, не везде крестьянские общества имели точно отграниченные наделы. На этом основании столичные власти отказывались распространять на Сибирь Положение 1899 г. о порядке взимания крестьянских налогов. За счёт этого в Сибири был поставлен своего рода эксперимент: отмена круговой поруки состоялась в отсутствие важнейшего условия, принуждающего крестьян раскладывать налоги не в ущерб казне. Это даёт уникальный материал для обсуждения вопроса о соотношении законов и традиций в системе сбора налогов.

Ещё одна сибирская особенность – задержка с окончательным установлением здесь советской власти до конца 1919 г. Революция и Гражданская война – время резко ускоренного развития: в считанные годы отменялось одно и создавалось другое, о чём прежде говорили десятилетиями.

---

²⁷ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 272 с.

²⁸ Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975. 316 с.

²⁹ Fogel, Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.

Именно в это время Министерство финансов Омского правительства, продолжившее традиции до-большевистского управления, сделало подоходный налог не элитным, а всеобщим. Так был закреплён выход на новый качественный рубеж, поставлена последняя точка в полувековой эволюции налоговой системы, немного не достигшей этого рубежа на землях, подвластных большевикам.

Не последнюю роль среди причин обращения к Сибири играют организационные обстоятельства. Прежде всего, важен вопрос происхождения архивных коллекций. Структура управления Российской империи была такова, что низшим уровнем разветвлённого государственного управления оставалась губерния. В губернских центрах сотрудники губернских правлений и казённых палат вырабатывали политику, которая затем воплощалась под их присмотром местными деятелями – крестьянскими чиновниками, податными инспекторами, полицейскими исправниками. Планы П.А. Столыпина создать такую же систему на ступень ближе к народу – на уровне уезда – не вышли за рамки законопроектов. Поэтому именно архивы губернских центров хранят самые богатые подборки низовых документов по российской истории периода капитализма.

Так архив Томска, ныне – главного города скромной Томской области, оказался владельцем коллекции документов огромной Томской губернии, в которую укладываются нынешние Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край и Республика Горный Алтай. Сопоставимый по богатству материал хранится в г. Тобольске, который нынче не является даже областным центром, а в начале XX в. служил резиденцией одного из двух западносибирских губернаторов. Особый статус, выходящий за рамки уездного центра, имел Барнаул – столица Алтайского округа, управляемого Кабинетом его императорского величества (Кабинетом ЕИВ). В Государственном архиве Алтайского края отложились дела податных инспекторов, крестьянских начальников и других органов местной власти не только по Барнаульскому, но также по Бийскому и Змеиногорскому уездам, входившим в Алтайский округ. Не всем сибирским столицам повезло. Материалы из бывшего центра Степного края – города Омска – в значительной степени были переданы в Казахстан. Почти весь фонд Омской казённой палаты хранится ныне в Центральном государственном архиве Республики Казахстан.

Экономическая ценность природных запасов оценивается не только по богатству залежей, но и по степени их доступности. Подобно этому, практическая ценность архивной коллекции во многом зависит от степени её доступности для исследователей. Профессиональные историки и подвижники исторического дела А.В. Большакова и А.Г. Караваева, долгие годы руководящие Томским архивом, создали весьма благожелательную для историков атмосферу, позволяющую исследователям работать с высокой производительностью. За счёт этого использование томских материалов оказалось предпочтительным перед использованием материалов многих других, даже крупных, архивов.

Часть 1

Нерывная цепочка:

законы и реформы 1863–1917 годов

Глава 1. Самая долгая из «Великих реформ»: отмена подушной подати

Начало шестидесятых годов XIX века – время особое. Уже совершён прорыв 19 февраля 1861 года, крепостное право пало. Но публика ещё не знает, что будет дальше. Какие ещё реформы готовит правительство, и готовит ли вообще? Законное обсуждение слишком ограничено, и горячая молодёжь пишет подпольные прокламации. По сути – собственные, альтернативные правительственной, программы реформ. Одна из самых известных – «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»: именно она даст суду основание изъять из общественной жизни влиятельного публициста и будущего кумира молодёжи Н.Г. Чернышевского.

Эта прокламация удивительна тем, что во многом совпадает с мыслями реформаторов из правительства. «Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было»³⁰. И если мечты о «выборном царе» не воплотятся ещё долго, то суд праведный и равный, и отмена рекрутчины – хрестоматийные пункты «Великих реформ».

И насчёт подушной подати автор крамольной листовки шагал вполне в ногу с правительством. Таков был дух эпохи, открывшейся после смерти Николая I. С лёгкой руки Ф.И. Тютчева она получила имя «Оттепель». «Со всех сторон посылались в Петербург проекты железных дорог, записки о разных финансовых реформах и улучшениях, о судебных преобразованиях, освобождении крестьян» – так описывал новую атмосферу будущий активный реформатор князь Д.А. Оболенский³¹.

Подушная подать в ряду пережитков крепостной эпохи

Разработка податной реформы началась раньше большинства других. К моменту написания «Барским крестьянам...» уже полтора года (с июля 1859 г.) при Министерстве финансов действовала Комиссия для пересмотра системы податей и сборов. За два десятилетия работы Податная комиссия издала десятки томов, посвящённых состоянию различных отраслей налогообложения в России и зарубежному опыту. В одной из первых своих

---

³⁰ Чернышевский Н.Г. [Барским крестьянам от их доброжелателей поклон...] [Интернет-ресурс свободного доступа. Дата проверки: 01.12.2017 г.] <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/chern.htm>. Выверено по изданию: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. / Ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997.

³¹ Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. 10-е изд. СПб: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1907. 855 с.

публикаций комиссия указывала, что коренного улучшения податной системы нельзя достигнуть «без совершенной отмены подушной системы». Это мнение было всеобщим³².

Подушная подать выступала не только сословным клеймом «податных сословий». Это был ещё и ограничитель доходов бюджета. Канули в прошлое Петровские времена, когда подушная подать давала треть всех доходов казны. Теперь она не дотягивала и до 15 %, и перспективы повышения были сомнительны. Недоимки к середине XIX в. стали постоянным спутником подушной системы: значит, для многих налоги чрезмерны. Было ясно, что есть много тех, кто мог бы платить больше, но чтобы их отделить, надо научиться отличать богатых от бедных – и значит, уйти от подушного принципа³³.

Что взамен? Первые проекты податной комиссии были готовы уже в 1862 г.: проекты подворной подати с крестьян, поземельного налога с крестьян и помещиков, налога на строения в уездах. Проектам этим «не был дан ход» под тем предлогом, что надо сначала выяснить «экономические последствия крестьянского дела и финансовые результаты [новой] питейной системы»³⁴. В 1867 г. начался очередной приступ к податной реформе, и в 1869 г. вновь созданная специальная комиссия представила вновь разработанные проекты. На сей раз предлагалось заменить подушную подать только двумя налогами – подворным и поземельным, причём поземельный должен был лечь только на крестьян, а не «благородных» землевладельцев. Таким образом, по существу речь шла о сохранении обложения крестьян под новым названием³⁵. Проект этой реформы был в 1870 г. разослан по земствам для обсуждения и получил резкую критику. Но и земцы со своей стороны не предложили какого-либо решения, явно более выигрышного.

Крупный помещик, хваткий хозяин и знаменитый общественный деятель А.И. Кошелев, наблюдавший происходящее изнутри, так описывал земское обсуждение в Рязани: «В признании правительственного проекта неудовлетворительным все согласились скоро и без больших споров; но первый поставленный на очередь вопрос, следует ли податную обязанность распространять на все сословия, вызвал жаркие и почти нескончаемые прения». В подготовительной комиссии всё же взяли верх сторонники демократического подхода, однако в общем собрании губернского земства «крепостники действовали очень дружно и всячески противились

---

³² Василенко Н. Подушная подать в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Интернет-ресурс свободного доступа. Дата проверки: 01.12.2017 г.] https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Подушная_подать_в_России

³³ Кошелев А.И. О подушных податях. / Отдельный оттиск из ж-ла «Беседа», кн. I. М., 1871. 21 с.

³⁴ Алексеенко М.М. Действующее законодательство о прямых налогах. СПб, 1879. С. 43.

³⁵ Там же. С. 44–49.

распространению податных обязанностей на привилегированные сословия»³⁶. Обсуждение окончилось ничем.

Дело было, конечно, не только и не столько в «сопротивлении крепостников»: этого хватало и в крестьянской реформе, которая, тем не менее, благополучно состоялась. Но вопросы общественно-политические всегда кажутся проще, чем экономические. Что делать с крестьянской свободой и помещичьей землёй – на этот вопрос у царя был свой ответ, хотя бы примерный. В области же финансов без специалистов было не обойтись, а специалисты не могли дать уверенного рецепта, как создать новый источник дохода «на пустом месте».

Правда, уже в первых обсуждениях высказывалась мысль о подоходном налоге. Именно такой проект был в 1862 г. предложен молодым министром финансов М.Х. Рейтерном. Представитель плеяды «Константиновских орлов», по поручению младшего брата царя три года проведший в Европе и США для изучения устройства местных финансов, он был твёрдым реформатором. Предложенный им проект предполагал введение умеренного (не более 5 %) налога на богатых (исключая крестьян и мещан) на условиях добровольного заявления дохода. В числе плательщиков должны были оказаться не только купцы, но и помещики.

Податная комиссия, куда поступил проект, действовала «в лучших традициях» старой николаевской гвардии. Поклявшись в приверженности к самой идее подоходного налога, Комиссия, однако же, решительно признала введение такого налога в России «крайне несвоевременным». Проект Рейтерна был разгромлен на том основании, что цифра ожидаемого дохода (4,8 млн руб.) обоснована неубедительно, а главное, страна вступила в эпоху коренных экономических потрясений. В такое время, – говорится в ответной записке, – «решительно никто, начиная от крестьянина и поденщика и до самого могущественного столичного капиталиста и государственного сановника, не может сколько-нибудь приблизительно определить, каков его чистый годовой доход»³⁷. Высказанные здесь же сетования на освобождение крестьян, отмену барщины и изменение в быте «главного нашего потребителя» – помещичьего класса, объясняют читателю состав комиссии, предупредивший «смертный приговор» проекту 1862 года.

Заодно «для справки» Комиссия напомнила опыт 1812 г. Отчаянно нуждаясь в деньгах, правительство (ещё при М.М. Сперанском) установило подоходный налог с помещичьих доходов – но так, чтобы не испортить отношений с привилегированным сословием. В законе было записано, что правильность дворянских показаний о сумме дохода «утверждается на доброй

---

³⁶ Записки Александра Ивановича Косшелева (1812–1883 годы). [Интернет-ресурс свободного доступа. Дата проверки: 01.12.2017 г.] http://az.lib.ru/k/koshelew_a_i/text_1884_zapiski_kosheleva.shtml

³⁷ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XVI: Веселовский М. П. О подоходном налоге. СПб, 1869. С. 120–121.

вере и чести. Никакие доносы на утайку доходов или неправильное их показание не принимаются»³⁸. В итоге сумма сбора оказалась столь малой, а главное, уклонение от налога – столь массовым, что налог в 1819 г. пришлось отменить.

Для окончательного разгрома подоходных чаяний министра финансов Комиссия командировала за границу «для ближайшего ознакомления с подоходным налогом» М.П. Веселовского³⁹. Его описания и размышления изданы были в 1869 г. в качестве 16-го тома трудов Комиссии. Подробнейше описав устройство подоходных налогов на Западе и тщательно пересказав историю обсуждения подоходного проекта в России, автор в основном согласился с отзывом Податной комиссии на проект М.Х. Рейтерна и пришёл к заключению, что введение подоходного налога в России «при настоящих обстоятельствах» «сопровождалось бы неисчислимыми затруднениями»⁴⁰.

Итак, оставалось выжидать, осторожничать и реформировать те налоги, которые не затрагивали интересов «благородного дворянства». И первый день 1863 года принёс сразу два податных новшества, достойных занимать место в плеяде «Великих реформ».

Налоговые законы 1863 года: «отрицательная часть» податной реформы

Ключевая черта «Великих реформ» – их «двойное назначение». Хорошо известно назначение политическое: отмена несправедливых межсословных перегородок, освобождение страны. Меньше бросается в глаза прагматическая составляющая – но она есть в каждой реформе. Будь то проблема подготовки грамотных профессорских кадров как основание для университетской реформы или задача избежать судьбы французов под Седаном как толчок к отмене рекрутчины.

Налоговые реформы 1863 г. не стали исключением. Начнём с более яркой стороны дела. Обе эти реформы ликвидировали важные бастионы неполноправия низших сословий. В один день торгующие крестьяне были уравнены в правах с купцами и уничтожена подушная подать с мещан⁴¹.

Отмена мещанской «подушины» выглядит понятной без долгих слов, требуется лишь одно уточнение. Через 19 лет после её отмены, в законе

---

³⁸ ПСЗ. Т. XXXII. СПб, 1830. № 24992. Манифест о преобразовании комиссии погашения долгов. С. 184, 191–192.

³⁹ Вербицкий А.И. Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства о подоходном налоге в России. Иркутск, 1916. С. 14–18.

⁴⁰ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XVI: Веселовский М. П. О подоходном налоге. СПб, 1869. С. 196.

⁴¹ ПСЗ-2. Т. XXXVIII. № 39118. С. 3–15. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов; ПСЗ-2. Т. XXXVIII. № 39119. С. 15–19. Правила о взимании в 1863 году налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках.

18 мая 1882 г., мы вновь видим указание императора прекратить взимание «подушного, в пользу казны, сбора с мещан». Противоречия нет: речь идёт о сборе, появившемся после указа 10 декабря 1874 г. «о прекращении отдельного существования государственного земского сбора и о присоединении его, с 1875 года, к общим государственным доходам»⁴². В состав государственного земского сбора входил (по старой, дореформенной традиции) подушный сбор с мещан; он-то и стал в 1875 г. самостоятельным «государственным доходом», его и отменял указ 1882 г. Но даже в этом, самостоятельном, качестве, он не случайно именовался лишь сбором, а не податью. Речь шла не об откате реформы, а о мелкой технической подробности, побочном продукте эволюции земских налогов. Подушная подать для мещан в 1863 г. была отменена навсегда. Такова формула реформы, точная и простая одновременно.

Суть реформы обложения торговли и промышленности требует более подробного пояснения. Хорошо известно, что Жалованная грамота 1785 г. провозглашала купеческую монополию на торговлю. При этом сословие было открыто для всех, заявивших капитал установленного размера (с которого и платился налог). Казалось бы, если крестьянин ведёт торговлю, то «выбирает» (покупает) патент (без которого торговать всё равно не разрешат) и становится купцом – откуда же может взяться различие между торгующими крестьянами и купцами?

Дело в том, что применение по-немецки чётко задуманной схемы выявило две проблемы. Прежде всего, размер мелкой торговли не позволял разносчикам и мелким лавочникам выбирать даже самые дешёвые купеческие патенты. Свою долю жизненного сумбура вносило крепостное право. Помещикам было выгодно разрешать своим крестьянам торговлю: с богатых можно больше взять оброка. Но разрешить им взять купеческий патент значило утратить своё право владеть ими: купечество – сословие не просто свободное, а даже привилегированное.

Постепенное осознание этих проблем законодателем вылилось в ряд изменений и поправок. Подведение итога частным изменениям стало в 1824 г. первым «геркулесовым подвигом» знаменитого министра финансов Е.Ф. Канкрин. Система 1824 г.⁴³, просуществовавшая четыре десятилетия, опиралась на две «лесенки» торговых свидетельств: одна – для купцов и горожан, другая – для крестьян. При этом устанавливалось, что крестьянское «свидетельство 1-го рода» «даёт право торговли купца 1-й гильдии» («без личных преимуществ»), но стоит 2600 руб. против 2200 руб. купеческих. Цены свидетельств 2-й ступени составляли, соответственно, 1100 и 880 руб., третьей – 400 и 220 руб.; крестьянские свидетельства 4-го разряда превосходили по цене свидетельства на мещанский торг. Таким образом, то

⁴² ПСЗ-3. Т. XLIX. Отделение 2-е. № 54144. С. 415–417.

⁴³ ПСЗ. Т. XXIX. № 30115. С. 588–612. Дополнительное постановление об устройстве гильдий и об устройстве прочих состояний.

ли купцы, торгующие мещане и посадские получали своеобразную податную льготу, то ли, скорее, торгующие крестьяне – дополнительное обременение, лишнее напоминание об их униженном положении.

Именно это неравенство было уничтожено в 1863 г. Отныне оставалась только одна шкала патентов для торговцев и промышленников. Низшие ступени этой лестницы оплачивались свидетельствами на мелочный торг, на развозной торг мануфактурными и колониальными товарами, на разносный торг ими же, на мещанские промыслы. Наверху возвышались купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдий. Любой человек, оплативший необходимую сумму, получал не только определённые торгово-промышленные права, но и почётное звание купца.

Как видно, «политическая сторона» реформ 1863 г. была отрицательной: ломалось старое, несправедливое. Вместе с тем, создавалось нечто новое, и как раз это важно с точки зрения прагматического содержания реформ.

Опыты на купцах: реформа 1863–1865 годов

Начнём с торгово-промышленного обложения, система которого была окончательно сформирована Положением 9 февраля 1865 г.⁴⁴ По существу, можно говорить о реформе 1863–1865 гг. Новшества этой реформы кажутся на первый взгляд скучными второстепенными подробностями. На самом же деле, они содержат важный подтекст.

Первое «технологическое» новшество – это установление разных ставок налога для разных местностей. Оно не относилось к первогильдейцам, платившим повсеместно 265 руб. серебром. Это логично, поскольку свидетельство 1-й гильдии, выбранное в любом месте, давало право торговли по всей стране – в отличие от более дешёвых свидетельств. Единые ставки действовали и для самых мелких торговцев: развозной, разносный торг и мещанские промыслы были оценены, соответственно, в 15 руб., 6 руб. и 2,5 руб. за год. Зато купеческие свидетельства 2-й гильдии колебались в цене от 25 руб. для местностей 5-го класса до 65 руб. в местностях 1-го класса, свидетельства на мелочный торг – от 8 до 20 руб. Разбивка городов и уездов на классы производилась Министерством финансов вручную: предполагалось, что чем активнее идёт торгово-промышленная жизнь, тем выше доходы предпринимателей.

Доработана была и билетная составляющая предпринимательского налога. Билеты на лавки – это документы, которые требовалось «выбирать» уже по системе 1824 г. Но прежде каждое свидетельство давало право на определённое число бесплатных лавок. Теперь требовалось за каждую лавку платить от 2 до 30 руб. Позже число заведений на каждое торговое или промысловое свидетельство будет ограничено, так что, например, первогильдеец, имеющий более 10 лавок, должен будет выбирать ещё одно

---

⁴⁴ ПСЗ-2. Т. XL. Отделение 1-е. С. 157–175.

свидетельство 1-й гильдии, а по свидетельству на мелочный торг можно будет иметь только 3 лавки.

Нетрудно видеть, что оба «технологических» новшества реформы торговых пошлин резко усиливали принцип дифференциации плательщиков по уровню доходов. По существу, правительство после долгого перерыва возвращалось к решению задачи: как брать больше с богатых, не переобременяя бедных. Именно так мыслилось дело ещё при Екатерине II: ведь цена патентов изначально устанавливалась не в рублях, а в процентах от заявленного капитала. Но поскольку всякая проверка заявляемых сведений отсутствовала, купцы дружно заявляли наименьшую возможную по каждой гильдии сумму. Первая попытка ввести в купеческое обложение принцип «богатый платит больше» провалилась, и это было окончательно признано при Александре I, когда цены патентов стали твёрдыми. Реформаторы же 1860-х гг., во-первых, нашли показатель, позволяющий различать степень богатства торговцев одной гильдии (число заведений), и во-вторых, смогли придумать ещё одно основание («класс местности») для усложнения классификации плательщиков.

Таков был первый небольшой шаг в поиске практических решений, позволяющих со временем приступить к введению подоходного обложения. Не удивительно, что именно купцы оказались первой подопытной группой: «в синем кафтане почтенный лабазник» – традиционный предмет дворянских насмешек. Реформировать налоги купеческие было, конечно, спокойнее, чем устанавливать налоги на дворян. Впрочем, и в последнем направлении был сделан шаг, значение которого обычно недооценивается.

Города без подушной подати

В средневековой Европе воздух города делал человека свободным от крепостной зависимости. В России, с 1863 г. и до окончательной отмены подушной подати, воздух города (при надлежащем оформлении сословного статуса) делал человека свободным от подушной подати. Взамен жители городов приобрели обязанность платить государственный налог с городской недвижимости. Введённый поначалу временно, этот налог был закреплён Положением 4 октября 1866 г.⁴⁵ (на Сибирь реформа распространена законом 31 мая 1872 г.)⁴⁶.

С точки зрения общественной справедливости новый налог коренным образом отличался от предыдущего. Подушную подать платили все горожане мещанского сословия, и только они (но не дворяне). Новый налог был бессловным и распределялся между имуществами «соответственно относительной стоимости оных» (с освобождением от налога «малоценных имуществ»). Это ещё не прогрессивная шкала, но уже воплощение принципа:

⁴⁵ ПСЗ-2. Т. XLI. Отделение 2-е. С. 88–92.

⁴⁶ ПСЗ-2. Т. XLVII. Отделение 1-е. С. 759–760.

кто богаче, тот платит больше. И значит, вновь вставала задача: узнать, кто богаче, а кто беднее.

Решая эту задачу, Минфин отчасти действовал по старинке, используя раскладочную систему. Государство, исходя из общей цифры желаемого сбора по стране и своих представлений об относительном богатстве городов, определяло только общую сумму, которую следует собрать с города⁴⁷; раскладка этой суммы между отдельными имуществами производилась силами самих плательщиков. Поначалу закон требовал, чтобы под присмотром городской думы создавались особые раскладочные комиссии из числа плательщиков, однако детище оказалось мертворождённым, и закон 25 апреля 1872 г.⁴⁸ передал обязанности по раскладке налога непосредственно городским думам⁴⁹. Казалось бы, точно так же распределялась в былое время и подушная подать.

Но было два отличия. Первое – техническое: распределять подушную подать общество могло, как ему заблагорассудится, а для нового налога требовалось составление подборок сведений о ценности каждого городского здания. Не окажется ли эта работа чрезмерно трудоёмкой? Это сомнение решилось за счёт городского оценочного сбора – налога, взимаемого тоже с городских строений, но не в государственную казну, а в бюджеты городского самоуправления. В первой половине XIX в. оценочный сбор существовал лишь в отдельных городах в виде исключения. Но закон 20 февраля 1861 г. предоставил всем городам право вводить этот сбор, не разрабатывая особых правил⁵⁰. С этих пор оценочный сбор стал одним из главных источников городских бюджетов всей страны. Необходимые оценочные перечни были быстро составлены городскими властями. Они легко могли быть использованы и для казённого налога.

Затем оставалось коренное отличие нового налога с городской недвижимости: в нём не действовала присущая подушной подати круговая порука. Отныне, если плательщик не мог внести предписанную ему долю общегородской суммы, это становилось проблемой государства, но не проблемой городского общества. Вставала задача: гарантировать справедливость городской раскладки, её соответствие действительной ценности облагаемых имуществ.

Отчасти она решалась за счёт упомянутой связки между городским оценочным сбором и государственным налогом с городской недвижимостью. Связка не была жёсткой. Закон 4 октября 1866 г. предоставлял раскладочной

---

⁴⁷ В земских губерниях (то есть: не в Сибири), начиная с 1866 г., раскладкой общегубернской суммы между городами занималось земское собрание.

⁴⁸ ПСЗ-2. Т. XLVII. Отделение 1-е. С. 536–537.

⁴⁹ Этот закон опирался на Городовое положение 1870 г., не только передавшее назначение комиссии по оценке недвижимых имуществ в руки городской думы, но и предоставившее городскому самоуправлению право вообще не создавать таких комиссий (ст. 85).

⁵⁰ ПСЗ-2. Т. XXXVI. Отделение 1-е. С. 405–406.

комиссии определять стоимость имуществ «или по собственным ее расчетам, или согласно оценке обывательских недвижимых имуществ для городского и квартирного сбора». Таким образом, простор для сомнений по части возможных недоимок оставался. Тем не менее, эксперимент был проведён и оказался успешным.

Так впервые в реформе городских налогов 1863–1866 гг. родилась система, при которой общество определяло размер взноса каждого плательщика казённого налога, не неся при этом ответственности за его уплату. Пока ещё правительство не рискнуло отказаться от подстраховки в виде раскладочной системы, но Рубикон был перейдён.

Освобождение главного податного сословия

«Великие реформы» создали заявку на установление новых отношений государства и плательщика – но только в городах. Значение этого опыта станет ясно лишь позже, да и то лишь специалистам. Современникам же бросалось в глаза то, что «сеятель и хранитель» родной земли крестьянин по-прежнему обременён подушной податью – пережитком крепостничества. После неудачи с проектами 1870 г. Министерство финансов раз за разом возвращалось к проектам отмены подушной подати. Проект замены её подворным и подоходным налогами был отвергнут из-за Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с её чрезвычайными расходами. Специально созданная в 1879 г. комиссия для отмены подушной подати выдвинула проекты подоходного, личного и усадебного налогов. Но и эти проекты вызвали слишком много сомнений⁵¹.

Дело сдвинулось только с приходом в руководство Минфина Николая Христиановича Бунге. Последовательный реформатор Бунге двумя десятилетиями ранее участвовал в разработке крестьянской и университетской реформ; в 1880 г. он стал товарищем министра, а с мая 1881 г. – и министром финансов. Таков парадокс: Манифест о незыблемости самодержавия, подписанный новым императором, спровоцировал отставку группы министров-либералов. Однако на освободившийся пост главы Минфина Александр III пригласил либерально мыслящего Н.Х. Бунге. Опытный профессор и общественно-политический деятель был мудрым человеком. Поразительны в этом смысле его «Загробные заметки»⁵². Написанные уже на склоне жизни и рассчитанные на посмертное прочтение лично царём, они объясняют, за счёт чего человек либеральных взглядов смог оказаться одним из ключевых министров у консервативно настроенного царя. Начиная излагать предложение, противоречащее известной ему точке зрения своего адресата, Бунге

---

⁵¹ Кованько П.Л. Главнейшие реформы, проведенные Н.Х. Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901. С. 22–23.

⁵² Бунге Н.Х. Загробные заметки / Публикация В.Л. Степанова // Река времен. Кн. 1. М., 1995. С. 198–254.

сначала находит общую для них обоих отправную точку, и уже отсюда протягивает цепочку суждений к необходимому выводу⁵³.

Реформу крестьянских налогов Н.Х. Бунге числил первой задачей своей во главе министерства⁵⁴. Видя невозможность немедленно провести замену крестьянской подушной подати каким-либо передовым бессловным налогом, опытный реформатор сумел разделить эту задачу на две части, решаемые по отдельности. Первым делом он постарался отменить подушную подать как таковую – заменить её другими налогами пусть и с крестьян, но иначе названными и имеющими более справедливое обоснование. Даже здесь потребовалось «рубить хвост частями»: в законе 18 мая 1882 г. – первом из серии законов, уничтоживших подушную подать – свобода от этого платежа предоставлялась лишь крестьянам безземельным или получившим по реформе 1861 года четвертной (бесплатный) надел. Но уже название этого закона возвещало перемену коренную: «О постепенной замене подушной подати другими налогами»⁵⁵. Единственным ограничителем темпа реформы было названо в законе «изыскание новых источников государственных доходов». Для этого хватило трёх лет: 28 мая 1885 г. «Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, об отмене подушной и преобразовании оброчной податей, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить»⁵⁶. Так с 1 января 1887 г. была окончательно отменена подушная подать в Европейской России⁵⁷.

Потерянные бюджетом вместе с подушной податью 40 млн руб. были возмещены во многом за счёт самих же крестьян. Именно с поиском денег для замены подушной подати связан перевод на выкуп бывших казённых крестьян (то самое «преобразование оброчной подати», в законе 28 мая 1885 г. поставленное в одну строку с отменой подати подушной). Двадцать лет после крестьянской реформы показали, что одним из тяжелейших явлений крестьянской жизни стала уплата выкупных платежей – следствие «принудительной ипотеки» по крестьянской реформе 1861 г. Государственным крестьянам не надо было выкупать землю у помещиков, выкупных платежей у них не было, но за пользование государственной землёй они платили оброчную подать. В 1886 г. оброчная подать превратилась в выкупные платежи⁵⁸. При этом размер платежей повысился. Казалось бы, такое решение закладывает мину на будущее: ведь выкупные платежи по мере погашения

---

⁵³ Кириллов А.К. Урок для венценосного ученика: «Загробные заметки» Н.Х. Бунге // Личность школьника – альфа и омега педагогического процесса: Материалы конференции. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2016. С. 57–61. [Интернет-ресурс общего доступа:] <http://al-kir.ru/history/bunge-zametki.html> [дата проверки: 30.11.2017 г.]

⁵⁴ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1997. С. 127.

⁵⁵ ПСЗ-З. Т. II. № 887. С. 212.

⁵⁶ ПСЗ-З. Т. V. № 2988. С. 238–239.

⁵⁷ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1997. С. 133.

⁵⁸ ПСЗ-З. Т. V. № 2988. С. 238 (закон 28 мая 1885 г.); ПСЗ-З. Т. VI. № 3807. С. 303–304 (закон 12 июня 1886 г.).

выкупной суммы закончатся – что же останется бюджету? Но такова была острота момента, что думать на тридцать лет вперёд не приходилось. Если искать правильного и надёжного источника доходов, реформа не будет проведена – опыт 1870-х гг. показал это достаточно ясно. Важно было столкнуть реформу с мёртвой точки, отменить подушную подать и чем-то на первое время заткнуть эту дыру, а дальше уже приступать то ли к выработке новых налогов, то ли поиску других источников дохода.

Впрочем, «свято место» подушной подати не осталось пустым.

Что осталось после подушной подати

Прежде всего, следует сделать более подробную оговорку насчёт выкупных платежей бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. По давней традиции, именно они именовались главным пореформенным налогом российского крестьянства. Такая оценка явным образом противоречит сути выкупных платежей, которые, во-первых, возникли как плата за переход земли от одного собственника к другому. Конечным получателем которых, во-вторых, являлось не государство, а помещик (предварительно получивший всю сумму из казны дивидендными ценными бумагами). И наконец, которые прекращались по выплате выкупной суммы. Традиция считать выкупные платежи налогом соответствовала общему настрою советской историографии на изображение антинародной политики царизма. Живучесть этой традиции в постсоветское время объясняется в немалой степени её дореволюционным происхождением (притом не из революционного лагеря).

В.Л. Степанов увязывает превращение выкупных платежей в налог с первыми указами Александра III – об обязательном переводе на выкуп последних остающихся временнообязанных крестьян и понижении выкупных платежей. «Установив обязательность выкупа и взяв на себя часть крестьянского долга, правительство констатировало, что в наделении землей бывших крепостных должны принимать участие все налогоплательщики. Выкупные платежи были признаны не платой за землю, а выкупом личных повинностей, стали соотноситься не со стоимостью и доходностью надела, а с общим состоянием крестьянского хозяйства. Они все более воспринимались не как взносы в уплату банковского долга, а как прямой налог» – так объясняет автор логику общественного мнения⁵⁹. При этом он ссылается на П.Л. Кованько, который в начале правления Александра III ещё не был даже гимназистом. Перед нами – не факт, а его толкование историками.

В то же время П.Н. Милюков, выпуская на исходе XIX в. очередное издание своих отнюдь не культурологических «Очерков по истории русской культуры», прямо подчеркнул, что «выкупные платежи не есть подать, а уплата долга». Этими словами он пояснял тезис о том, что отменённая подушная подать «не заменена никакой новой», и система прямых налогов

---

⁵⁹ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1997. С. 129.

«находится в состоянии полного разрушения». Любопытно при этом, что буквально несколькими строками выше, иллюстрируя падение роли подушной подати со времён Петра Великого, автор отдавал дань уже сложившемуся стереотипу: «теперь, *включая даже выкупные платежи* [курсив мой. – А.К.] помещичьих и государственных крестьян, общая цифра прямых податей приближается уже к десятой части всего бюджета»⁶⁰.

Можно думать, что существенную роль в складывании ошибочного клише сыграло стремление большинства авторов покончить с выкупными платежами. Добиться отмены кредитного платежа в условиях разветвлённой и могучей кредитной системы – занятие безнадёжное. Для начала надо было «превратить» выкупные платежи в налог, при обсуждении которого уже можно использовать понятие справедливости. Публицисты XIX в. со своей задачей справились – и выкупные платежи были, на благо крестьян и всей России, отменены.

Но с тех пор, как отмена выкупных платежей перестала быть злобой дня, их можно и нужно оценивать независимо от политической борьбы XIX в. Выкупные платежи – тяжкое бремя для крестьян пореформенной России, в одном ряду с налогами; выкупные платежи – это даже часть крупной налоговой реформы, но не часть налоговой системы. Это представление постепенно утверждается в исторической литературе. Выкупные платежи достаточно определённо отделяются от прямых налогов в книге О.И. Марискина⁶¹. М.А. Давыдов в борьбе против «нюющей историографии» не просто разделил эти явления, но вполне справедливо противопоставил их, насытив свою краткую филиппику многими восклицательными знаками⁶².

Такое решение вопроса о выкупных платежах оставляет недоумение насчёт реформы 28 мая 1885 г.: выходит, что после отмены круговой поруки на крестьянах вовсе не осталось налоговых обязательств? Получается, что после окончания выкупных платежей – пусть через двадцать, а у кого-то и через сорок с лишним лет – крестьяне должны были остаться вовсе свободными от налогов?

Это совсем не так. И дело даже не в сохранившихся мирских и земских сборах, которые расходовались в значительной (если не решающей) степени по указке государства (на содержание местной администрации и арестантских мест). Дело в том, что ко времени отмены подушной подати в России существовал государственный поземельный налог. То был побочный продукт эволюции земских сборов, появившихся в России гораздо раньше земских

---

⁶⁰ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1-я. 3-е изд., испр. и доп. СПб: изд. редакции ж-ла «Мир Божий», 1898. С. 140–141.

⁶¹ Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 68–70.

⁶² Давыдов М.В. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб: Алетей, 2016. С. 152–153.

собраний и неоднократно реформированных при Александре II⁶³. Поземельному налогу подлежали все земли, облагаемые местными земскими сборами, кроме земель казённых.

Дабы не обременить благородных землевладельцев, поземельный налог не делали большим: средние по губернии оклады в 1884 г. колебались от 0,25 коп. до 17 коп. с десятины⁶⁴. Поземельный налог давал казне в несколько раз меньше, чем подушная подать. После отмены подушной подати сборы выросли, но не значительно: крестьянские платежи, по данным государственного контролёра П.Х. Шванебаха, увеличились с 4,5 млн руб. в 1880 г. до 6,8 млн в 1887 г.⁶⁵ К 1890 г. сумма поземельного налога «с земель сельских сословий» выросла до 7,6 млн руб. (с земель частных владельцев в тот год причиталось 5,3 млн руб.)⁶⁶.

Следовательно, повышение поземельного налога как средство латания дыры от ликвидации подушной подати не идёт в сравнение с переводом на выкуп бывших казённых крестьян (давшим 20 млн руб.). И всё-таки поземельный налог важен. Это был задел на будущее. Пока на крестьянах лежат более тяжкие платежи, его можно не использовать в полную силу (более того: в 1896 г. будет объявлена 10-летняя льгота, общий размер поземельного налога снизится с 13,3 до 5,8 млн руб.)⁶⁷. Но когда выкупные платежи исчезнут, ставки налога можно будет существенно увеличить, и это будет общее для всех сословий увеличение, не дискриминирующее крестьян.

Поэтому, хотя поземельный налог и не был создан с нуля в результате реформы, итог реформирования крестьянских налогов в 1885 г. можно подвести такими словами: на смену подушной подати пришёл поземельный налог.

Так в 1885 г. Россия окончательно избавилась ещё от одного клейма крепостной эпохи. Реформа эта во всяком случае не менее значительна, чем отмена рекрутчины, и буквально (имея в виду отмену подушной подати с мещан) продолжает логику реформ, начатых в первой половине 1860-х годов.

Но хрестоматийно известный набор «Великих реформ» отмену подушной подати не включает. Объясняется это просто: какое же может быть продолжение «Великих реформ» при Александре III, душителе свободы и деятельном покровителе контрреформ?! Вопрос этот, как будто риторический, на самом деле заслуживает обсуждения.

---

⁶³ А именно: государственный поземельный налог появился согласно закону 10 декабря 1874 г. «О прекращении отдельного существования государственного земского сбора и присоединении его, с 1875 года, к общим государственным доходам». Подробнее см.: Кириллов А.К. Земские налоги: сибирские особенности (2-я половина XIX – начало XX в.) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки. Выпуск 5). Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. С. 163–180.

⁶⁴ ПСЗ-3. Т. IV. 1884 год. Спб, 1887. № 1962. С. 16–17. Приложения: Штаты и таблицы. С. 32.

⁶⁵ Шванебах П.Х. Наше податное дело. Спб, 1903. С. 9.

⁶⁶ Ежегодник Министерства финансов. Вып. XXI. Спб, 1894. С. 116–117.

⁶⁷ Департамент окладных сборов 1863–1913. Спб, 1913. С. 170.

Реформы и контрреформы: проблема водораздела

Периодизация истории страны по царям – детский возраст исторической науки. Но «Великие реформы» Александра II и «Контрреформы» Александра III – понятия не из истории страны, а из истории государственной политики. Это – другое дело: ведь царь – ключевой участник законодательного процесса. Если убеждённый реформатор на троне сменяется убеждённым консерваторм, то ясно, что начнётся новый этап внутренней политики.

Парадокс, однако, в том, что Александр II проводил «Великие реформы», не будучи либералом. Каждой из реформ он решал практическую задачу в более или менее широком понимании этого слова. Наверное, его знаменитые слова, сказанные на коронации московским дворянам, о том, что лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать его отмены снизу, отражают не все практические соображения молодого царя. Но хорошо известно, что побуждение проводить эту реформу появилось у него только после поражения в Крымской войне. И это отличает его от убеждённых либералов вроде Н.А. Милютина, которых он использовал для решения насущных задач, а затем отодвинул в сторону. Показательно и объяснение, которое он дал одному из главных реформаторов А.В. Головнину при отставке в 1866 г.: «Вполне ценю твои намерения и твоё усердие и ни в чем не могу тебя упрекнуть, но против тебя сильно возбуждено общественное мнение, и что бы ты ни делал, все истолковывается в дурную сторону. Теперь нужны люди новые»⁶⁸.

В 1855 г. в стране началась «Оттепель» – и Александр II принялся за реформы. В 1866 г., после покушения Д.В. Каракозова, общественное настроение окончательно изменилось – и резко изменилась политика. Н.А. Некрасову в начале 1870-х гг. оставалось лишь с тоской вспоминать «благодатное время надежд». В историографии принято именовать эту новую политику «откатом реформ», подчёркивая отличие от дальнейших «настоящих контрреформ» Александра III. Однако качественного различия между двумя этапами нет. И здесь, и там, мы видим мелкое «обкусывание реформ» (ограничение построенного реформаторами) примерно на одном и том же фронте (самоуправление и суд). Здесь и там видим крупные, коренные консервативные новшества – монополия на университетское образование для выпускников классических гимназий (1871) и земские начальники (1889). Видим новые реформы там, где они ещё не были проведены (городская и военная при Александре II, податная и рабочая – при его сыне). Видим – более того – воплощение при Александре III консервативных законопроектов, разработанных ещё при его отце: таковы университетский устав и положение о городских банках⁶⁹.

---

⁶⁸ Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. 512 с.

⁶⁹ Щегина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М.: Наука, 1976; Кириллов А. К. Новое и старое в регулировании городских банков в эпоху «Великих реформ» // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 143–146.

Печальная судьба «Конституции Лорис-Меликова», одобренной Александром II, но зарубленной его сыном, навечно остаётся свидетельством роли личности в истории пореформенной России. Но не отменяет парадокса: смена царя в 1881 г. повлияла на внутреннюю политику гораздо меньше, чем исчерпание «Оттепели» в середине 1860-х годов.

Не случайно то, что даже у классика этой темы, корифея отечественной исторической науки П.А. Зайончковского в двух специальных монографиях⁷⁰ не получилось внятно определить хронологические границы «Контрреформ», не говоря уже об их убедительном обосновании⁷¹. Не случайно и то, что горячий обвинитель пореформенного консерватизма и лично Александра III, «последний член исполкома Народной Воли» (по собственному полусутоливому определению) Н.А. Троицкий свёл все контрреформы к узкой трёхлетней полоске 1889–1892 гг. – единственному отрезку времени, когда ряд консервативных мер действительно сопровождался отсутствием реформаторских законов⁷². Периоды 1866–1881 и 1881–1894 гг. (чтобы ограничиться правлением Александра III) не противоположны, а сходны по общему смыслу государственной политики. Этот смысл – решение самых насущных для страны задач независимо от того, согласуются ли они с либеральной или с консервативной идеологией.

Установление водораздела по 1866 году, вроде бы, противоречит отнесению к числу «Великих реформ» городской реформы 1870 г. и военной 1874 г. Однако само понятие «Великих реформ» не является раз и навсегда чётко определённым. Оно идёт из XIX века. Многократно переизданная книга неумолимого Г.А. Джаншиева⁷³ уже в 1890-е гг. закрепила это выражение не как продукт слащавого официоза, но как понятие, используемое самостоятельно мыслящими людьми и потому вполне допустимое в серьёзных работах.

Правда, молодые редакторы вдохновляемого И.Д. Сытиным шеститомника «Великая реформа» А.К. Живелегов, С.П. Мельгунов и В.И. Пичета вежливо попеняли Г.А. Джаншиеву за его чрезмерный восторг по поводу Александра II и попытались подправить традицию. В заглавии своего издания они поставили это понятие в единственное число (и сосредоточились именно на крестьянской реформе). Но переломить тенденцию им не удалось: реформы 1861–1874 гг. и после них рассматривались как один пакет.

---

⁷⁰ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

⁷¹ Подробнее см.: Кириллов А. К. Традиции и новации: Россия пореформенная // Модернизация и традиция в истории России: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 46–61. [Интернет-ресурс открытого доступа:] <http://al-kir.ru/history/reform2.html> [Дата проверки: 14.11.2017 г.]

⁷² Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: Высшая школа, 1999. С. 313, 319, 335.

⁷³ Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. Спб, 1907.

Свою поправку пытались внести высокопоставленные советские историки, связанные ленинским указанием о «революционной ситуации 1859–1863 гг.»⁷⁴. Но вот В.И. Ленин из непререкаемого авторитета превратился в одного из исторических персонажей, и использование понятия революционной ситуации применительно к правлению Александра II сошло на нет.

Очередную попытку внести существенное уточнение в давно используемое понятие предприняла ученица П.А. Зайончковского Л.Г. Захарова. Досконально изучив ход подготовки крестьянской реформы, посвятив этому монографию⁷⁵ и докторскую диссертацию, она закрепила свои достижения проведением международной конференции и изданием сборника статей⁷⁶, на обложке которого чётко указаны рамки «Великих реформ»: 1856–1874. Нижняя грань, таким образом, обозначена в связи не с началом собственно реформ, но с первыми подступами к их разработке. Это логично: подписание Манифеста и Положений 19 февраля – лишь формальная точка в том процессе, бурное и временами непредсказуемое развитие которого на самом деле и определило – в отличие от заключительного царского росчерка – преобразование России.

Столь же логично было бы отбросить формальные признаки и по отношению к верхней хронологической границе реформ. «Великие реформы» – это ломка ключевых опор порядка, опиравшегося на неравенство сословий. Крепостное право, рекрутчина и подушная подать – вот столпы старого порядка. Отмена крепостного права (1861), отмена рекрутчины (1874) и отмена подушной подати (1863–1885) – явления одного ряда.

Правда, Н.Х. Бунге, отменяя подушную подать, говорил вместе с тем о необходимости отмены круговой поруки, и Государственный совет с ним согласился. Закон 28 мая 1885 г. среди прочего предоставил министру финансов «приступить безотлагательно» к подготовке изменений в законах «о порядке ответственности по уплате в казну окладных сборов». Но отмена круговой поруки (затянувшаяся до 1903 г.) – это уже начало борьбы с общиной. Между тем, община была в глазах власти необходимой подстраховкой на время проведения крестьянской реформы (вплоть до конца выкупной операции). Только с окончанием выкупа (досрочным – по манифесту 3 ноября 1905 г.) можно было переходить к ликвидации общины – и это было начато. Столыпинская реформа логично продолжала «Великие реформы», но – в качестве следующего этапа. Отмена подушной подати – воплощение этапа предыдущего, необходимая часть «Великих реформ».

---

⁷⁴ Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1978.

⁷⁵ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: изд-во Моск. ун-та, 1984. 256 с. Переиздание, дополненное предисловием: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 736 с.

⁷⁶ Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.

Глава 2.

Фундамент для подоходного налога: новый аппарат и новый принцип

Окончательная победа над пережитками старого ставила в первую очередь вопрос о создании нового. Началось движение России к подоходному налогу. После того, как совсем недавно, в начале 1880-х годов, самим Н.Х. Бунге проект подоходного налога был признан невыполнимым, двигаться к нему можно было только постепенно. Первый шаг был сделан в том же самом 1885 году – даже раньше отмены подушной подати. Подопытной группой вновь оказались предприниматели.

Что считать: прибыль в системе промысловых налогов

Скромные «Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (раскладочным и процентным)», подписанные царём 15 января 1885 г., умещаются на трёх страничках Полного собрания законов Российской империи⁷⁷. По объёму и по статусу новый закон не сравнится с Положением 1865 г., венчавшим предыдущую реформу промыслового налога. А по значению – не уступит.

Еще в начале 1880-х годов состоялось обсуждение реформы промыслового налога с участием биржевых комитетов. Министерство финансов поставило вопрос о введении в промысловое обложение «большей уравнительности». Воплощением «неуравнительности» служил патент, заставляющий купцов с разными доходами платить одинаковый налог. Но тогда «попытка Бунге покончить с патентной системой обложения... вызвала протесты предпринимателей, на защиту которых встал и Государственный совет»⁷⁸. Проблему пришлось решать не уничтожением старого, а – как в мудрой сказке – созданием нового.

В дополнение к основному промысловому налогу (патенты на право торговли и промыслов плюс билеты на заведения) в 1885 г. появился дополнительный. Для отчётных предприятий он имел форму процентного сбора с прибыли, для неотчётных – раскладочного сбора. На схеме эти новшества показаны курсивом.

Отчётные предприятия – это прежде всего акционерные общества, обязанные ежегодно публиковать для всеобщего сведения отчёт о прибылях и убытках. Стремясь обеспечить прозрачность такого рода предприятий, правительство требовало от них вести бухгалтерию по правилам, обеспечивающим независимую проверку данных о прибыли и убытке («двойная бухгалтерия»). За счёт этого чиновники были уверены, что точно

---

⁷⁷ ПСЗ-3. Т. V. № 2664. С. 10–12.

⁷⁸ Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х гг. (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 172.

знают прибыль предприятия, которая и была обложена дополнительным налогом в размере 3 %.

Сложнее оказалось с неотчётными предприятиями, которые в подавляющем большинстве не вели правильных торговых книг, и это не позволяло точно установить их прибыль. Для них использовали раскладочную систему: особое присутствие на министерском уровне раз в 3 года определяло сумму сбора для всей страны и распределяло её по отдельным губерниям; далее губернские податные присутствия (специально создаваемые при казённых палатах) развёрстывали свою часть суммы по уездам, уездные – вплоть до отдельного плательщика. Принцип раскладки в законе указывался лишь в самом общем виде: между уездами – «сообразно степени развития в них торговли и промышленности», между предприятиями – «сообразно предполагаемым прибылям их». Сумма раскладочного сбора устанавливалась в таком размере, чтобы не превышать 3 % предполагаемой суммарной прибыли неотчётных предприятий.

Схема: Новшества 1885 г. в торгово-промышленном обложении

Итак, смысл реформы 15 января 1885 г. сводится к обложению торговли и промышленности пропорционально доходам. Это существенное новшество в условиях господства патента, по сути представляющего собой обложение обратно пропорциональное доходу. Ведь патент выдавался исходя из формальных признаков (количество комнат, дверей, перечень товаров и т.п.); очевидно, что два предпринимателя, выбирающих одинаковые патенты, в большинстве случаев имеют разную прибыль; значит, налог забирает у них разную долю прибыли, и чем выше прибыль, тем меньшая её часть уходит в налоги. Это не только противоречило абстрактным соображениям о справедливости, но и ограничивало возможности повышения налоговых доходов казны. При патентной системе крупнейшие высокодоходные предприятия платили лишь доли процента от своих прибылей; сборы с них могли быть без ущерба для производства повышены на порядок, а то и на два. Но повышение хотя бы на порядок цены патентов было невозможно, поскольку оказалось бы непосильным для большинства мелких предпринимателей.

Говоря формально, реформа 15 января 1885 г. – это некоторое дополнение уже существующей системы. Фактически же это – прорыв в новое качество, внедрение долгожданного подоходного принципа в один из основных налогов. И значит, это возвращение к вопросу: как проверять сведения о доходах?

Как считать: первые податные присутствия

С ответом на этот вопрос связано второе ключевое новшество реформы 15 января 1885 г. Реформаторы опирались на опыт раскладочных комиссий по налогу с городской недвижимости. Но принцип был существенно доработан. Раскладочные органы перестали отдаваться на откуп местным властям. Они стали местом встречи общественных выборных и чиновников.

На уровне уезда⁷⁹ создавались податные присутствия, где председателем выступал представитель казённой палаты, но большинство составляли шесть представителей плательщиков (выбираемые городской думой и, если есть, биржевым и купеческим обществами). В уездные присутствия подавали свои «заявления» (с указанием полученной прибыли) хозяева неотчётных предприятий. Присутствие принимало заявленную плательщиком цифру либо «на глазок» исправляло её. Предполагалось, что в рамках уезда уважаемые предприниматели способны более-менее точно оценить оборот любого предприятия. На основе определённой таким образом прибыли рассчитывался размер платежа.

В случае непримиримых споров между членами присутствия дело решалось голосованием, в итоге которого представитель государства вполне

---

⁷⁹ Вскоре низовые присутствия стали называться не уездными, а участковыми; участок может включать и два уезда, а может – только часть крупного города, смотря по населённости и экономической развитости.

мог оказаться в меньшинстве. За счёт этого система получалось демократичной. При этом участие чиновников в работе присутствия обеспечивало соблюдение интересов государства. Столкнувшись с решением, ущемляющим интересы казны, председатель имел право обжаловать его в губернское податное присутствие, где представители плательщиков и государства имели равное число голосов. Со своей стороны, и плательщики тоже имели право обжаловать решение уездного присутствия – в губернском, а то и выше. В начале XX в. Сенат ежегодно рассматривал несколько сотен жалоб на неправильное обложение (общее число плательщиков промыслового налога исчислялось сотнями тысяч)⁸⁰.

В довершение этой системы через несколько месяцев, в апреле 1885 г., была учреждена должность податного инспектора. Главной обязанностью этого чиновника, работающего в подчинении казённой палаты, стало руководство работой по промысловому налогу⁸¹. Председательство в податном присутствии требовало от инспектора основательного знания торгово-промышленной жизни в участке, так что работа инспектора (как она виделась Департаменту окладных сборов) была не столько канцелярской, сколько практической. Для Сибири закон 1885 г. предусмотрел инспекторов только в западной её части. На деле необходимые вакансии в штатах западносибирского чиновничества появились только восемь лет спустя. В марте 1894 г. действие податных инспекторов распространили и на Восточную Сибирь⁸².

Значение системы податных присутствий и податной инспекции – в том, что было предложено практическое решение задачи, многим казавшейся неразрешимой: определение прибыли отдельного плательщика. Наконец был создан механизм, который обеспечивал казённый интерес и без круговой поруки, и без радикального увеличения числа чиновников. Сугубо техническая, на первый взгляд, реформа 15 января 1885 г. стала вехой на пути реформирования налоговой системы.

Квартирный налог как уступка реформаторов

Через восемь лет после урожайного на податные реформы 1885 года состоялась новая налоговая реформа. На сей раз речь шла о введении налога, доселе небывалого. Проект налога С.Ю. Витте внёс в Госсовет уже через три месяца после назначения его во главу министерства финансов. Принятие Положения о государственном квартирном налоге (закон 14 мая 1893 г.⁸³) стало первой финансовой реформой знаменитого государственного деятеля.

---

⁸⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56. Л. 29.

⁸¹ Учреждение должности податных инспекторов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885. № 27. С. 3–6.

⁸² Увеличение числа податных инспекторов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1894. № 15. С. 942–945.

⁸³ ПСЗ-3. Т. XIII. № 9612. С. 279–284. На чetyре сибирские губернии и Степной край распространено 5 июня 1900 г. См.: ПСЗ-3. Т. XX. Отделение 1-е. № 18749. С. 611–613.

Название квартирного налога наводит на мысли о частной прибавке к обложению недвижимости – и тем вводит в заблуждение. На самом деле, новый налог был первой попыткой обложить личные доходы состоятельных горожан, в том числе и такие, которые не облагались ни налогом с городской недвижимости, ни торгово-промышленными сборами.

Сама форма нового налога была вынужденной. «Изыскивая способы к увеличению государственных доходов, Министерство финансов останавливалось и на мысли о введении у нас подоходного налога. Это предположение вызвало, однако, весьма решительные возражения со стороны ведомств, на заключение которых Министерство финансов препроводило выработанный им проект»⁸⁴. Этой скупой формулой сами реформаторы описывали единственную – и неудавшуюся – попытку налоговой реформы в министерство И.А. Вышнеградского. То была попытка ввести в России подоходный налог.

Подоходный налог мы оставили в 1860-е гг., когда первый проект его был утоплен той самой комиссией, которая, судя по названию, должна была бы ратовать за его введение. После того подобный проект возникал ещё в 1878 г. под именем поразрядного налога. В поисках альтернативы печатному станку для обеспечения войны «за братьев-славян» Минфин выдвигал налог с доходов землевладельцев, домовладельцев, предпринимателей и лиц, получающих жалованье. Речь шла о «презумптивном», или предполагаемом доходе (в XXI веке сказали бы – вменённом). Налогом как раз такого типа был сбор с торговли и промышленности. В случае с подоходным налогом для определения налоговой базы предполагалось использовать городские оценки недвижимости и другие косвенные показатели. Но министры по разным причинам выступили против этого налога, да и война закончилась, и проект сдали в архив⁸⁵.

Голод 1891–1892 гг., вызвавший широкую помощь крестьянам за счёт казны, стал одновременно и стимулом к поиску новых источников бюджетных доходов, и показателем того, что деньги должны поступить не за счёт крестьян. Министерство финансов выдвинуло новый проект подоходного налога, рассчитанного на обладателей высоких доходов. Он действительно встретил резкую оппозицию со стороны других ведомств. Налог назывался и несвоевременным, поскольку не все другие источники доходов привлечены к обложению. И опасным с точки зрения обманов и подлогов, которые он может вызвать. И не соответствующим экономическому строю. И даже несправедливым⁸⁶.

---

⁸⁴ Государственный квартирный налог. История и статистика налога. 1894–1900 гг. СПб: тип. П.П. Сойкина, 1903. С. 1.

⁸⁵ Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб, 1907. С. 162–163.

⁸⁶ Там же. С. 198–200.

Новый министр финансов – С.Ю. Витте, сменивший Вышнеградского как раз в 1892 г. – был, таким образом, поставлен перед невозможностью подоходного налога здесь и сейчас. Но опытный руководитель крупного акционерного общества, которому не раз доводилось вести упорные переговоры с несговорчивыми партнёрами, нашёл другую форму обложения всё тех же богачей. Это и был квартирный налог. «Превращение» подоходного налога в квартирный было политически очень точным ходом: оно освобождало от платежей обитателей «дворянских гнёзд» и выводило из-под обложения доходы латифундистов. Это неизбежно ослабляло сопротивление со стороны высших чиновников, по преимуществу – дворян-землевладельцев.

Прототип подоходного налога

Представляя проект квартирного налога в Государственный совет, разработчики, вроде бы, согласились с критиками подоходного налога в том, что отсутствие у податного надзора точных данных о доходах плательщиков вызвало бы «произвол, к которому только и оставалось бы прибегнуть для противодействия уклонению плательщиков от исполнения их обязанностей перед казной» (а произвол – это, конечно, неприемлемо). Но не упустили подчеркнуть, что смысл нового налога – именно обложение «всей совокупности доходов плательщика». Ссылаясь и на зарубежный опыт, и на предварительные разработки податных инспекторов, реформаторы утверждали: «при прочих равных условиях расход лиц, одинаково обеспеченных, по найму квартиры – за сравнительно редкими исключениями – не подвержен значительным колебаниям»⁸⁷. То есть: преуспевающий инженер не станет ютиться в лачуге, и значит, качество жилья позволяет судить о доходе человека.

Платить новый налог должны были обитатели любых жилых помещений в городах, арендная цена которых превышает определённый порог (установленный для каждого из пяти разрядов, на которые делились города). Квартирный налог не дублировал государственный налог с городской недвижимости: первый платился жильцом, а последний – собственником. Если горожанин совмещал эти два качества (жил в собственном доме), ему приходилось платить оба налога. Условная «квартирная плата» для таких случаев вычислялась по аналогии с подобными помещениями, сдаваемыми в аренду, либо бралась в качестве определённого процента от цены дома, известной по другим данным.

Это правило подчёркивает смысл, заложенный законодателем: новый налог нацелен не на обложение имущества, а на обложение доходов людей. Выяснение стоимости используемого жилья – один из способов оценки

---

⁸⁷ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М.: Наука, 2002. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М., 2003. С. 181–183. Представление Министерства финансов в Государственный совет от 15 ноября 1892 г.

уровня дохода плательщика. В отличие от прочих, уже действующих, налогов, квартирный должен был затронуть людей, имеющих хороший заработок, но не являющихся предпринимателями и не имеющих недвижимости. Таким образом, квартирный налог по сути своей – прототип налога подоходного, о чём Министерство финансов не уставало напоминать. Не удивительно, что после появления в России настоящего подоходного налога в зачёт этого последнего будут приниматься платежи по квартирному налогу.

Помимо стремления перевести налоговую систему на подоходную основу, в квартирном налоге отразились и другие передовые для конца XIX в. тенденции. В числе передовых новшеств – и система податных присутствий, к тому времени уже опробованная в промысловом налоге. И (впервые в России) прогрессивная шкала – от 1,5 % до 10 %⁸⁸. До сих пор реформаторам удавалось внедрить лишь принцип «богатый платит больше». И в государственном налоге с городской недвижимости, и в дополнительном промысловом налоге действовала плоская шкала налога: все платят одинаковую долю своего дохода. Прогрессивная шкала квартирного налога означала: богатый платит большую долю своего дохода, чем бедный.

Собственно, для действительно бедных квартирный налог вообще не предназначался. Вот почему он вводился, во-первых, не везде, а только в значительных городах, причём с разбивкой их на разные «классы» (в каждом – свои ставки). Понять, на кого был рассчитан новый налог, помогает обстоятельное 20-страничное отношение омского податного инспектора А. Морозова, составленное в октябре 1894 г. по поручению казённой палаты в связи с обсуждением вопроса о введении квартирного налога в Степном крае. Получив от городской думы данные по 3,5 тыс. домовладений (собранные для раскладки оценочного сбора), инспектор обнаружил, что почти 2/3 их попадает в разряд «дешёвых квартир» ценой от 1 до 60 руб., а в низшую группу подлежащих налогу он предложил зачислить жильцов помещений, стоящих более 100 руб. в год. Пытаясь составить себе портрет этой, наиболее многочисленной, группы предполагаемых плательщиков налога, А. Морозов пришёл к такому выводу: «контингент квартирноанимателей этого разряда состоит главным образом, если не исключительно, из служащих в различных учреждениях Омска и торговцев средней руки. Привлечь и этих лиц к уплате квартирного налога представляется по-видимому вполне справедливым при том, однако, условии, чтобы размер его был достаточно низок, и возможно меньшей тяжестью ложился на бюджет; этот последний, грубо вычисленный, равен приблизительно 583 рублям, а

---

⁸⁸ Цифра в 1,5 % – приблизительно. На деле ставки для большинства разрядов плательщиков устанавливались не в твёрдых процентах, а в виде рублёвой вилки (например: в местностях V класса с имуществ ценной от 60 до 72 руб. взимать 1 руб. налога).

квартирная плата 108 руб. в год; таким образом, предположив сумму налога в 2 рубля, получим, что он составит лишь 1/291 всего бюджета, и в таком виде не может быть признан отяготительным»⁸⁹.

В начале XXI в. таких людей называли бы средним классом: 600 рублей – это в полтора–два раза меньше, чем жалование начинающего чиновника с университетским образованием, но в два-три раза больше заработка рабочих в это же время, не говоря уже о крестьянах, которые даже 30-рублёвые плуги покупали в рассрочку.

Использование прогрессивной шкалы имело технологическое обоснование: с опорой и на зарубежный опыт, и на обследования податных инспекторов считалось доказанным, что у бедных плательщиков квартирная плата занимает большую часть их дохода, чем у богатых. Учитывая, что цена квартиры выступала в данном случае как показатель для оценки дохода, прогрессия в ставках налога играла роль поправки, устраняющей эту неравномерность. В то же время, прогрессивная шкала была и политическим требованием, символом борьбы за общественную справедливость.

С использованием прогрессивных ставок, между прочим, была связана ещё одна важная особенность квартирного налога. То был налог не раскладочный, а окладной. Накануне очередного податного периода департаментские чиновники не утверждали общей суммы ожидаемого сбора, губернии и уезды не имели спущенного сверху «плана». Общая сумма налога, которая будет указана в повестках, оставалась неизвестной до конца работы присутствий по квартирному налогу. Таким образом, ответственность работы присутствий существенно повышалась. Раскладочное присутствие по промышленному налогу, при любом возможном занижении прибыли всех или некоторых предпринимателей своего участка, не могло разложить меньше суммы, назначенной ему казённой палатой. Присутствие по квартирному налогу, занизив налогооблагаемую базу, лишало государство части его законных доходов.

Окладная система, конечно, была менее предсказуемой, чем раскладочная – но зато и более тонкой, более соответствующей современной экономике с её разнообразием и самостоятельностью. Правда, совершенство системы во многом ограничивалось «ручным режимом» её применения. «Расписание» подлежащих налогу городов (полный перечень с разбивкой по классам) пересматривалось раз в три года на основе хотя и подкреплённых цифрами, но всё же субъективных мнений инспекторов и руководства казённых палат. Не всегда «расписание» соответствовало принципу равномерности обложения. Такие небольшие города Енисейск, Канск, Мариинск в этот перечень попали, так что иной раз налог приходилось платить людям бедным, для которых уплата нескольких рублей в год представляла трудность. Зато в быстро выросшем Новониколаевске, едва ли не крупнейшем центре сибирской

---

⁸⁹ ИАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 2а. Л. 43–52.

торговли накануне революции, квартирный налог не платили даже самые богатые.

Тем не менее, квартирный налог стал соединением сразу нескольких передовых налоговых технологий. Впервые в России появились податные присутствия не в раскладочном, а в окладном налоге. Впервые в России появился налог на личные доходы богатых людей. Впервые в России появился прогрессивный налог.

Глава 3. **Напластование реформ: подходящий принцип в промысловом налоге**

Война и голод – двигатели налоговых реформ в России. После неурожая и голода 1891/92 г. Минфин, получивший задание «поскрести по сусекам», немного увеличил сборы в рамках действующей системы (закон от 21 декабря 1892 г.), но для более существенной прибавки опять потребовал коренной реформы. В ноябре 1892 г. «по высочайшему повелению» при Министерстве финансов была создана комиссия «для общего пересмотра торгово-промышленного обложения». В её состав вошли представители заинтересованных ведомств, биржевых комитетов и купеческих управ, а также множество «сведущих лиц»⁹⁰. Комиссия вновь отказала реформаторам в стремлении сделать подходящий принцип единственной опорой промыслового налога. В итоге долгой борьбы родился проект, утверждённый 8 июня 1898 г. под именем Положения о государственном промысловом налоге⁹¹. Его принятие стало не только важной налоговой реформой, но и заметным антисословным мероприятием.

За сотню лет после Екатерины II налог с торговцев и промышленников успел поменять разные названия, успел (как мы уже видели) существенно измениться. Но осталось нечто неизменное: даже эта, сугубо коммерческая, отрасль находилась в сословных тисках. Монополию на крупную торговлю держало в своих руках купеческое сословие. Реформа 1863–1865 гг. открыла доступ в купечество всем, кто готов за это платить – и тем изрядно ослабила сословные границы. Но сама по себе купеческая монополия сохранилась даже по итогам «Великих реформ». Желающие вести торгово-промышленные занятия должны были в начале года купить свидетельство (в просторечии – «патент») той или иной категории. Выборка свидетельств двух самых дорогих групп предоставляла их владельцам «сверх прав на торговлю, звание купеческое и соединенные с оным личные преимущества»⁹². В дополнение к патенту требовалось оплачивать «билеты» на отдельные лавки (заводы). Тем не менее, карусель промыслового налога вращалась вокруг личности купца, хозяина дела.

Конец купеческой монополии

Всё переменялось в июне 1898 г. Единицей учёта оказалось предприятие (будь то промышленное или торговое). На каждое заведение (а не на его владельца) в начале года выбирался патент, на каждое заведение подавалось по итогам года заявление о прибылях. Купеческое звание сохранилось, но стало необязательным излишеством. За него предлагалось доплачивать

---

⁹⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56. Л. 8 об.

⁹¹ ПСЗ-3. Т. XVIII. Отделение 1-е. С. 489–515.

⁹² ПСЗ-2. Т. XL. Отделение 1-е. С. 159.

отдельно, получая при этом некоторые личные права (защиту от розог, например). Многие солидные торговцы даже накануне мировой войны по-прежнему выбирали купеческие свидетельства – кто по привычке, кто для солидности. Купеческое сословие сохранилось. Но в торговых правах купцы окончательно сравнялись с прочими группами общества.

Ликвидация торгово-промышленной монополии купечества – событие из ряда антисословных мероприятий, начатого отменой крепостного права. Но зачем это понадобилось министру финансов С.Ю. Витте? Если он занялся вопросами общественного переустройства, в этом надо искать практический смысл. Смысл этот легко выявляется при знакомстве с документами податного надзора.

Уже не первый год сотрудников Минфина волновала проблема равномерности обложения. Было ясно, что патентная система, которая опирается на внешние признаки, а не на действительную прибыль, давит на разные предприятия с разной степенью тяжести. Простой расчёт показывал, что владелец одной лавки платит с неё гораздо больший налог, чем владелец нескольких таких же лавок с каждой из них. Поэтому отдельный учёт предприятий, а не предпринимателей, лучше подходил для равномерного обложения прибылей.

Но одной этой меры было недостаточно, чтобы справиться с неравномерностью обложения. Ведь сохранялся патент, действие которого не было уничтожено реформой Н.Х. Бунге. Появившийся в 1885 г. дополнительный промысловый налог платили все предприятия (даже беднейшие), и значит, он лишь в малой части исправлял неравномерность обложения. И значит, правительство по-прежнему не могло повысить сборы с торгово-промышленного мира механическим повышением ставок. Для борьбы с этим недостатком механизм дополнительного промыслового налога был в 1898 г. существенно дополнен.

Дополнение к дополнительному налогу

В составе дополнительного промыслового налога появились два новых сбора – процентный сбор с капитала (для отчётных предприятий) и сбор «с излишка прибыли» (для неотчётных). В итоге промысловый налог стал представлять целую систему сборов, в которую сложно вникнуть. Но эти, на первый взгляд, технические подробности позволяют увидеть смысл реформы.

Реформа 1898 г., преследуя ту же цель, что и предыдущая (выровнять тяжесть обложения), действовала совсем иначе. Новые сборы решали не одну задачу, а две: не только повысить поступления с богатых предприятий, но и избежать повышения с бедных. Основная часть богатых плательщиков – в числе отчётных предприятий. Патент съедал у них лишь малые доли процента от прибыли. Если пренебречь этими долями, получается, что по реформе 1885 г. промысловый налог для отчётных предприятий имел шкалу плоскую и низкую: 3 % при любом доходе. Новый сбор назывался процентным сбором с капитала (в размере 0,15 %), на деле же имел в виду обложить *прибыль*. Цифра 0,15 % имеет вполне определённый смысл: это 3 % от прибыли,

составляющей 5 % на капитал (столько можно было получить по банковскому вкладу, поэтому Минфин рассматривал этот доход как минимальный оправдывающий ведение собственного дела).

Схема: Промысловое обложение по итогам реформы 1898 года

В сумму сбора с капитала зачитывался уплаченный основной промышленный налог. Дополнительный налог, таким образом, поглотил налогосновной. По существу, патент для крупных предприятий (а отчётные предприятия за редким исключением – и есть крупные) заменился процентным налогом с твёрдой ставкой, единой для всех. Он по-прежнему

дополнялся сбором с прибыли, который теперь стал прогрессивным. Прогрессия колебалась от 3 % (для предприятий, получивших прибыль в пределах 4 % на капитал) до 11 % (для прибыли свыше 10 %) ⁹³. Таким образом, в результате реформы промысловый налог для отчётных предприятий из «плоского» стал прогрессивным. Лишь пятью годами ранее эта новинка – прогрессивная шкала – появилась в квартирном налоге, и вот уже она применяется к акционерным обществам.

Особый подход требовался неотчётным предприятиям. Их важность объясняется тем, что именно среди них находились переобложенные предприятия, налоговая нагрузка которых не допускала увеличения. Именно в этой группе скрывался стопор, не дающий повышать поступления в бюджет путём общего увеличения ставок.

Для неотчётных предприятий до 1898 года шкала оставалась, по сути, даже не плоской, а регрессивной: чем больше прибыль предприятия, тем меньшую её долю оно отдаёт в налог. Превратить эту регрессию в плоскую шкалу – уже было бы достижением. На это и нацеливался сбор «с излишка прибыли». Он взимался в размере одной тридцатой «той части прибыли, которая превышает увеличенный в 30 раз оклад основного промыслового налога». Другими словами, речь идёт о налоге в 3,3 % на прибыль тех предприятий, у которых основной промысловый налог забирал менее, чем 3,3 % прибыли. Предложенный механизм позволил не повышать обложение предприятий, у которых патент забирал относительно большую долю, но повысить (иной раз – на порядок) обложение предпринимателей, обложенных легко.

Итак, реформа Витте продолжила реформу Бунге. Целью обеих было существенное повышение бюджетных доходов от промышленности и торговли за счёт богатых предприятий без существенного увеличения (а в 1898 г. – даже без малейшего увеличения) нагрузки на предприятия бедные.

Закон и замысел

И закон 1898 г., и представление в Государственный совет написаны так, чтобы не вызывать сомнений: всё тщательно продумано, изложенная схема – лучшая из всех возможных, иного пути нет. На самом же деле, Минфину вновь не удалось воплотить свои замыслы полностью.

В отличие от реформы 1885 г., подготовка которой исследована довольно подробно ⁹⁴, разработка реформы 1898 г. не удостоилась специального

---

⁹³ На самом деле, верхняя граница шкалы описывалась более сложной формулой: «получившие чистую прибыль свыше десяти процентов на их основной капитал [платят] шесть процентов со всей суммы полученной на него чистой прибыли и, сверх того, ещё пять процентов с той суммы чистой прибыли, которая превышает десять процентов на означенный капитал». Таким образом, правильнее сказать, что для самых высокодоходных предприятий налог с прибыли стремится к 11 %, но не достигает этой цифры хотя бы в малой доле.

⁹⁴ Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) //

изучения. Тем не менее, основные сведения о подготовке Положения 1898 г. известны – благодаря классической монографии Л.Е. Шепелёва⁹⁵. Подчёркивая фискальный интерес министра финансов С.Ю. Витте к этой реформе, автор указывает и ключевую проблему, которую пыталось устранить руководство Минфина. «Неуравнительность» патента не позволяла налогу обеспечить рост доходов казны в соответствии с ростом промышленности и побуждала ставить вопрос о его (патента) отмене. Начиная в 1893 г. разработку очередной реформы промыслового налога, министр финансов надеялся убрать патент полностью.

Эта реформа не избежала обычных для своего времени этапов законотворческого процесса. Собрав в 1893 г. мнения управляющих казёнными палатами, столичные чиновники затем создали межведомственную комиссию с участием общественных представителей; разработанный ею проект был снова направлен казённым палатам, по их отзывам исправлен, вновь обсуждён в комиссии, разослан по заинтересованным ведомствам, и с учётом их мнений в феврале 1898 г. предложен в Госсовет, где и одобрен.

Реформа состоялась. Но по ходу её подготовки выпала ключевая деталь. Патент сохранился, и это была уступка со стороны реформаторов. Чем была вынуждена эта уступка, помогают понять документы, отложившиеся в фонде Томской казённой палаты⁹⁶.

Не считая сопроводительного письма, всё дело состоит лишь из трёх документов – департаментский запрос, ответ палаты (чистовик с небольшой последней правкой, оставленный в качестве отпуска) и черновик этого же ответа⁹⁷. Запрос подписал лично Владимир Иванович Ковалевский, свежеиспечённый директор Департамента торговли и мануфактур (именно этот департамент ведал во 2-й половине XIX в. и торгово-промышленным налогообложением). К руководству промышленной политикой Ковалевского привлёк новый министр финансов С.Ю. Витте, полагавший его «человеком замечательно талантливым». Несколько ранее, в министерство Н.Х. Бунге, Ковалевский руководил одним из отделений Департамента окладных сборов: следовательно, опыт позволял ему понимать роль промыслового налога не только в определении отношений государства с предпринимателями, но и в преобразовании всей податной системы страны.

Датированное 8 марта 1893 г. отношение В.И. Ковалевского в адрес председателя Томской казённой палаты М.А. Гилярова отпечатано типографским способом, с оставлением лишь пропусков для имени-отчества и титула. Ясно, что оно рассылалось, по меньшей мере, десяткам председателей

История СССР. 1979. № 1. С. 159–173. Эта статья излагает один из главных результатов диссертации 1978 г.

⁹⁵ Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. С. 226–229.

⁹⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160.

⁹⁷ Они расположены на листах: 1–2 (запрос), 4–8 об. (черновик), 9–15 (чистовик).

казённых палат. По давно сложившейся практике, реформаторы пытались представить свои предложения как воплощение требований снизу.

Сообщая казённой палате о создании в ноябре 1892 г. «комиссии для общего пересмотра узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности», Ковалевский просил представить соображения по теме работы комиссии. Перечислив ряд частных вопросов, он в заключение просил рассмотреть этот предмет «возможно всесторонне, не ограничиваясь поставленными выше вопросами»⁹⁸.

Отношение 8 марта 1893 г. несёт гриф «совершенно доверительно». Столичные реформаторы явно не хотели, чтобы слухи о предстоящей реформе распространились прежде времени. Не ограничиваясь этой мерой предосторожности, авторы отношения постарались сделать его возможно более обтекаемым. Давая понять, к чему клонят, они, тем не менее, не называли вещи своими именами. Однако томичи отлично их поняли.

Расплывчатым понятием «томичи» нам придётся пользоваться, поскольку непосредственный автор отправленного в мае 1893 г. ответа неизвестен. Адресат «совершенно доверительного» письма, Михаил Алексеевич Гиляров, почётный гражданин Томска, стоявший во главе местной казённой палаты более четверти века, уже заканчивал свой жизненный путь и по болезни не принял участие в разработке ответа. Документ ушёл за неразборчивой подписью одного из начальников отделений, уклонившегося от единоличной ответственности («Казённая палата, составив с возможно поспешностью требуемые Вам соображения, имеет честь представить их»...) ⁹⁹.

Основная часть девяти пунктов, сформулированных в письме Ковалевского, содержит достаточно точные вопросы, направленные на шлифовку существующих правил. (Например, в первом пункте спрашивается, какие из торгово-промышленных действий, ныне освобождённых от выборки промысловых свидетельств, могли бы быть привлечены к обложению). Однако вопрос № 5 выделяется по своему значению. «Признаете ли Вы необходимым подвергнуть коренному пересмотру нынешнее Положение о пошлинах за право торговли и промыслов, с целью упрощения действующего порядка обложения, а равно для установления большего соответствия между обложением <...> и доходностью предприятия»¹⁰⁰.

Расплывчатую формулу об «упрощении» и «большем соответствии доходности» томичи «перевели с дипломатического на русский» совершенно определённо. Читаем ответ: «Отменить выдачу документов 1-й и 2-й гильдий значит упразднить целое сословие в империи». В запросе Ковалевского эта формулировка – отмена гильдейских свидетельств (патентов) – не встречается ни разу. Но томичи прекрасно поняли эвфемизм, тем самым подчеркнув то, что могло бы иначе быть не очевидно для нас: геркулесов подвиг, на который

---

⁹⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160.Л. 2.

⁹⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1 об.

в очередной раз замахнулись столичные реформаторы в 1892 г., стоял на повестке дня давно.

Для чего Департаменту потребовалось маскировать свой замысел? Ответ на этот вопрос виден из следующего пункта (№ 6). Возможно ли заменить раскладочным сбором «часть сумм, поступающих в виде пошлин за право торговли и промыслов, путём постепенного уменьшения окладов пошлин за торговые документы» – так ставился вопрос. Вопрос, очевидно, не имел бы смысла, если бы реформаторы рассчитывали добиться того, что подразумевалось в пункте 5. Но они на это не полагались и просчитывали запасной вариант: если полностью отменить патент не удастся, то хотя бы – уменьшить его роль.

Ни тот, ни другой вариант не вызвал сочувствия у сотрудников казённой палаты – и не оставил их равнодушными. Составленный в целом вполне прозаично, томский ответ при обсуждении 5-го пункта становится образным, как литературное произведение. Отменять патент «значило бы ломать здание, просуществовавшее чуть не два века» – читаем в черновике томского ответа¹⁰¹. В чистовике это место дополнительно подчёркнуто риторически: «...здание, просуществовавшее чуть не два века (с 1721 года) – здание, в котором жили и живут десятки тысяч деятельных, предприимчивых граждан. Теперь купцы дорожат и гордятся своими гильдиями»¹⁰².

Продолжая филиппику против отмены патента, томичи пишут: «Если коренной пересмотр Положения о торговых пошлинах имеет в виду достигнуть большего соответствия между обложением торговцев и размерами и доходностью их предприятий, то в настоящее время цель эта вполне достаточно¹⁰³ достигается раскладочным сбором. Члены окруж[ных] податных присутствий хорошо знают дела друг друга и при раскладке дополнительного налога всегда принимают в соображение, кто какую гильдию платит, и где содержит свои торгово-промышленные предприятия, и стараются, чтобы обложение было вполне соразмерно с доходностью предприятий»¹⁰⁴. Эта же мысль повторяется и при ответе на 6-й пункт письма Ковалевского, где речь шла об уменьшении цены патента. Томичи вновь отлично видят подтекст этого предложения (неравномерность патента) и вновь делают вид, что эта проблема решена: неравномерность «теперь прекрасно устраняется» раскладочным сбором.

Настойчивое утверждение казённой палаты о том, что неравномерность патента устраняется раскладочным сбором, весьма важно для нас. Дело в том, что оно заведомо неверно. Даже если считать, что раскладочный сбор распределялся присутствиями сообразно действительной прибыли, сам этот

---

¹⁰¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6.

¹⁰² Там же. Л. 12.

¹⁰³ Последние три слова – поверх зачёркнутого «отчасти». Налицо усиление высказывания.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6.

сбор являл собою лишь прибавку к основному промысловому налогу, к патенту. И размер его устанавливался на уровне 1–2 % суммарной прибыли предприятий участка. Притом основной промысловый налог забирал у беднейших плательщиков раскладочного сбора до 15 %, а у самых богатых – лишь доли процента прибыли. Даже с учётом раскладочного сбора относительная тяжесть обложения слабейших предприятий в разы (а то и на порядок) превосходила тяжесть обложения сильнейших¹⁰⁵. Не зная этого казённая палата не могла, ведь на ней лежал и общий надзор за взиманием промыслового налога, и раскладка дополнительного сбора между податными участками.

Использование заведомо несостоятельного тезиса о том, что патент уравнивается раскладкой, указывает на то, что и казённая палата не говорит прямо то, что думает. Формально принимая риторику автора запроса (сделать налог более полезным для казны, а нагрузку на предпринимателей – более равномерной), томичи на самом деле стремятся к чему-то другому. То, что написано в ответе на запрос – лишь *довод*; каков же действительный *резон* палаты?

Силы торможения

Здесь уместно обратиться к воспоминаниям Н.Н. Покровского. В них ничего нет именно про 90-е годы и именно про Томскую казённую палату, зато есть то, чего не найдёшь в департаментских документах: взгляд человека, знающего дело изнутри и уже не скованного необходимостью хранить корпоративные секреты. Вот как бывший директор Департамента окладных сборов описывает события второго пятилетия XX века: «Мы решились поэтому поставить ребром вопрос о совершенной отмене патентного сбора для всех вообще предприятий, кроме таких мелких заведений, для которых невозможно исчислить ни оборотов, ни прибылей. Но тут пришлось встретить самую жестокую оппозицию и притом одновременно с двух сторон: промышленников и торговцев – с одной, и членов финансового управления – с другой». Не отвлекаясь в данном случае на объяснение позиции промышленников и торговцев (очевидно, что речь идёт о крупных предпринимателях, которым такая реформа сулила несомненный ущерб), автор переходит сразу к своим коллегам. «Последние, в лице многих, даже скажу, большинства управляющих казенными палатами и податных инспекторов, возражали с чисто финансовой точки зрения: [1] что обращение патентного сбора в окладной с прибылей не будет обеспечивать правильного его поступления; [2] что каждый торговец и промышленник охотно выбирает патент, чтобы иметь право торговли или производства промысла, и выбирает его до наступления года; что, наконец, [3] определение класса или разряда

---

¹⁰⁵ Необходимый анализ первичных данных приводится ниже в этой же главе. Он выполнен на материалах 1914 г., отражающих логику, которая действовала и в конце XIX в.

предприятия много проще и для фиска, и для плательщика, нежели исчисление прибылей»¹⁰⁶.

Повторюсь, Н.Н. Покровский ведёт речь о проекте 1906 г. Но и в середине 1890-х местные чиновники как минимум не были едины. С одной стороны, известно, что отдельные казённые палаты деятельно поддерживали руководство министерства. Как указывает А.Л. Дмитриев, составленный в 1893 г. «Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России» заведующего Варшавской казённой палатой И.Я. Рудченко даже вошёл составной частью в представление проекта 1898 г. для Госсовета¹⁰⁷. Реформаторское настроение господствовало и в Тобольской казённой палате. В фонде Департамента окладных сборов сохранилась записка начальника отделения Тобольской казённой палаты Меншенина (писанная, судя по содержанию, между реформами 1885 и 1898 гг.). Автор её не просто критикует промысловый патент, но предлагает самостоятельные решения этой проблемы¹⁰⁸. Обстоятельная и даже довольно резкая критика «того безобразного туловища, о котором так метко сказано в трактате академика Янжула "Финансовое право" по поводу закона 1885 г.» велась и низовыми сотрудниками палаты на съезде податных инспекторов Тобольской губернии 1902 г.¹⁰⁹.

Но так было не везде. Можно вспомнить отзыв В.И. Ковалевского, который аттестовал казённые палаты 1880-х годов как «архаические учреждения времён Екатерины II» и рассказывал смешные истории про встреченных им «чиновников гоголевского типа»¹¹⁰. Томская казённая палата с её возражениями оказалась в ряду многих, если не большинства, стоявших по другую сторону баррикады – заодно с крупными купцами. Мы видели, что Н.Н. Покровский, посевший в чиновных коридорах и потому авторитетный в суждениях об аппаратных настроениях, полагал причиной оппозиции чиновников «чисто финансовые» соображения. Их можно перефразировать так: опасения насчёт возможного ущерба казне (1), уверенность в достаточности существующей системы (2), стремление отказаться от излишней работы (3). Сверим эти соображения с теми доводами, которые приводит Томская казённая палата.

Один из доводов совпадает. О привычке купцов к патентам (столь сильной, что в нужное время они сами несут в казну деньги и берут правильные

---

¹⁰⁶ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. [Электронная версия: файл pdf, формат А4]. Глава 4. С. 107–108.

¹⁰⁷ Дмитриев А.Л. Предисловие: налоговая политика в период министерства С.Ю. Витте // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. В пяти томах. Том 2. Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 20.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 33. Д. 531. Л. 1–25.

¹⁰⁹ ГАТ. Ф. И-154. Оп. 15. Д. 226. Л. 46–58.

¹¹⁰ Воспоминания В.И. Ковалевского / Публикатор: Л.Е. Шепелёв // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 5–96. С. 30.

свидетельства), в черновике томского ответа сказано даже трижды (оба повтора при доработке вычеркнуты)¹¹¹. Но томичи не пишут о возможном сокращении поступлений при новой системе (что логично, раз они выставляют столь совершенную работу раскладочных присутствий). Не приводится и довод о простоте старой системы (что опять же логично, раз существующие методы определения прибыли они называют достоверными). Их возражение против реформы сводится к выступлению против перемен на том основании, что и действующая система неплохо работает. Остаётся поле для сомнения: действительно ли во главе угла для томичей стояли «чисто финансовые» соображения, или местные финансисты, связанные личными знакомствами с миром капитала, старались сыграть на руку крупным купцам?

Для размышления над этим вопросом полезно рассмотреть томский ответ не только на 5-й и 6-й пункты, о которых шла речь до сих пор, но и на другие вопросы письма В.И. Ковалевского. В большинстве своём эти ответы содержат предложения об увеличении сборов с предпринимателей. Так, томичи предлагали отменить льготу, предоставленную мещанам-ремесленникам: «мещане – единственное сословие в империи, свободное от всяких налогов в пользу казны. Платят они сборы только в доход города, но и то ничтожные в сравнении с другими сословиями»¹¹². Предлагали изменения в «росписях Е и Ж», имеющие целью не допускать среднюю гильдейскую торговлю (с оборотом по 10–20 тыс. р. в год) по свидетельствам на мелочный торг. Для такого манёвра высокодоходным профильным магазинам (торгующим, например, посудой, или кожаными товарами, или железными изделиями) достаточно было хранить небольшой запас других товаров.

Ещё одно лыко в ту же строку – предложение казённой палаты привлечь к платежу налога перекупщиков-прасолов, что скупают товары у крестьян и продают «на рынках, пристанях, берегах рек, постоянных дворах, на сельских базарах, ярмарках, так как подобными лицами этот торг ведётся в более значительных размерах и с большею выгодой, чем торгующими из помещений»¹¹³. Речь идёт, таким образом, о торговцах, конкурирующих с торговлей 2-го – 3-го разряда. Неравнодушное отношение к ним автора выдаёт не совсем точная приписка о том, что «народ присвоил им характерные названия барышников, кулаков-мироедов, т.е. убытка они не знают, а барыш имеют верный». Заодно казённая палата предложила привлечь к обложению и мелкие (семидневные) ярмарки, которые, в отличие от крупных, по действующему закону налогам не подлежали.

---

¹¹¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6–6 об. Строго говоря, один из повторов вписан в качестве вставки на поле. Не исключено, что это отражает лишь передвижку фрагмента раньше по тексту. Но даже в основном тексте черновика эта мысль изложена дважды.

¹¹² Там же. Л. 10–10 об.

¹¹³ Там же. Л. 9.

Наконец, казённая палата отвергла департаментское предложение освободить самые мелкие предприятия от пошлин. «Слабые и малоодоходные или клонящиеся к упадку» предприятия, – отвечали томичи, – и без того, по усмотрению раскладочных присутствий, «не вводятся в раскладку». Правда, они должны всё-таки платить от 3 до 10 руб. за патент, но это справедливо: «если предприятия эти существуют, значит, хозяевам есть расчёт содержать их» – следовательно, должны платить ¹¹⁴.

Целая серия предложений и мнений томичей, таким образом, создаёт им образ ревностных борцов за доходы казны, стремящихся перекрыть любые податные лазейки. Этот образ рушится, когда речь заходит о дополнительном обложении оптовиков. Такой вопрос был прямо поставлен в пункте 5-м письма В.И. Ковалевского (после намёков о «коренной реформе»). Ответ палаты: никаких изменений не нужно. Правда, – указывали томичи, – нынешнее положение позволяет вести оптовую торговлю по свидетельствам 2-й гильдии, и казённая палата знает купцов, которые раз в год закупаются на Нижегородской или Ирбитской ярмарке ¹¹⁵, а затем на местах распродают этот запас оптом розничным торговцам. Но заставлять их брать свидетельство 1-й гильдии нельзя, т.к. у них вся-то прибыль в год – тысячи полторы–две, 700-рублёвое свидетельство они не потянут. «Им тогда жить нечем будет, и они вовсе должны будут прекратить свое дело» ¹¹⁶. Таким образом, как только речь от простых второгильдейцев перешла к настоящим тузам, палата позабыла свою заботу о наполнении казны и стала заботиться о благополучии торговцев. Что можно было бы объяснить интересами дела (нежелание «резать дойную корову»), если бы это не контрастировало с отношением той же палаты к мелким и средним торговцам.

Здесь же уместно назвать и ещё одно предложение томичей. Ввиду быстрого развития торговли в Сибири и по всей стране со времён предыдущего Положения о промысловом налоге (1865), казённая палата предложила заменить деление страны на 5 классов делением на 3 класса, с тем чтобы даже наименее развитые местности повысить из 5-го класса в 3-й. Казалось бы, это означает всеобщее повышение платежей и служит знаком борьбы палаты за интересы казны вопреки интересам всех торговцев. Но надо учесть, что от класса местности зависела цена лишь более дешёвых патентов: 2-го класса и ниже. Первогильдейские же свидетельства имели цену одинаковую по всей стране: значит, самых крупных купцов и эта мера не должна была затронуть.

Таким образом, вся совокупность доводов томичей позволяет если не доказать наверняка, то всё-таки обосновать подозрения в их сугубом

---

¹¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 15.

¹¹⁵ На самом деле, оптовики, снабжавшие Сибирь ирбитскими и нижегородскими товарами, закупались дважды в год – на осенней и зимней ярмарках. Говоря про закупки раз в год, палата явно стремилась занизить прибыль описываемой группы.

¹¹⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 13.

пристрастии к соблюдению интересов крупных торговцев. По-видимому, возражения Томской казённой палаты против реформы строились не столько на технических соображениях, о которых говорит Н.Н. Покровский, сколько на желании потрафить авторитетным купцам. В таком случае не удивительно и то, что палата маскирует свои действительные мотивы.

История с томским отзывом на запрос В.И. Ковалевского заставляет вспомнить совет, полученный уже известным тогда писателем и журналистом В.Г. Короленко от одного из местных деятелей голодающего Поволжья в 1891 г.: «Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиция, партии, консерваторы, либералы. Ничего вы с ними у нас не разберете. Смотрите проще; одни у нас воруют и желают сохранить за собой эту возможность: это наш консерватизм. А мы и желали бы прекратить воровство, да не можем. Вот вам и вся либеральная оппозиция»¹¹⁷. Борьба за податную реформу или сопротивление ей во многом объяснялись не политическими теориями, а практическими соображениями. За реформу – стремление реформаторов обеспечить доходы государственного бюджета в условиях меняющейся экономики, меняющегося общества. Против – стремление местных чиновников избежать лишней работы и не посориться с местными влиятельными людьми.

Проверка результатов

Как бы то ни было, реформа 1898 г. существенно изменила законодательство. Оказало ли это желаемое реформаторами воздействие? Ясно, что акционерные общества с их прозрачной отчётностью действительно стали платить больше. Сложнее оценить изменения у неотчётных предприятий. Но архивы сохранили ключ и к этой загадке.

Известно, что плательщики дополнительного промыслового налога должны были подавать «заявления» (налоговые декларации). У каждого податного инспектора ежегодно скапливались сотни, а то и тысячи заполненных бланков. Как и большинство первичных документов, эти громоздкие подборки после составления сводных отчётов уничтожались. Среди немногочисленных исключений – подборка из 383 «заявлений» по предприятиям г. Барнаула (Томской губ.) за 1914 год¹¹⁸.

В них указаны и сумма подлежащей обложению прибыли предприятия, и размер каждой части промыслового налога (основной, дополнительный, «с излишка прибыли»). Расчёты на этой основе позволили составить график 1. Чтобы точки графика меньше сливались одна с другой, его горизонтальная шкала сделана логарифмической, а вертикальная ограничена 15 % (это отсекает две точки, которые не делают погоды).

---

¹¹⁷ Короленко В.Г. В голодный год. [Интернет-ресурс в свободном доступе:] http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1040-1.shtml [Дата проверки: 15.11.2017 г.]

¹¹⁸ ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36.

График 1. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у неучётных предприятий Барнаула в 1914 г.

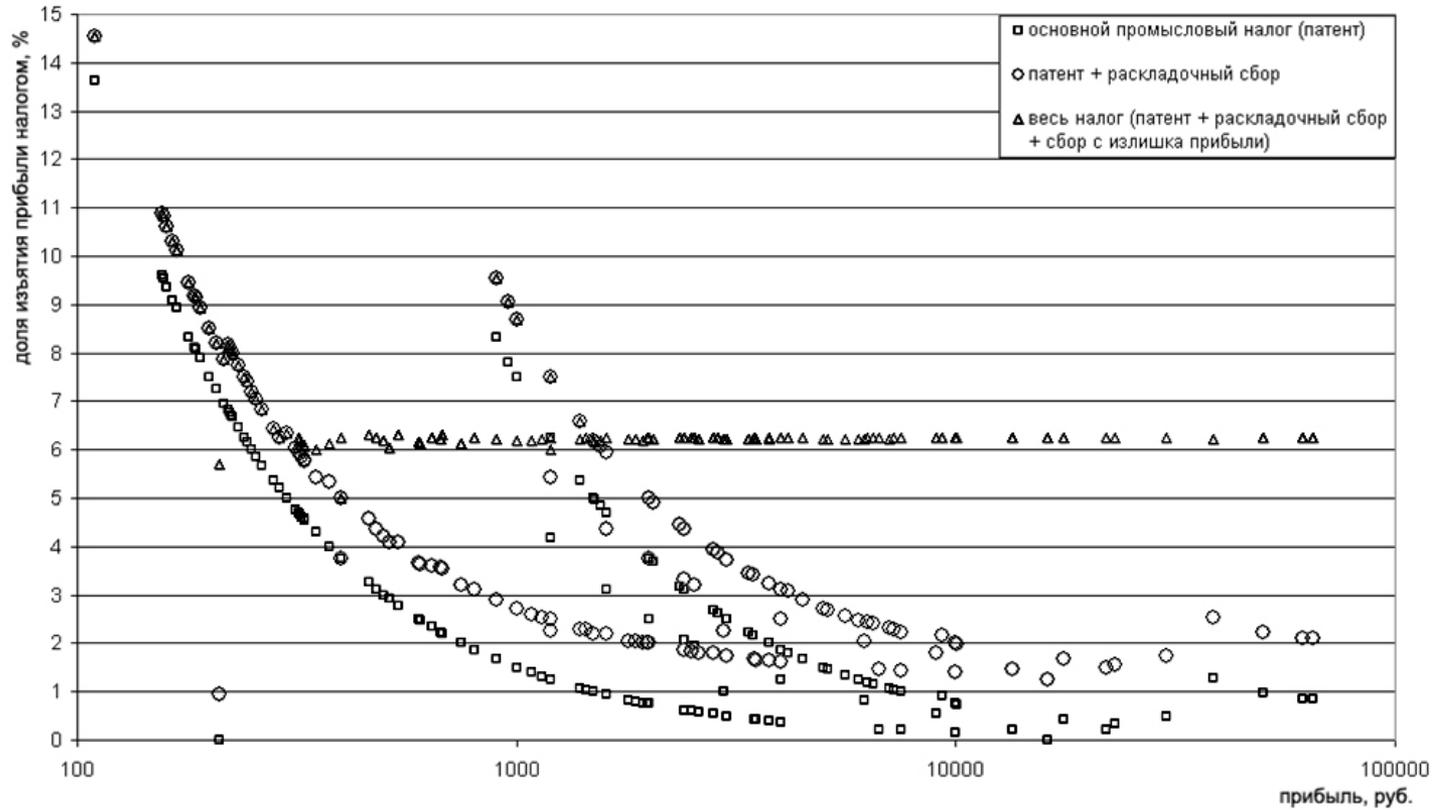

График 2. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у барнаульских торговых предприятий 2-го разряда в 1914 г.

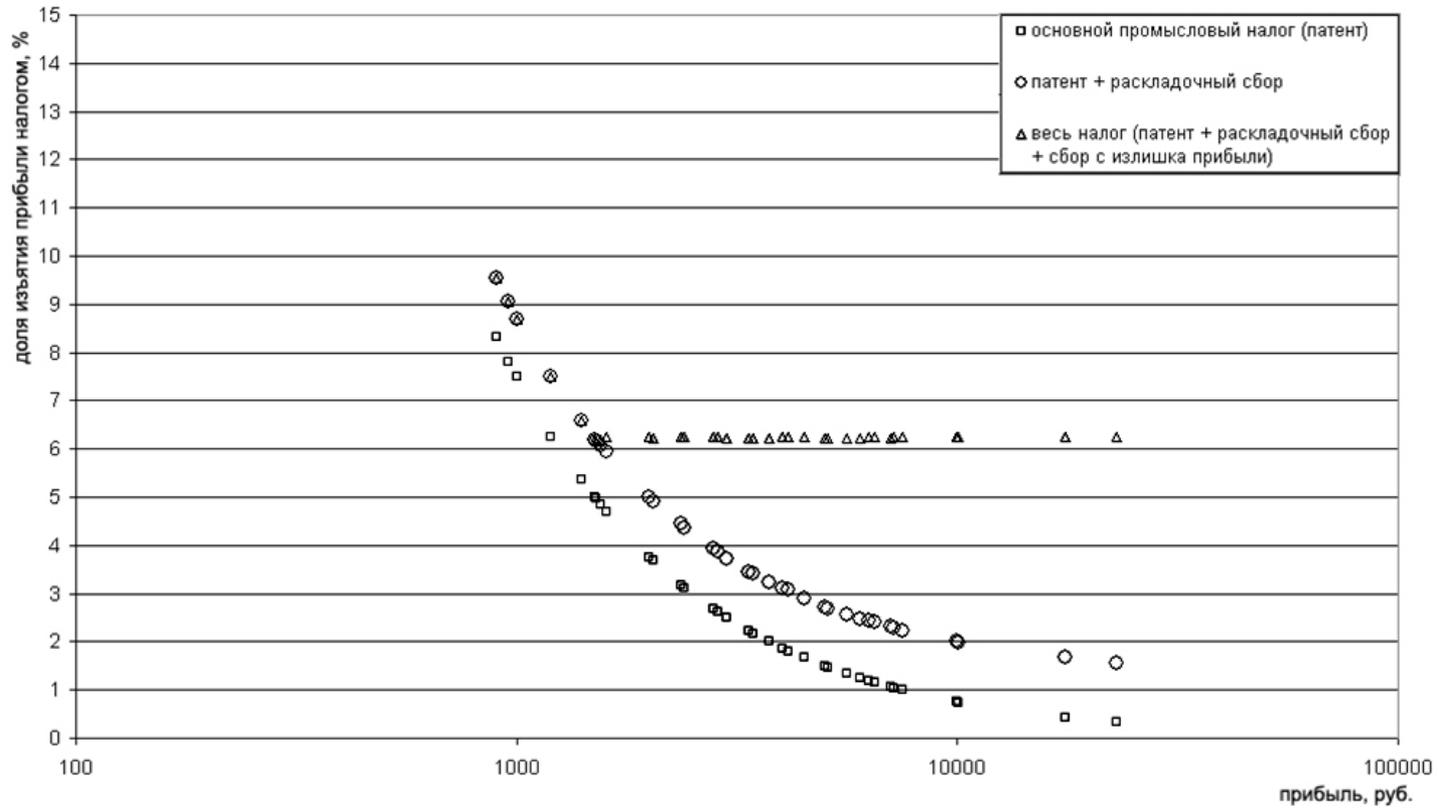
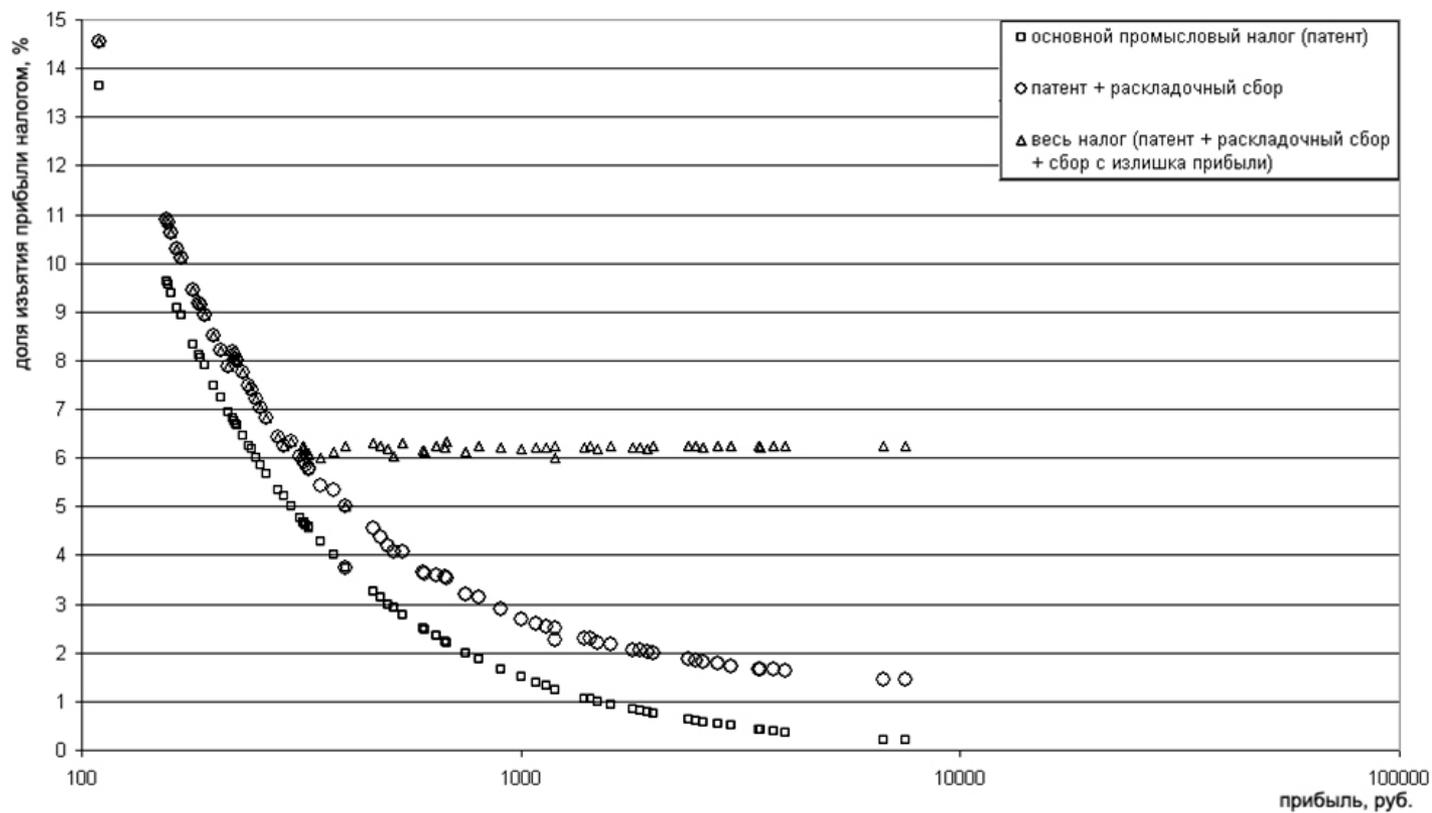

График 3. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у барнаульских торговых предприятий 3-го разряда в 1914 г.

Из всех показателей, расчёт которых допускают «заявления», на графике 1 представлены три. Эти три позволяют, используя данные лишь за 1914 г., составить представление о действии обеих реформ – и Н.Х. Бунге, и С.Ю. Витте. Ряд квадратов показывает, как распределялось налоговое давление в ту пору, когда дополнительного промыслового налога не было вовсе – то есть, перед реформой 1885 г. Ряд кругов отражает положение между реформами 1885 и 1898 гг. (дополнительный раскладочный сбор уже платится, а сбора «с излишка прибыли» ещё нет). Наконец, треугольники – это положение по итогам реформы 1898 г. (налицо все три составляющих)¹¹⁹.

О чём же говорит внешний вид этих кривых? Прежде всего, бросается в глаза «раздвоение» графика. Он как будто соединяет по крайней мере два принципиально одинаковых, но всё же смещённых по горизонтальной шкале набора кривых для каждого из трёх показателей. Складывается впечатление, что среди предприятий выделяются две большие группы, для которых понятия «высокий доход» и «низкий доход» связаны с разными цифрами. Для правой (на графике 1) группы предприятие с прибылью в 1000 руб. оказывается малоодоходным: «излишка прибыли» у него нет. Для левой группы оно – высокоодоходное: сбор «с излишка прибыли» составляет основную часть промыслового налога.

Напрашивается предположение, что эти предприятия работают по патентам разных разрядов. Проверим его и построим отдельные графики для самых многочисленных разновидностей барнаульских предприятий 1914 года – торговых заведений 2-го и 3-го разрядов (графики 2 и 3). Если предположение верно, все точки на каждом из этих двух графиков должны укладываться в один набор кривых.

И действительно: раздвоения – как не бывало. Даже на глаз видно соответствие графиков 2 и 3, соответственно, правой и левой частям графика 1. Наложив все три графика друг на друга, можно убедиться в совершенно точном совпадении. Остаются, правда, несколько десятков точек, которые на графике 1 выглядят отклонениями от магистральных линий, а на графиках 2 и 3 отсутствуют. Но и это явление объясняется тем же способом. Достаточно вспомнить, что кроме торговцев, в Барнауле были (но в гораздо меньшем числе) и промышленники разных разрядов. Таким образом, график 1 отражает всё-таки единую логику действия реформ промыслового налога.

В чём же состоит эта логика? Разберёмся с каждым из трёх рядов по отдельности. Ряд квадратов укладывается в график гиперболы, который присущ функции обратной зависимости (чем больше, тем меньше: $y = 1/x$). Это – действие патентной системы в чистом виде: чем больше прибыль, тем меньше доля прибыли, изымаемая патентом. Вид гиперболы имеет и ряд

---

¹¹⁹ Правда, график не учитывает цену билетов на отдельные заведения (покупавшихся до 1898 г., но уже не существовавших в 1914 г.). Но эта погрешность касается основного промыслового налога, а суть реформ связана с внедрением и развитием дополнительного. Поэтому для общей оценки действия реформ потерей цены билетов можно пренебречь.

кругов. По существу, это тот же график «чистого» патента, приподнятый за счёт примерно одинакового для всех раскладочного сбора.

Наконец, ряд треугольников, что подводит итог реформе 1898 года, как будто переламывается, превращаясь из гиперболы в горизонтальную прямую. Левая его часть точно совпадает с рядом кругов. Это те предприятия, налогообложение которых не изменилось по итогам реформы Витте – те, которых не коснулся сбор «с излишка прибыли». Это их Министерство финансов считало переобложенными, для них старалось не повышать налога. Прямая же часть ряда треугольников соответствует ставке сбора «с излишка прибыли» (к 1914 г. это 5 %) в сумме с раскладочным сбором, который в зачёт сбора «с излишка прибыли» не принимался (для Барнаула 1914 г. это 1,3 %).

Таким образом, график наглядно показывает, что по части борьбы с регрессивностью промыслового налога реформа Витте оказалась более действенной, чем предыдущая. Во-первых, за счёт того, что малодоходные предприятия были освобождены от повышения налога, тогда как прибавка 1885 года коснулась всех. Во-вторых, за счёт того, что у высокодоходных предприятий дополнительный промысловый налог стал забирать тем большую долю дохода, чем выше прибыль, тогда как прибавка 1885 года была равномерной.

Здесь можно было бы подвести итог, если бы не возникал вопрос: можно ли доверять цифрам из «заявлений»? Податные инспектора не были настолько наивны, чтобы верить голословному заявлению плательщика о полученном доходе. Данные заявителей обычно исправлялись участковыми раскладочными присутствиями. Но ведь и само присутствие не могло точно знать, сколько прибыли получил каждый из сотен торговцев города или уезда. В отсутствие прозрачной бухгалтерии прибыль неотчётных предприятий определялась заведомо неточно.

В то же время, можно полагать, что эти ошибки не были настолько грубыми, чтобы обесценить использованные данные. Во-первых, присутствия состояли в основном из предпринимателей, знающих местную конъюнктуру по собственному опыту. Во-вторых, действующие лица присутствия имели противоположные интересы (торговцы склонны занижить прибыль, податной инспектор – завысить). В-третьих, действовала система внешнего контроля за работой присутствий и обжалования их решений (от казённой палаты до Сената).

Значит, сделанный выше вывод всё-таки может использоваться не только для описания механизма реформы, но даже для описания действительного её воздействия, надо лишь сделать следующие две оговорки. Было бы неверно утверждать, что ни одно «переобложенное» (по мерке Минфина) предприятие не попало под действие налога «с излишка прибыли». Было бы неверно утверждать, что все высокодоходные предприятия стали платить ровно по 6,3 % прибыли.

При этом несомненно, что одни плательщики (и это обладатели скромной прибыли) в результате реформы сохранили размер налоговых платежей, а другие (имеющие значительную прибыль) стали платить существенно больше, причём у крупных капиталистов сбор «с излишка прибыли» съедал большую долю прибыли, чем у базарных лавочников. И следовательно, реформы 1885 и 1898 гг. изменили не просто теоретическую схему расчёта промыслового налога; они действительно изменили распределение тяжести налогообложения.

Офшор поневоле

Неожиданное подтверждение весомости дополнительного промыслового налога связано с одной западносибирской особенностью. Ни в 1885-м, ни в 1898-м году дополнительный промысловый налог не появился в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях, относившихся к ведению Омской казённой палаты (равно как и на других окраинах Сибири и Кавказа). Здесь был сохранён прежний, исключительно патентный, промысловый налог с увеличением лишь его ставок на 25 % (исключение составила лишь золотопромышленная отрасль после закона 12 марта 1901 г.). Причины этого в общем виде объяснили чиновники центрального аппарата Минфина, указавшие на необходимость «считаться с огромными пространствами, редким населением и бытовыми особенностями преимущественно инородческого населения наших окраин, не всегда даже имевшего прочную, постоянную оседлость»¹²⁰.

Между тем, Акмолинская область – окраина своеобразная. Огромные пространства кочевых земель, заселённых преимущественно кочевниками-казахами (по терминологии XIX в., «киргизами») соединялись в одно административное целое с узкой полосой русских земель на севере области. Здесь были и казачье землевладение, и крестьянские хозяйства, и Транссиб (с приходом которого стали появляться крупные арендаторские хозяйства), и крупные ярмарки, и города Петропавловск, Омск. Словом, северная полоса Акмолинской области с точки зрения хозяйства была полноценной и неотъемлемой частью русской Западной Сибири. Заодно с кочевыми просторами она оказалась выведена из-под действия дополнительного промыслового налога. Получалось, что два одинаковых предприятия в полусотне вёрст одно от другого могли быть обложены с разной степенью тяжести. Этим воспользовались предприниматели.

Столичный чиновник Д. Л. Киреевский, ревизовавший податное дело Тобольской губернии в октябре 1905 года, писал в отчёте: «обращает на себя внимание ненормальное положение прилегающего к Тобольской губернии Степного края, где вовсе нет раскладочного сбора. Ведёт это к тому, что ежегодно по несколько торгово-промышленных фирм переносят свои действия из Тобольской губернии в ближайшие к ней местности Акмолинской

¹²⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3278. Л. 128.

области, с явной целью уклониться от уплаты дополнительного промыслового налога. За последнее время в этом отношении особенно отличились заграничные конторы по экспорту масла, большинство которых постепенно ушло из Кургана, преимущественно в Омск и Петропавловск»¹²¹.

Отзыв ли ревизора подтолкнул изменения, или Министерство финансов и по другим данным осознало необходимость выравнивания налоговых режимов в Западной Сибири, но в 1905 году от Омской и других причастных казённых палат в столицу были затребованы сведения о перспективах повсеместного введения дополнительного раскладочного налога¹²². Руководство Омской палаты пришло к выводу, что раскладочный сбор можно вводить повсеместно. Всё равно подавляющая часть торговцев (слишком мелких) обложению этим сбором не подлежит, более же крупная торговля «и по условиям производства ее, и по характеру своему ничем не отличается от торговли соседних губерний Сибири, где этот сбор введен»¹²³. Законодательное воплощение этой поправки Минфин связывал с общей реформой промыслового налога, но поскольку она заглохла, провёл по закону 14 октября 1914 г., в одном пакете с другими мелкими мерами по повышению налоговых доходов. С 1915 года урезанный промысловый налог сохранился лишь в Якутской (за пределами г. Якутска), Сахалинской и Камчатской областях¹²⁴. На остальные районы были распространены дополнительный раскладочный сбор и процентный сбор с излишков прибыли.

Нам же эта история позволяет оценить степень чувствительности дополнительного промыслового налога для предпринимателей. Без дополнительных данных трудно сказать, почему уходом от налога «отличились» именно скупщики масла. То ли они были особенно легки на подъём (ввиду простоты и дешевизны своего оборудования), то ли иностранцы оказались более привычны, чем русские, к поиску налоговых лазеек, то ли просто скупка масла оказалась на юге Тобольской губернии самым распространённым видом крупного неотчётного предпринимательства. Как бы то ни было, ясно, что дополнительный промысловый налог играл существенную роль в обложении торговли. И судя по отзыву Д.Л. Киреевского, эту роль он приобрёл именно после закона 1898 г.

---

¹²¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 617. Л. 5 об.

¹²² РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3278. Л. 28–28 об.

¹²³ Там же. Л. 82–90.

¹²⁴ О возвышении ставок некоторых видов существующего обложения, о распространении взимания раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий на ряд объектов и о привлечении к промысловому обложению кинематографических предприятий. Представление министра финансов в Государственной Думе от 17 марта 1915 года. С. 22. (Закон 14 октября 1914 года был принят по 87 статье Основных законов, а на одобрение Государственной думы представлен уже постфактум. Представление отпечатано типографским способом. В настоящей работе использован экземпляр, хранящийся в Российской национальной библиотеке).

Итак, реформы промыслового налога в 1885 и 1898 годах, хотя и проводились разными министрами, оказываются взаимодополняющими. Н.Х. Бунге установил подоходную составляющую в промысловом налоге, что позволило брать с крупных предприятий больше, чем с малых. С.Ю. Витте снабдил подоходную составляющую новым принципом её использования («налог с излишка прибыли»), и это позволило начать движение к тому, чтобы для крупных плательщиков тяжесть налога была большей, чем для малых предприятий.

Глава 4.

**Маленький налог и большая политика:
квартирный налог на весах Русско-японской войны**

Ирония судьбы: квартирный налог – плод первой реформы С.Ю. Витте, он же всплывает и в череде событий, завершившихся отставкой могущественного министра финансов. На исходе XIX века С.Ю. Витте сначала приготовился принести квартирный налог как источник бюджетных доходов в жертву реформе городского самоуправления, а затем сама эта реформа была принесена в жертву большой внешнеполитической игре на Дальнем Востоке.

История эта, до сих пор широкой публике неизвестная, раскрывается благодаря специальному делу из фонда Департамента окладных сборов.

Состав налогоплательщиков и качество самоуправления

А началось всё с еврейской темы. Во всеподданнейшем рапорте о состоянии Могилёвской губернии за 1896 год местный губернатор пожаловался на трудности с избранием городских властей. Выяснилось, что выбираемые горожанами представители «далеко не удовлетворяют самым скромным требованиям, которые следовало бы предъявить к лицам, стоящим во главе городского самоуправления»¹²⁵. Практические последствия этого губернатор определил фразой, но вполне понятной формулировкой: «постановления городских дум клонятся иногда прямо к ущербу городского интереса, в пользу отдельных, влиятельных лиц»¹²⁶. А всё потому, что от двух третей до трёх четвертей владельцев цензовой недвижимости в городах западных губерний составляли евреи, российским законом к голосованию не допускаемые. Соответственно, круг участников выборов искусственно сужался. Каков выход – расширить права евреев? Ни в коем случае: это только окажет дополнительное «развращающее влияние». Остаётся лишь расширить круг русских, участвующих в голосовании. Право голоса по Городовому положению жёстко связывалось с участием в формировании городского бюджета, а именно – уплатой городского оценочного сбора с недвижимости, по стоимости превышающей установленный порог. Естественным способом увеличения числа плательщиков выглядело в таком случае понижение порога. Однако такой путь имел существенный недостаток: в то время как избирателями стали бы многие малоимущие домовладельцы (на которых, к тому же, свалилось бы бремя уплаты оценочного сбора), от выборов оставались бы отстранены зажиточные квартиросъёмщики, собственной недвижимости не имевшие. Более разумным выглядело именно за их счёт расширить состав избирателей, а для этого – включить их в число плательщиков городских налогов. Поэтому губернатор предлагал либо передать в местные бюджеты установленный в 1893 году государственный

¹²⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 8.

¹²⁶ Там же. Л. 8 об.

квартирный налог, либо установить *городской* квартирный налог одновременно с *государственным*.

Мысль была не нова. Предложение ввести квартирный налог, подлежащий уплате в местный бюджет, и соответственно – предоставить избирательное право квартиросъёмщикам, высказывалась при подготовке обоих недавних Городовых положений (и 1870, и 1892 года). И каждый раз после ожесточённых споров она проваливалась. Дело в том, что слишком явной целью предлагавшегося нововведения было не наполнение городских бюджетов (налог давал незначительную сумму и погоды сделать не мог), а либерализация состава избирателей (и избираемых). Либерализация за счёт относительно зажиточных (чтобы соответствовать неизбежному цензу) квартиросъёмщиков, не имевших собственной недвижимости. Такими имущественными характеристиками обладала вполне определённая общественная группа. Сложность в том, что состояла она не только из чиновников, но и из интеллигенции: преподавателей, врачей, иных представителей «свободных профессий» – лиц, *a priori* вызывавших у властей сомнение в благонадёжности.

Единственное, чего удалось добиться либералам – включения в Городовые положения пункта о том, что города (каждый по отдельности) имеют право ходатайствовать о введении у себя квартирного налога. Такие попытки действительно были, и их рассмотрением специально занималась В. А. Нардова¹²⁷. Ни одна из них не смогла прорвать выстроенную властями оборону. Каждая заявка придирчиво изучалась, и как только министерства находили основание полагать, что основным мотивом заявителей является политический (а не экономический), следовал отказ.

Учитывая такую предысторию, можно было бы ожидать резко отрицательной реакции императора на могилёвские всеподданнейшие соображения. Однако антисемитский соус, под которым этот проект был подан, вызвал одобрительную реакцию Николая II. «Дельное замечание» и «надо обсудить» – пометил он на полях¹²⁸. Особый журнал Комитета министров, в котором упоминание об этих пометах вместе с краткой предысторией вопроса было «повергнуто на Высочайшее благовоззрение», удостоился утверждения 7 апреля 1898 года. Министры довели до сведения императора, что при обсуждении в 1892 году предложение ввести местный квартирный налог оценили как заслуживающее полного внимания, «но приступить тогда же к ближайшему его рассмотрению признано было несвоевременным за отсутствием достаточно твердых данных»¹²⁹. В свою

---

¹²⁷ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л.: Наука, 1984. С. 82–108. История обсуждений идеи о местных квартирных налогах подробно изложена и в рассматриваемом деле: РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 21–53.

¹²⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 6–7.

¹²⁹ Там же. Л. 6 об.

очередь, «твёрдые данные» МВД начало собирать после появления в России государственного квартирного налога¹³⁰. За пять лет министерство собрало и обработало мнения 245 городских самоуправлений из 591 запрошенного и, по-видимому, твёрдо вознамерилось для «твёрдости» данных ждать оставшихся.

Пылиться бы этому вопросу в долгом ящике, однако вмешался Витте. В июне того же 1898 года он направил министру внутренних дел И. Л. Горемыкину отношение¹³¹, начинавшееся словами о стремлении к улучшению городского хозяйства. Вопрос этот прямо выходил на состояние городских бюджетов, главной бедой которых автор называл не узость доходной базы, а состав лиц, бюджетом управляющих. В качестве единственной меры, способной оказать принципиальное действие на городское хозяйство, предлагалось расширение состава гласных за счёт интеллигенции. Таким образом, мнение могилёвского губернатора получило поддержку. Ценность виттевской поддержки заключалась в том, что он, в отличие от губернаторов, мог обеспечить проект финансово. Губернаторская инициатива подразумевала предложение кому-то пойти на материальную жертву – или квартиросъёмщикам, на которых ляжет новый налог (вводимый *в дополнение* к государственному), или министру финансов, которому труднее будет сводить бюджетные концы (если местный налог вводится *вместо* государственного). Казне квартирный налог приносил 3 млн рублей в год. Витте заявил, что готов отказаться от этой суммы – «но не иначе, как под условием предоставления квартиранимателям участия в городском самоуправлении»¹³².

Предлагалась, следовательно, не налоговая реформа, но реформа городского самоуправления. В другое время министр внутренних дел,

---

¹³⁰ При этом в выписке из журнала Комитета министров сказано, что вопрос «вновь возбужден был Министерством Внутренних дел в 1896 г. ввиду установления квартирного налога в пользу казны» (РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 7). Вероятно, имеет место описка: должно быть «1893 г.». Во-первых, именно в этом году (14 мая) на самом деле был принят закон о государственном квартирном налоге. Во-вторых, именно 1893 год указан в качестве даты очередной постановки этого вопроса в подробнейшем типографском изложении дела, составленном в 1900 году. Упоминание о 1896 годе в последнем отсутствует. «Государственный Совет, при рассмотрении в 1893 г. проекта положения о государственном квартирном налоге... с тем вместе ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным, 14 Мая 1893 г., положением предоставил Министерству Внутренних Дел, по соглашению с Министерством Финансов, войти в обсуждение того, в какой мере, с установлением государственного квартирного налога, требуется согласовать с Положением о сем налоге статью 136 Городового Положения 11 июня 1892 г. о предоставлении городам права ходатайствовать о введении в их пользу сбора с квартиранимателей» (РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 37–37 об.).

¹³¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 1–2 об.

¹³² Там же. Л. 2 об.

пожалуй, воспротивился бы столь явному политическому подтексту, однако недавняя царская резолюция сделала его сговорчивым. Уже через две недели он выразил готовность создать комиссию по выработке реформы под руководством своего товарища (заместителя), князя Оболенского. Витте, в свою очередь, направил в эту комиссию Н. Н. Кутлера, в недалёком будущем – видного деятеля конституционно-демократической партии, а тогда – вице-директора Департамента окладных сборов, через который и велась переписка со стороны Минфина¹³³.

С.Ю. Витте: не либерал, но реформатор

Здесь надо ненадолго отвлечься от квартирного налога, чтобы объяснить для себя парадокс. Благодаря специальной работе Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина известно, что Сергей Юльевич Витте отнюдь не был либералом. Это ему ведь принадлежит хлёсткая фраза о том, что «русскому государственному строю чужды начала самоуправления»¹³⁴. Каким образом эта фраза, относящаяся как раз к 1898 г., сочетается с инициативой о допуске интеллигенции к самоуправлению городскому?

Для разрешения этого противоречия стоит присмотреться повнимательнее к спору вокруг земств, столь подробно разобранному в упомянутой книге. Речь идёт о проекте земства на западе страны, в апреле 1898 г. представленном И.Л. Горемыкиным на обсуждение Госсовета. Витте изложил возражения в пространной декабрьской записке того же года. Противостояние завершилось в октябре 1899 г. отставкой Горемыкина, которого сменил Д. С. Сипягин. После этого два министерства («Витте-Сипягинский союз», по выражению Б.А. Романова) подали согласованный (и весьма ограниченный) проект реформы для неземских губерний.

Интересно, что инициаторами реформы выступали губернаторы. Для них земства были привлекательны как орган хозяйственного управления. Витте выступал против – и, судя по приводимым авторами цитатам, не против земства вообще, а как раз против его хозяйственной деятельности. Одновременно подчёркивая необходимость *государственной* организации местного хозяйства. И как раз неграмотные действия государства в хозяйственной области называя причиной развития местного самоуправления на Западе¹³⁵. Таким образом, фраза о чуждости России принципов самоуправления – скорее всего, то самое всякое лыко, которое иной раз в споре ставится в строку ради красного словца. Б.А. Романов – крупный знаток Витте и учитель Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина – оценил подобным образом даже не отдельную фразу, а всю записку. «Когда он заказывал кому-то свою знаменитую записку "О самодержавии и земстве", где, собрав все аргументы в пользу конституции, высказался за самодержавие, – это была

---

¹³³ Там же. Л. 3–5 об.

¹³⁴ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 108.

¹³⁵ Там же. С. 102–104, 108.

"эквистрика", чтобы свалить министра внутренних дел Горемыкина, вылезшего с убудочным проектом фальсифицированного земства для западных губерний, и посадить на его место своего – Сипягина»¹³⁶.

Действительная же критика Витте относилась к *хозяйственной* работе земств, что не выглядит удивительным с учётом того усиления роли государства в экономике, которое при нём наблюдалось. Принципиальным противником самоуправления он не был. Выступить за привлечение интеллигенции в городские думы он вполне мог. Другой вопрос – для чего ему это было нужно? Стремился ли он повысить качество городского самоуправления? Боролся ли за усиление своих позиций в правительстве? Вопрос остаётся открытым.

Отмена реформы: неожиданная неуступчивость

Известно, однако, что несмотря на описанную инициативу министра финансов, и квартирный налог по-прежнему остался в ведении государственного бюджета, и городское самоуправление сохранилось в неизменном виде. За обстоятельствами отказа от реформы вернёмся к нашему архивному делу.

Итак, министры создали комиссию при МВД. Неизвестно, насколько регулярно она собиралась, но работа понемногу продвигалась. Во второй половине 1899 и первой половине 1900 года дело дошло до составления и типографского тиражирования «Записки о введении в пользу городов сбора с квартирнанимателей, с предоставлением им по платежу сего сбора участия в городском управлении»¹³⁷. На полутора страницах подробнейшим образом изложены как история предыдущих обсуждений этого вопроса, так и на удивление оперативно предоставленные казёнными палатами данные о квартирном налоге и его плательщиках.

Исторический опыт обобщён, положение изучено. Можно приступать к разработке самой реформы. Однако накануне перехода к завершающей стадии Витте второй раз проявил инициативу в этом деле. Теперь – насчёт его закрытия.

В отношении Сипягину от 24 июля 1900 года Витте писал, что двумя годами ранее, когда он затеял передачу квартирного налога городам, «государственный бюджет мог без особого ущерба поступиться получаемым им от названного дохода налогом». Но положение изменилось: «возникшие

---

¹³⁶ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. Изд. 2-е. М–Л: Изд-во АН СССР, 1955. С. 126.

¹³⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 21–93. Судя по февральскому 1901 года отношению министра внутренних дел, эта записка могла быть не единственной: «образована была особая Комиссия..., намеренные которой, в предварительном совещании 30 июля 1899 г., вопросы, касающиеся сказанного преобразования, были разработаны и изложены затем в отдельных записках, отпечатанных в первой половине минувшего года» (РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 174–174 об.). Речь идёт, как видим, о нескольких записках, но в деле имеется лишь одна.

ныне на Дальнем Востоке политические осложнения вызвали уже значительные затраты из сумм государственного бюджета и потребуют в ближайшем будущем ещё новых расходов». Поэтому министр финансов оказался поставлен перед необходимостью «принять меры к возможной экономии и к сохранению всех видов поступлений». Соответственно, передача квартирного налога городам оказалась отложена «впредь до наступления более благоприятного для сего положения финансов Империи»¹³⁸.

Выдержав более чем полугодовую паузу, Сипягин всё же предпринял 13-страничную попытку переубедить Витте¹³⁹. В отношении от 28 февраля 1901 г. он напомнил, что финансовая сторона дела изначально рассматривалась как второстепенная; замышлялась же реформа для улучшения состава избирателей и избираемых. Не ограничившись указанием на то, что необходимость такого улучшения «с достаточною очевидностью выяснилась» и самим МВД, министр привёл некоторые доводы. В укор городским управлениям (состоящим в основном из домовладельцев и торговцев) он поставил их озабоченность прежде всего «сохранением такого положения вещей, при котором городские расходы не подверглись бы увеличению, хотя бы и в явный ущерб для назревших потребностей города». В условиях стремительного развития, усложнения городского хозяйства (дороги, водопровод, канализация, электростанции) это представлялось совершенно неприемлемым. Как следствие, в практике МВД уже бывали случаи, когда «по совершенному отсутствию среди городских избирателей сколько-нибудь подходящих лиц приходилось испрашивать особое ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на замещение должностей лицами, не пользующимися правом голоса на городских выборах». В итоге автор оценивал предоставление плательщикам квартирного сбора избирательных прав как «крайне желательное»¹⁴⁰. Поэтому и просил министра финансов всё же отдать

---

¹³⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 172 об.–173.

¹³⁹ Там же. Л. 174–180.

¹⁴⁰ Показательная подробность. Далее в отношении говорилось о том, что предоставление избирательных прав можно было бы осуществить за счёт установления *дополнительного* к государственному городскому квартирного налога. Однако это было бы чрезмерно обременительно для плательщиков, «косвенным подтверждением чему является то обстоятельство, что несмотря на предоставление статьей 136 Гор[одового] Пол[ожения] городским управлениям права ходатайствовать об установлении в пользу городского поселения сбора с нанимателей квартир и других жилых помещений, ни одно из этих управлений не воспользовалось до сих пор означенным правом» (РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 178 об.–179). Невозможно предположить, что сотрудники МВД, готовившие текст, были не в курсе подоготовленной тем же ведомством упоминавшейся выше записки, где, в частности, подробно показывалась истинная причина отсутствия в России городских квартирных налогов. Ходатайства городов *были*, но они не смогли преодолеть сопротивление высших органов власти, опасавшихся *политической* стороны дела. Политические причины и на рубеже веков по-прежнему оставались важнейшими при решении этого

квартирный налог городам – если не сразу, то хотя бы в скором будущем. В этом случае Сипягин полагал возможным закончить разработку реформы в ближайшее время, чтобы уже с 1902 года новый закон вступил в силу.

Трудно с уверенностью сказать, что обеспечило заинтересованность министра внутренних дел в положительном решении этого дела. Отдельным абзацем Сипягин поставил такой довод в пользу реформы, как «крайне желательное в политическом отношении усиление русского элемента» в городском самоуправлении западных и некоторых других окраинных губерний. Во всяком случае, интерес его был довольно сильным. Стремясь к положительному решению, министр внутренних дел проявил предельную гибкость и предложил, если Минфин не может поступиться сразу всей суммой квартирного налога, провести реформу постепенно «путём применения нового закона к тем городам, привлечение по которым квартиронанимателей к участию в городских делах будет признано наиболее необходимым».

Однако Витте отказался от диалога. Его небрежная резолюция была краткой: «Ответить, что по нынешнему требованию к Гос. К[азначейств]ву я не имею ни какой возможности отказаться от этого источника гос. доходов, и что сие дело должно быть ныне отложено»¹. Составленное в духе этого непреклонного вердикта отношение к Сипягину от 10 марта 1901 года и закрывает дело о передаче городам государственного квартирного налога.

Финансовый козырь и придворная борьба

Заключительная, «отказная», стадия дела не стоила бы затраченного на неё внимания, если бы не сомнения, которые вызывает выдвинутое Витте обоснование. Положим, что действительно, 3 млн руб. поступлений от квартирного налога даже при 2-миллиардном бюджете² выглядели существенной суммой. Положим, что действительно досрочный (и не планированный заранее) выкуп железных дорог, на который в 1900–1901 гг. было истрачено 39 млн руб.³, был необходим, а 3 млн на мелкую политическую реформу выглядели необязательными. Но смущают сроки. Лето 1900 г., когда министр финансов заявил об отказе от реформы – это не просто ввод войск в Маньчжурию, это ещё и острая борьба в российском руководстве по вопросу о том, что делать дальше. Ввод войск в Маньчжурию 26 июня 1900 года для защиты свежестроенной КВЖД от китайских

вопроса, однако теперь отношение к ним изменилось на 180 градусов, и в новых условиях МВД предпочло не вспоминать о бывшей «генеральной линии». Натяжка была столь явной, что читатель отношения (судя по почерку, скорее всего – сам Витте) не смог удержаться от замечания на полях: «Это объясняется другими причинами».

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16555. Л. 174.

² Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1902 года. СПб., 1903. С. 45, 50–51. 51.

³ Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1902 года. СПб., 1903. С. 45. Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1903 года. СПб., 1904. С. 49.

повстанцев был произведён по просьбе самого министра финансов. Но подавление безоружных «боксёров» могло стать лишь прелюдией к более серьёзным событиям – и эта альтернатива отчётливо проявилась как раз в июне 1900 г. с началом серьёзного натиска группы А.М. Безобразова. На 5 июня царь назначил рассмотрение в Комитете министров предложенного ею проекта Восточноазиатской промышленной компании. Его утверждение означало бы приступ России к созданию военной базы вдоль маньчжурско-корейской границы, и как следствие – неизбежное столкновение с Японией, почитавшей Корею зоной собственного исключительного влияния.

Тогда, в начале июня, Витте отговорил царя от обсуждения проекта – и снискал «великое негодование» безобразовцев, открывших «бешеную травлю» министра финансов¹. Через полтора месяца, к 23 июля, Безобразов подготовил (и передал царю) новые предложения по дальневосточной политике России. Суть их сводилась к следующему: собрать на Дальнем Востоке такие силы, которые бы позволяли требовать от заинтересованных держав согласия на российское доминирование в Маньчжурии. Спустя ещё три дня, 26 июля, Безобразов вновь заговорил с царём о необходимости создания Восточно-Азиатской компании, но (замечает Романов) «и на этот раз "всесильный Витте сумел затормозить дело"»².

В этом-то боевом контексте, в дни второго натиска безобразовцев, и появилось (24 июля) отношение Витте с заявлением, что в казне нет даже трёх миллионов для городской реформы. Невольно является мысль, что заявление это имело к развернувшейся крупномасштабной политической игре непосредственное отношение и было продиктовано не стремлением к экономии. По-видимому, убедившись, что антисемитская партия «загорелась» мыслью реформировать городское самоуправление, Витте решил использовать эту карту в дальневосточной игре. Наверняка он понимал, что перспектива «содействовать усилению русского элемента» в западных губерниях сама по себе не перевесит желания стать твёрдой ногой в Маньчжурии. Но, во-первых, при отсутствии у Витте явного перевеса приходилось использовать все подручные средства. Во-вторых, городская реформа вообще не являлась козырем в этой игре. Она играла лишь вспомогательную роль для ввода в действие главного козыря министра финансов – государственного бюджета. Подчёркивая (с преувеличением, конечно), что даже расходы на небольшую военную операцию вымели из бюджета всё до последней копейки, Витте давал понять, что настоящая война станет просто финансовым крахом России. Именно в этом и состоял

---

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М–Л: Изд-во АН СССР, 1955. С. 113.

² Романов Б. А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С. Ю. Витте). // Сборник статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 449.

сильнейший антивоенный довод Витте. Рассчитанный, конечно, не столько на «своего» министра внутренних дел, сколько на императора.

Что же дальше? Вскоре после «прощального» обмена отношениями по городскому вопросу Витте и Сипягина Безобразов в третий раз приступил к своему делу, на сей раз попытавшись договориться со своим главным противником. «В этом смысле он доложил царю в апреле 1901 г. и, получив разрешение, "работал совместно" с м-ром финансов и как будто даже "встретил сочувствие" с его стороны»¹. Но одновременно последний начал иную игру – с целью перехватить концессии у Восточно-Азиатской компании. Итак, в апреле 1901 года Витте пришлось убедиться, что его финансовый намёк проигнорирован – и он пустил в ход новое оружие. Реформа городского самоуправления, а с ней – и реформа квартирного налога, оказалась одной из пешек, сланных и забытых в этой стратегической игре.

«Роль отдельных лиц»

Утверждение о внешнеполитической подоплёке отказа от реформы нельзя считать безусловно доказанным: это всего лишь логичная гипотеза. Она должна рассматриваться в рамках более широкого вопроса о роли С.Ю. Витте в движении России к войне с Японией, о развилках на пути к этой катастрофе. Вопрос этот, казавшийся давно закрытым, неожиданно обострился на исходе 2000-х гг. в связи с выходом монографии и защитой докторской диссертации И.В. Лукоянова², некоторыми воспринятой как покушение на сделанное Б.А. Романовым. Разносторонний историк и основоположник влиятельной научной школы, Б.А. Романов ещё в 1920-е гг. утверждал, что поход в Китай за экономическими привилегиями неизбежно должен был привести к войне, и называл виттевские утверждения о мирном характере его политики грубой легендой³. Именно эта часть выводов Бориса Александровича, направленная против нелюбимого в советское время Витте, и стала восприниматься как «дальневосточная концепция Б.А. Романова», которая, по выражению В. М. Панеяха, после выхода работ Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина «приобрела неоспоримый характер»⁴.

Однако у того же Романова есть и другой вывод. Даже в монографии 1928 г., где разоблачение Витте проводится наиболее отчётливо и обоснованно, показана готовность Витте к переговорам и уступкам даже на этапе завязки кризиса (1896–1902). А уж после того, как Япония поставила вопрос ребром (30 июля 1903 года), Витте и вовсе однозначно высказался за отказ от долго лелеянных (и уже стоивших немало капиталовложений) экономических

¹ Романов Б. А. Витте и концессия на р. Ялу. С. 450.

² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб: Нестор-История, 2008.

³ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Ленинградский восточный институт, 1928. С. IX–X.

⁴ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 471.

преимуществ в Маньчжурии – лишь бы не спровоцировать войну¹. Не случайно в одной из своих «маньчжурских» статей начала 20-х годов Романов совершенно определённо утверждает, что «внутренняя правдивость» мысли о миролюбии Витте «не подлежит спору». «Действительно, Витте так туго связал свою карьеру с мыслью о безусловной [Выделено автором. – А. К.] недопустимости для России войны на Дальнем Востоке и необходимости предотвратить её во что бы то ни стало, что предпочёл лучше расстаться с властью (август 1903 г.), чем сделаться соучастником в политике, "вызвавшей" войну»².

Этот вывод содержится только в статье 1923 г. и в таком явном виде позже уже не повторяется. Но повторяются подкрепляющие его факты. Это заставляет думать, что речь идёт не об изменении Б.А. Романовым точки зрения на действия С.Ю. Витте, но об изменении формулировок «в поисках взаимопонимания» с советской цензурой. Даже после устранения оправдывающих Витте формулировок издательство Ленинградского Восточного института предпослало книге 1928 г. довольно суровое введение, сообщив читателям, что автор не вскрыл «борьбы классовых сил, лежавших в основе всей империалистической политики царской России», явно переоценил роль отдельных лиц и не внёс ничего нового в решение общей проблемы русского империализма³.

Можно полагать, что такой тонкий исследователь «Людей и нравов», как Б.А. Романов, и позже сохранял непрямую оценку действий Витте – но тщательно маскировал свои мысли. В его книгах содержатся все необходимые факты, чтобы понять: противодействие войне действительно было крайне важно для Витте. При целеустремлённости знаменитого министра финансов логично ждать подчинения прочих задач этой главной цели.

Впрочем, для истории налоговых реформ вопрос о причинах отмены передачи квартирного налога имеет второстепенное значение. Главное – другое: почему отец этого передового новшества так легко готов был отказаться от него? Дело здесь не только в небольшой сумме сбора, но и в тех задачах, которые выдвигало дальнейшее реформирование налоговой отрасли. Квартирный налог даже за первые пять лет своего действия уже сыграл существенную роль, сломав психологический барьер. Не зря Министерство финансов во всех публикациях о квартирном налоге подчёркивало, что это – прототип налога подоходного. Теперь, когда не оправдались страхи, с одной стороны, насчёт массового уклонения плательщиков, с другой – насчёт грубого вмешательства податных органов в дела граждан, можно и нужно было переходить к настоящему подоходному налогу.

---

¹ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. С. 445.

² Романов Б. А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1923. С. 140.

³ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. С. III–IV.

Эта тема станет насущной в годы Первой российской революции. Но ещё в бытность С.Ю. Витте министром финансов произошло событие, которое тянет на важную реформу в сфере налогов. Речь идёт об отмене круговой поруки.

Глава 5.

Преемственность и постепенность: подоходный принцип и личная ответственность в крестьянских налогах

Одна из самых злободневных тем в глазах российской общественности рубежа XIX и XX веков – крестьянские налоги. Пётр Соколов, Алексей Корзухин, Александр Красносельский, Василий Пукирев, Василий Максимов, Константин Трутовский, Николай Орлов – вот перечень (вероятно, неполный) художников, посвятивших известные картины сбору податей в пореформенной России. Все они изображают страдания крестьян-бедняков, разоряемых непосильными платежами. «Последнюю коровушку за недоимку» – так издатели серии открыток переименовали название знаменитой картины В.В. Пукирева «Сбор недоимок». Выражение это в достаточной мере объясняет, чем именно податная тема волновала общественное мнение.

Как раз в крестьянских налогах на протяжении пяти лет состоялись целых три реформы. Одна из них хорошо известна, хотя и воспринимается как периферийное событие – это отмена круговой поруки в 1903 г. Ещё одна известна специалистам по сибирскому крестьянству: это отмена подушной подати в Сибири в 1898 г. Наконец, третья и вовсе упоминается лишь в узкоспециальных налоговых работах – принятие в июне 1899 г. Положения о порядке взимания крестьянских налогов. Все они, однако, вращаются вокруг одной темы, и это – изменение системы крестьянских налогов.

Поземельный налог для землепользователей: не воплощённый замысел

Начнём, по хронологии, с реформы 1898 г. Реформа как таковая относится только к Сибири, что делало бы её неинтересной для уяснения российской истории, если бы не один документ, возникший в связи с обсуждением именно сибирских особенностей. Документ этот, независимо от желания его автора, выдаёт представления высоких столичных начальников о существовании крестьянских налогов.

Отмена подушной подати в Сибири отстала от Европейской России на целых 13 лет. Несомненна связь этой реформы с развернувшимся переселением в Сибирь. Именно в фонде Переселенческого управления хранится проект этого закона, предложенный на обсуждение министров в начале 1896 г. В научный оборот этот документ ввёл известный омский историк Виктор Николаевич Худяков¹. Как явствует из проекта, толчок реформе был дан Госсоветом в 1890 г. – как раз на другой год после закона 13 июля 1889 г., ставшего вехой в развитии переселения.

---

¹ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: изд-во Томск. ун-та, 1986. С. 227–228.

Удивительный факт: платежи бывших государственных крестьян Сибири и Европейской России до реформы 28 мая 1885 г. были одинаковы, а после реформ 1885 и 1898 гг. – стали разными. До 1885 г. крестьяне платили подушную подать за себя и оброчную подать за пользование землей. В Европейской России оброчная подать, как мы уже видели, превратилась в выкупные платежи; подушная подать сменилась поземельным налогом. Притом в законе 28 мая 1885 г., отменившем «подушину», ничего не говорится о поземельном налоге (необходимость его уплаты подразумевалась «по умолчанию»). Между тем, закон 19 января 1898 г. (сибирская реформа) не только отменил подушную подать (заодно с оброчной, подымной, сбором на межевание, ясачным сбором), но отдельным пунктом установил новые налоги.

«Взамен отменяемых, согласно отд. I, душевых сборов, взимать за отведенные от казны земельные наделы – государственную оброчную подать, а за земли, принадлежащие крестьянам и инородцам на праве собственности, – поземельную подать» – так написано в законе о сибирской реформе ¹. Именно государственная оброчная подать, а не поземельный налог, стала после реформы главным налогом сибирских крестьян.

В действиях законодателя можно увидеть вполне определённый смысл. Бывшие помещичьи крестьяне центра страны хотя далеко ещё и не выплатили выкупные платежи, по выполнении этого обязательства должны были получить наделённые земли в свою собственность (пусть и совместную, а не единоличную). Государственные крестьяне Европейской России одновременно с отменой у них подушной подати тоже были переведены на выкуп. В Сибири же земли по-прежнему были собственностью правительства. Долгожданное сибирское землеустройство, начатое законом 23 мая 1896 г., оставляло сибирских крестьян лишь пользователями казённой земли ². Следовательно, в обеих реформах (1885 и 1898 гг.) соблюден один и тот же подход: за собственную землю платится поземельный налог, за казённую – государственная оброчная подать.

Однако при начале разработки сибирской реформы замысел был иным. Убедиться в этом позволяет отношение, 8 июля 1893 г. направленное из Департамента окладных сборов Министерства финансов в Томскую казённую палату ³. Вице-директор департамента Н.Н. Кутлер сообщал о том, что в министерстве «разрабатывается вопрос об установлении в губерниях и областях Сибири, взамен подушной и оброчной податей, основанных на подушном счете населения, казенного поземельного налога».

Важно уточнение: «поземельный сбор может быть взыскиваем лишь с тех рядов крестьян и инородцев, в пользовании которых находятся казенные земли, равно как и с тех, которые владеют землею на праве полной собственности (с последних, однако, в уменьшенном размере)», а

¹ ПСЗ-3. Т. XVIII. Отделение 1-е. № 14908. С. 40.

² ПСЗ-3. Т. XVI. Отделение 1-е. № 12998. С. 503–505.

³ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–4.

«безземельных крестьян представлялось бы справедливым совсем освободить от взимаемых с них подушных сборов»¹.

Слово «лишь» в начале предложения наводит на мысль о том, что пользователи казённых земель противопоставляются частным владельцам. Однако завершение цитаты не оставляет сомнений в том, что противопоставление идёт по другой линии: земельные/безземельные. Зато землепользователи и землевладельцы объединяются в группу тех, кто должен платить проектируемый поземельный налог.

Речь не идёт о том, что разработчики забыли о сибирских особенностях. В отношении Кутлера чётко сказано о том, что плательщиками поземельного налога должны стать и землевладельцы, и пользователи казённой земли. В законе, принятом четыре с половиной года спустя, для этих двух групп так же чётко установлены разные налоги. Значит, по ходу подготовки реформы в изначальные планы было внесено исправление. Противопоставление собственников и пользователей земли, заложенное в законе 1898 г., изначально не казалось реформаторам необходимым. Вероятно, это условие было введено по настоянию тех, кто стремился подчеркнуть сохранение сибирских земель в казённой собственности.

Подытоживая реформу 1898 г., В.Н. Худяков пишет, что «этим законом в Сибирь фактически переносилась система налогов, которая была установлена в 60-х – начале 80-х гг. для бывших государственных крестьян Европейской России»². Различие между поземельным налогом и оброчной податью историк, таким образом, считает несущественным. Это упрощение нельзя назвать совершенно безосновательным, поскольку способы раскладки двух сборов между селениями похожи. Но как раз обсуждение этих способов и составляет наиболее интересную часть разбираемого дела.

«По соображению с данными о количестве и доходности»

Вот что говорилось в уже цитированном отношении Н.Н. Кутлера от 8 июля 1893 г.: «Назначенная по каждому округу сумма поземельного налога подлежала бы, как выше указано, разверстке только между обществами крестьян старожилых и оседлых инородцев, по соображению с данными о количестве и доходности земли, с принятием в расчет условий сбыта продуктов, а также [по соображению с] данными о рабочей силе населения (для соображения, какое количество земли может быть обработано населением)». Таким образом, в основе обложения – не столько земля, сколько получаемый налогоплательщиками доход. Кто богаче, тот должен платить больше – таков замысел столичных реформаторов, не сформулированный чётко, но подразумеваемый в качестве очевидного.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 1 об.

² Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. С. 228.

Подобным же было и отношение томских чиновников, которое можно видеть из ответа Томской казённой палаты на департаментский запрос¹. Текст его – хотя и с исправлениями, но окончательный (заверен неразборчивой подписью начальника отделения) – датирован 3 сентября 1893 г.

Томские чиновники встретили столичную инициативу благожелательно: «введение взамен подушной и оброчной подати и межевого сбора – поземельного душевого налога весьма желательно, так как этим упростится податное дело». При этом автор ответа указал на неразмежеванность сибирских земель, но подчеркнул, что это не является препятствием к поземельному налогу, «ибо в необмежеванных волостях крестьяне и инородцы пользуются, по обычному праву и в силу необходимости, казенными землями в таком размере, какой им необходим»². Последняя формулировка подразумевает, что недостатка в земле нет, а значит, крестьяне живут хорошо и могут платить налоги. Таким образом, томские сотрудники Минфина тоже воспринимали поземельный налог не как обложение земли, а как обложение платёжной силы.

В томском ответе этот взгляд выражен даже более ярко, чем в исходном запросе. Поддерживая общий замысел реформы, палата сделала две оговорки. Прежде всего, автор записки воспротивился освобождению от налогов безземельных крестьян. Избавление крестьян из ссыльных от податного бремени, – говорится в документе, – «неизбежно усилит в них леность и беззаботность к устройству своего хозяйства, в то время как условия Сибири по своей привольности и способах [так в тексте. – А.К.] к заработкам (например, золотые промыслы и проч.) дают возможность даже мало-радивым ссыльным устраиваться безбедно в ссылке»³.

Под конец томичи обращали внимание, что нельзя провести реформу без согласования с руководством Алтайского горного округа, в казну которого (то есть, в Кабинет его императорского величества) поступает 4,5 руб. из платимых местными крестьянами 6 руб. с души. В то же время, высказывалось желание «поставить эту надежную платёжную силу в такие условия, при которых платилось бы казне не по 1 р. 50 к. с души в год, как это платят ныне означенные крестьяне, а по крайней мере в три раза более». Для этого предлагалось при поддержке казны провести выкуп крестьянами земель у Кабинета на основе капитализации оброка. Очевидно, что автор документа имел в виду опыт реформы 19 февраля 1861 г. Эту операцию он называл выгодной и для Кабинета, и для крестьян, и для госбюджета. Выгода казны виделась в том, что «выкупивши землю, крестьянин легко может платить казне налогу не 4 р. 50 к., а даже 6 руб. в год»⁴.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 68–80.

² Там же. Л. 68, 68 об.

³ Там же. Л. 69 – 69 об.

⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 64. Л. 74, 74 об.

Таким образом, и томские сотрудники казённой палаты, и руководители Департамента окладных сборов, рассуждая о мероприятиях в области крестьянских налогов, держали в голове доходы плательщиков. Разница лишь в том, что департамент предлагал учитывать их на основе данных о землепользовании, а томичи были не готовы вовсе отказаться от «старых добрых» душ. Впрочем, это различие не играет существенной роли для автора томской записки: реформу он всё-таки поддерживает. Похоже, что выбор основания для расчёта крестьянских налогов (душа или десятина) волнует его меньше, чем неоднократно упоминаемые ссыльные, «которые не мало угнетают в экономическом отношении старожилов».

Дело в том, что даже подушное обложение лишь по названию безразлично к доходу, на деле же в этом налоге всегда присутствовал подтекст платёжеспособности. Уже при Петре I делалось различие между государственными крестьянами (на которых накладывалась, дополнительно к подушной, оброчная подать) и помещичьими. При Павле губернии были разбиты на 4 разряда с установлением для них «вилки» оброчной подати от 3,5 до 5 рублей. В ходе Киселёвской реформы в 1842 г. было провозглашено «переложение» подушной и оброчной подати с душ на землю и промыслы. При самом П.Д. Киселёве это коснулось 19 губерний Европейской России, со временем распространилось и на окраины.

«Переложение на землю» означало учёт не одного–двух, но большого числа разных показателей, причём многое зависело от творчества низовых инстанций. Ставки пересматривались каждые три года уездными комиссиями и казёнными палатами. На съезде податных инспекторов 1905 г. руководство Томской казённой палаты ставило в пример всем инспекторам раскладку государственной оброчной подати на 1904–1906 гг., сделанную в Томском уезде. Её авторы учитывали: число дворов, число наличных душ, число годных работников, число десятин удобной земли, площадь запашки, количество скота. В качестве «корректива» к этим цифрам учитывались: задолженность населения по податям и казённым ссудам, качество земли, доходные промыслы, возможности сбыта сельскохозяйственной продукции, размеры мирских капиталов и доходов, и даже размеры льгот в связи с причислением переселенцев к старожильческому обществу¹.

Раскладочный налог, круговая порука и её отмена

Пытаясь совместить формальную привязку налога к душе мужского пола или к земельной площади – с фактической опорой на данные о состоятельности, мы упираемся в понятие раскладки. Понятие это – ключевое для крестьянских налогов. Раскладкой подушной подати между губерниями,

---

¹ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»: неявный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX века (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 48–58.

уездами, волостями и селениями занимались чиновники до реформ второй половины XIX в. Раскладкой поземельного налога и государственной оброчной подати занимались они же – после. Раскладкой определённой на селение суммы («оклада») между отдельными плательщиками занималась крестьянская община до реформ. Такой же раскладкой занималась она и после.

Даже подушная подать, будучи формально одинаковой для всех «душ», никогда не была одинаковой для плательщиков. Она отражала лишь нежелание (или неготовность) государства вникать в состояние отдельных плательщиков. Таков парадокс: формально замена подушной подати на поземельную или государственную оброчную выглядит коренной переменной в основании обложения. Фактически же раскладкой налогов и до, и после занимались сами общества, и основания этой раскладки не претерпели революционных изменений.

Вопрос: почему государство предоставляло крестьянам самим развёрстывать между собой налог, не заботясь о соблюдении того основания подсчёта (ревизские души), которым пользовалось само? Ответ: оно прекрасно понимало, что действительное требование с каждой «души» одинаковой суммы усилило бы неравномерность налога и его давление на бедных, доставив богатым чрезмерное облегчение. Притом государству и не было нужды вникать в положение отдельного плательщика, коль скоро оно общалось с целым сельским обществом, связанным круговой порукой.

Именно круговая порука оказалась на исходе XIX в. под прицелом критиков российской податной системы. Видную роль среди них играл Н.К. Бржеский – один из университетских преподавателей, при С.Ю. Витте активно участвовавших в подготовке реформ. «Выражение "круговая порука" было неизвестно финансовому законодательству XVIII столетия, но самое понятие круговой ответственности не могло не вырасти на почве податных порядков, при которых правительство не знало действительных плательщиков податей, а имело дело с платежными собирательными единицами, оклад коих устанавливался по числу ревизских душ, т.е. по признаку, не имевшему никакого реального значения»¹ – так резюмировал автор предысторию той круговой поруки, которая окончательно была оформлена уже при Николае I. Своей книгой Н.К. Бржеский стремился доказать: крестьянские недоимки выше там, где сильнее община, сильнее круговая порука. Эту же мысль проводила и специальная комиссия, созданная по инициативе С.Ю. Витте. За долгой подготовкой, которую подробно описала М.С. Симонова², последовала реформа 1903 года.

---

¹ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб, 1897. С. 99.

² Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Вып. 83. М., 1969. С. 159–195.

Законом 12 марта 1903 г. в России вместо круговой поруки ввели личную ответственность крестьян по налоговым платежам¹. С этой точки зрения крестьянские налоги стали подобны промысловому, квартирному и другим городским налогам. Значит, требовался аппарат, подобный податным присутствиям или городским оценочным комиссиям.

Такого аппарата не было. Государство по-прежнему не в силах было наладить учёт платёжных сил каждого крестьянина в отдельности без помощи общины. Развёрстку налогов в пределах селения необходимо было сохранить за крестьянскими обществами; так и произошло.

Но это, вроде бы, сохранение старого на деле означало коренную перемену в положении общины! Роль крестьянской общины как налогового агента правительства после закона 12 марта 1903 г. резко изменилась. Сохранив право определять платёж каждого крестьянина в отдельности, община избавилась от обязанности отвечать за последствия неправильной раскладки. Создавалась опасность, что сход возложит львиную долю платежей на крестьян малоимущих или «безвестно отлучных», с которых казна ничего не сможет взять.

Гарантией против этой опасности стало загодя принятое «Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» от 23 июня 1899 г.² Законодатель чётко установил, что раскладка налога «должна быть произведена уравнительно с применением ко всем домохозяевам одинаковых условий обложения». То есть показатели платёжеспособности могут быть выбраны разные («согласные с установившимися местными обычаями» – число душ в семье, размер надела, количество скота, число ульев и т.д.), но коль скоро они заявлены в приговоре, следует соблюдать их при расчёте суммы налога для каждого плательщика.

В инструкции по применению Положения 23 июня 1899 г. уточнялось: приговор должен сопровождаться раскладочным перечнем. В нём следует указывать для каждого плательщика не только цифру назначенного ему налога, но и размер налогооблагаемой базы согласно основаниям раскладки, записанным в приговоре³.

Следить за соблюдением этого правила поручалось земскому начальнику и податному инспектору. Если первый из них проводил формальную проверку на «согласие приговора с законом» (наличие кворума, и т.п.), то последнему ставилась более глубокая задача выявлять «отступления от закона, клонящиеся к нарушению казённого интереса». Только после утверждения чиновниками раскладочный приговор вступал в силу.

Так крестьянская община превратилась, по сути, в своеобразное податное присутствие. Подобно городским присутствиям, она определяла размер платежа для каждого налогоплательщика, не неся при этом никакой ответственности за

¹ ПСЗ-3. Т. XXIII. Отд. I. № 22627. С. 133–134.

² ПСЗ-3. Том XIX. Отделение 1-е. СПб, 1902. № 17286. С. 804–815.

³ Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1899. № 28. С. 500–501.

уплату налога. Как и в городских присутствиях, решение принималось большинством голосов, и это были голоса самих плательщиков. Подобно городским присутствиям, община была при этом несвободна от вмешательства чиновников, в виде как законов и инструкций, так и проверяющих её работу чиновников. Отличия были существенны: в сельском сходе имели законное право участвовать все плательщики, а не только выборные; инспектор не присутствовал лично, а лишь пост-фактум проверял присланный ему приговор; наконец, основания раскладки не предписывались законом, но могли выбираться самим обществом. Но произошло главное: работа по определению окладов налога для плательщиков была отделена от ответственности за эту работу.

Глава 6.

Окладная система в действии: налог с городской недвижимости образца 1910 года

Итак, в 1903 г. состоялась отмена круговой поруки. Продолжая движение вверх по шкале времени, следовало бы начать речь об очередной реформе промыслового налога, обсуждение которой началось накануне Русско-японской войны. О налоге подоходном, ставшем притчей во языцех благодаря мятежному 1905 году с его революционным настроем и немыслимой свободой слова. Но – парадокс: те реформы, привлекавшие всеобщее внимание и даже обсуждавшиеся на уровне законопроектов, воплотились в законы гораздо позже. Вместо этого при П.А. Столыпине состоялась реформа налога с городской недвижимости – того самого, появление которого знаменовало начало «долгой податной реформы» при Александре II.

Подготовка реформы: невозможное становится возможным

Проблему этого налога составляла неравномерность раскладки. Столичные чиновники, в руке которых было назначение суммы для каждой губернии, стремились со всех городов брать одинаковый процент цены недвижимости. Однако им это не очень удавалось. Для оценки недвижимости, как мы помним, использовались данные городского самоуправления, которое с этих же строений взимало в собственный бюджет городской оценочный сбор. Именно это остроумное решение позволило в своё время ввести государственный налог с городской недвижимости. Но чем дальше, тем меньше эта система устраивала Министерство финансов. Если в пределах города думские данные более или менее обеспечивали равномерное распределение, то сопоставление разных городов получалось недостоверным.

«Подробные правила оценки недвижимых имуществ устанавливаются каждым отдельным городским управлением по его усмотрению, общих же указаний в законе по сему предмету не имеется, – так ещё в 1895 г. Департамент окладных сборов наставлял Омскую казённую палату. – Следствием сего является то обстоятельство, что городские оценки в большинстве случаев представляют собою несоизмеримые величины. По этой причине они вообще непригодны для определения суммы государственного налога по губерниям. При явном, затем, вообще стремлении к понижению ценности имуществ, городские оценки выражают собою не действительную стоимость этих имуществ, а лишь относительную их ценность»¹. Такого сухое, но точное описание проблемы от столичных чиновников.

Справиться с этим было трудно, пока у казны не было собственного аппарата оценки недвижимости. Но с учреждением податной инспекции появилось универсальное орудие. Едва в Западной Сибири появились податные инспектора, Департамент окладных сборов прислал требование

---

¹ ИАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 2а. Л. 3–5 об.

представить сведения «о числе, доходности и ценности недвижимых имуществ» в каждом городе. Столичное начальство уточняло, что не обязательно оценивать каждое строение – вполне можно распространить оценки отдельных зданий на группы однородных строений. Но зато эти отдельные оценки следует делать весьма тщательно – пользуясь «страховыми и залоговыми оценками, продажными ценами (по актам последнего приобретения), сведениями о валовой чистой доходности имуществ» (за несколько последних лет), не забывая притом про ипотечную задолженность. Требование явно относилось не только к Сибири – отношение сопровождалось типовыми формами требуемых сведений.

Эта работа получила дополнительное подкрепление после появления присутствий по квартирному налогу. При всей разнице двух налогов для исчисления их требовалось знать одни и те же цифры – стоимость или арендные цены городской недвижимости. Массовое применение показателя «нормальной доходности» (считалось, что недвижимость, сдаваемая в аренду, должна приносить 5 % в год) делало эти два показателя взаимозаменяемыми.

Впрочем, и без квартирного налога чиновникам казённых палат и департаментских сотрудникам было ясно, что цифры, поставляемые городскими властями, требуют исправления. Трудности на этом пути как нельзя лучше иллюстрирует история борьбы Тобольского губернского управления с городскими управлениями по поводу оценок недвижимости.

В марте 1896 г., при очередной раскладке налога с городской недвижимости, губернское управление нашло сведения о ценности и доходности городских недвижимостей, полученных от местных властей, «совершенно непригодными»¹. «Озабочиваясь, поэтому, более равномерным на будущее время распределением государственного налога между отдельными городскими поселениями и в пределах городов между отдельными имуществами», тобольские начальники «предложили» городским головам провести переоценку имуществ в каждом из городов при участии недавно появившихся податных инспекторов. Местные власти не стали спорить и дали требуемые данные, но по некоторым городам – совершенно неправдоподобные. Выходило, что доходность недвижимости крупного ярмарочного центра Ишима уступает «такому незначительному городу, как Тюкалинск», а комиссия другого крупного торгового центра Кургана умудрилась показать цифру, уступающую даже Берёзову. Сам губернатор потребовал от Курганской думы провести ещё одну переоценку по казённой инструкции, однако дума «отказалась от таковой переоценки, ввиду, во-1-х, окончания работ по переоценке недвижимых имуществ, и во-2-х, невозможности произвести новую переоценку в скором времени, ссылаясь при этом на то, что оценка недвижимых имуществ Оценочною Комиссиею произведена правильно и равномерно»².

---

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 138. Л. 75–77 об.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 138. Л. 75–77 об.

Описывая поразительное нахальство курганцев, автор специальной докладной записки, советник губернского управления К. Росляков подчёркивал наличие циркуляра МВД (от 22 ноября 1897 г.), «признающего за Губернским Распорядительным Комитетом право распределения между городскими недвижимыми имуществами общей погубернской суммы государственного налога на основании как страховых и залоговых оценок, так и оценочных данных, собираемых Комитетами чрез посредство своих органов, в том числе и Податных Инспекторов». Как видно, не только тобольское начальство споткнулось на этом поле.

Итак, губернские власти имели право проигнорировать заведомо несообразную оценку от городской думы. Но пока не имели возможности этого сделать: не было независимых данных. Потребовалось ещё десять лет, прежде чем Тобольское губернское управление смогло нанести ответный удар. В марте 1909 г., на очередном заседании по раскладке налога с недвижимости между отдельными городами, тобольское губернское управление вновь записало в протокол, что данные о ценности и доходности недвижимых имуществ «явно неверны и не отвечают действительности» – но на сей раз ещё и постановило «признать более точными сведения, составленные в 1907 году Тобольскою Казённою Палатою». По этим данным налог и был распределён между городами ¹.

Недвижимость – старая, налог – новый

Так губернские власти, собрав через инспекторов необходимые сведения, явочным порядком начали менять систему 1866 года, отбирать у городского самоуправления фактическую монополию на оценки городской недвижимости. Но показательно то, что столичная власть не пошла на замену общественного механизма – казённым. Общественный механизм был заменён смешанным – податными присутствиями. Вследствие реформы 6 июня 1910 г. в России появились присутствия по государственному налогу с городской недвижимости. Таково было новшество по части техники взимания налога.

Оно создало возможность внедрить новшество по части техники расчёта: превращение налога из раскладочного в окладной. И это – вторая составляющая реформы 6 июня 1910 г. Прежде Министерство финансов определяло сумму, которая должна быть собрана по империи в целом; затем эта сумма раскладывалась между отдельными губерниями, отдельными городами, отдельными плательщиками. Теперь же Минфин установил ставку, которую надлежало применять к каждому налогоплательщику; общая сумма налога по империи определялась теперь «снизу вверх».

Ставка реформированного налога составила 6 % «средней чистой доходности» имущества. Речь идёт не о действительно полученном доходе, но о доходоспособности: налог должны были платить и те, кто никакого дохода от своего дома не имеет. Использование в законе именно такого показателя,

---

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 839. Л. 34–35 об.

как доходность, а не цена недвижимости, связано, надо полагать, с желанием взять по максимуму с тех имуществ, доходность которых в силу особых обстоятельств превышает «нормальную». Во всяком случае, из дальнейшей практики известно, что такие случаи были.

Как правило, доходность рассчитывалась на основе стоимости здания. Поскольку «нормальная доходность» составляла 5 % цены здания, а сумма налога – 6 % от налогооблагаемой базы, то налог должен был забирать, как правило, те же 0,3 % цены здания, которые являлись ориентиром и прежде. Правда, в последние годы раскладочной системы спускаемая Минфином сумма не дотягивала до 0,3 % совокупной цены недвижимости. Считая 0,3 % нормальным показателем, Минфин тем не менее ограничивался требованием 0,22 % в целом по стране – чтобы избежать чрезмерного давления на плательщиков в наиболее тяжело обложенных городах.

Итак: налог с городской недвижимости был реформирован, кажется, по образу и подобию налога квартирного, и на основе данных, полученных при взимании последнего – однако не вобрал в себя такое прогрессивное новшество, как прогрессивная шкала. Чем объяснить такую «отсталость» реформы?

Ещё со времён введения квартирного налога Минфин не уставал подчёркивать: налог квартирный – личный, он нацелен на плательщика с его доходами; налог с недвижимости – реальный, нацелен на имущество. Прогрессивная шкала – дань справедливости, попытка частично выровнять общественное неравенство; когда сопоставляются имущества, речь о выравнивании идти не должна, прогрессивная шкала неуместна. Это не всегда работало в ущерб казне. На этот же, «реальный», характер налога ссылались чиновники, отвечая на возражения плательщиков в связи с отсутствием у них дохода от собственного жилья. Имеешь доход или нет, но если живёшь в приличном доме – плати: такова логика реального налога.

Жадность или стремление к совершенству?

Закон о реформе вышел в середине 1910 г.¹ Год отводился на всеобщую перепись инспекторами недвижимостей, подлежащих налогу. Первым годом сбора налога по-новому стал 1912-й. Раньше, чем реформа успела воплотиться, она уже вызвала шквал критики. Министерство вынуждено было оправдываться перед публикой. Довольно чопорному «Вестнику финансов, промышленности и торговли», официальному органу министерства, пришлось включиться в газетную полемику.

Представитель министерства, укрывшийся за инициалом «А.», в феврале 1911 г. посвятил большую статью ответу на претензии «Голоса Москвы». Этот орган партии октябристов, руководимый лично А.И. Гучковым, резко набросился на реформу, нацеленную, по словам безымянного автора (псевдоним: «экономист»), на то, чтобы содрать с горожан побольше денег.

---

¹ ПСЗ-3. Т. XXX. Отд. I. № 33673. С. 694–704.

Опровергая «экономиста», Минфин сослался на поддержку финансовой комиссии Госдумы: «установление более справедливой системы взимания государственного налога с городских недвижимых имуществ и равномерное обложение сих недвижимостей должно иметь первенствующее значение в рассматриваемом вопросе»¹. Несправедливость старой системы виделась в том, что из-за неточности городских оценок (на которые опирались раскладки) действительная тяжесть податного бремени различалась на порядок.

В доказательство того, что правительство, говоря об улучшении системы, на деле думает об увеличении дохода, «экономист» привёл новый порядок взимания налога – его передачу от городского самоуправления к правительственным органам. Представитель Минфина не стал отрицать того, что введение системы податных присутствий, с обязательным участием податных инспекторов, является гарантией от ущемления казённого интереса через занижение суммы налога. Но, со своей стороны, подчеркнул, что использование именно системы присутствий, где представители плательщиков имеют большинство, является гарантией от произвола податных инспекторов.

После того, как новый налог показал себя во всей красе, с двукратным приростом платежей, «Вестник финансов» признал, что некоторое увеличение сборов вследствие реформы ожидалось изначально, однако продолжал настаивать: суть замысла – в качественном улучшении постановки дела².

Итак, реформа налога с городской недвижимости во второй раз создала в России окладной (а не раскладочный) налог, собираемый через систему податных присутствий. И если первый опыт такого рода – квартирный налог – дал результат несущественный с точки зрения доходов бюджета (3 млн руб. в год), то результаты обновлённого налога с городской недвижимости превзошли все ожидания. Вместо 20 млн в первый же год было собрано 37 млн руб., причём за вычетом Царства Польского (где налог и до этого взимался по окладной системе) цифра выросла с 14,3 до 29,8 млн руб.³ Оправдываясь за такое увеличение податного бремени, «Вестник финансов» указывал на «совершенно исключительный рост городов» за время после 1905 г., когда Минфином проводилась предыдущая переоценка городской недвижимости для определения раскладочной суммы. В подтверждение этой мысли приводились данные о росте квартирного налога, который за 1905–1911 гг. вырос с 5,4 до 7,4 млн руб.

---

¹ А. О законе 6 июня 1910 г. о государственном налоге с недвижимых имуществ. (Новый налог с городских недвижимостей) // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1911. № 5. С. 185–187.

² И.С. О налоге с городских недвижимых имуществ по закону 6 июня 1910 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 1. С. 3–9, № 2. С. 46–51.

³ Л.А. Результаты применения нового закона о государственном налоге с городских недвижимых имуществ (По предварительным данным за 1912 год) // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. № 18. С. 218–222.

Не возражая против доводов чиновников, автор статьи в «Пензенском вестнике», сочувственно перепечатанной Омской думой, всё же задавал риторический вопрос: «Можно ли рассчитывать, что при отмеченном колоссальном росте государственных платежей, и при ежегодно растущих земских сборах, наши города могут и для своих непосредственных нужд сколько-нибудь заметным образом поднять городской оценочный сбор?». И сообщал о «возникшем среди городских деятелей течении за возбуждение ходатайств о передаче значительной части государственного налога в пользу городов или о понижении самого налога»¹.

Омская городская дума тоже поучаствовала в этом «течении» и в мае 1912 г. была удостоена ответа за подписью товарища министра финансов Н.Н. Покровского². Не согласившись считать новый налог чрезмерно тяжёлым, автор вежливо, но вполне прозрачно намекнул на то, что вина за резкое повышение налога лежит на самих думах с их заниженными оценками. В то же время, он поспешил сообщить, что в Госдуму уже внесён проект закона о понижении ставки налога с 6 % до 5 % при одновременной отмене предельности обложения городских недвижимых имуществ оценочным сбором.

Закон этот действительно был принят в 1913 г. В результате гласные городских дум получили возможность «забрать» отданный Минфином процент в свой бюджет, если действительно считали насущным «развитие и удовлетворение культурных потребностей» своего города. Либо – сохранить городской оценочный сбор на прежнем уровне и облегчить бремя городских домовладельцев, если они действительно считали его чрезмерным.

Таков был удивительный результат «слишком успешной» реформы 6 июня 1910 г. Тщетно пытаясь создать современную систему прямых налогов, способную составить конкуренцию водочным деньгам, реформаторы вдруг напали на золотую жилу – и вынуждены были из политических соображений поделиться ею с городским самоуправлением.

---

¹ Рост обложения городских недвижимостей по закону 6-го июня 1910 года // Вестник Омского городского общественного управления. 1912. № 2. С. 20–25.

² О понижении размера обложения государственным налогом с недвижимых имуществ // Вестник Омского городского общественного управления. 1912. № 13. С. 9–11.

Глава 7.

Бесконечный компромисс: последняя реформа промыслового налога

Пытаясь взять больше с горожан, правительство не забывало о торговцах и промышленниках. Но если С.Ю. Витте удалось подготовить реформу промыслового налога за шесть лет, то очередная попытка увеличить сборы с предпринимателей затянулась.

Реформа состоялась. Дайшь реформу!

Руководствуясь здравым смыслом, можно было бы ожидать, что какое-то время после проведённой очередной реформы Министерство финансов будет почивать на лаврах, наслаждаясь созданной совершенной системой. На деле критика существующего положения и подготовка новых реформ были непрерывным состоянием Департамента окладных сборов. Пока существовал патент, ни столичным реформаторам, ни их единомышленникам на местах не было покоя.

Заведомая неправильность патента как явления, противоположного прогрессивной шкале, усугублялась низким качеством разбивки предприятий на разряды для выборки патентов. Назначаемый предприятию разряд, с соответствующим платежом за патент, полагалось определять исходя не из прибыльности предприятия, а из внешних признаков – числа входов, наличия крыши, окон, количества комнат, набора продаваемых товаров. Чай, ещё в середине XIX века бывший признаком богатства, в конце столетия уже прочно вошёл в обиход обычного горожанина или крестьянина – но по инструкции, утверждённой министерством, являлся признаком торговли 2-го разряда. Владелец заурядной бакалейной лавки, обычно облагаемой по 3-му разряду, должен был или отказываться от торговли этим ходовым товаром (и проигрывать перед лицом конкурентов), или выкупать патент, сопоставимый по цене с его годовой прибылью, или, же наконец, нарушать закон в расчёте на снисходительность сельского старосты как представителя торгового надзора и одновременно – покупателя его лавочки. Если бы дело упиралось только в чай, его можно было бы, в конце концов, перевести из одного разряда в другой – утвердить новое «расписание» отдельным законом. Но ведь речь шла о целой системе из сотен подобных показателей, которая пыталась жизнь сотен тысяч лавок, лавочек, магазинов в сотнях уездов и тысячах волостей загнать в прокрустово ложе инструкции.

Среди материалов, собранных Гобольской казённой палатой к съезду податных инспекторов 1902 г., хранится записка податного инспектора 1-го Тюменского участка П. Зверева. Называя частым нарушением мануфактурную торговлю по свидетельству на развозной торг (это более низкий разряд), инспектор так пояснял невозможность борьбы с этим явлением: «Никто из односельчан не засвидетельствует факта продажи товара на месте из постоянного помещения; да это односельчанам и невыгодно, так

как акт о нарушении может повлечь за собою разорение торговца и прекращение торговли товаром, составляющим всегдашний предмет первой необходимости, который довелось бы приобретать за несколько вёрст в других селениях, что сопряжено с значительной тратой труда и времени». Если вдруг в деревню завернул сам инспектор, для него придётся разыгрывать спектакль: «Сундук выносится из дома, ставится в запряжённую телегу и вывозится среди улицы, где покупателю и отпускается требуемое количество товара, и сундук водворяется на прежнее место». Ясно, что при известной настойчивости инспектор сможет разоблачить такого нарушителя. «Но достойна ли подобная роль податного инспектора, и окупятся ли затраты на подобное открытие? И так нередко доводится слышать, что казна (податная инспекция) разоряет торговцев, обременяя их выборкою непосильных документов. Слышать подобное мнение торговцев интеллигентному работнику сугубо неприятно»¹.

«Инспекторская моя практика, – подытоживал П. Зверев, – приводит к заключению, что разграничение торговли на оптовую, розничную и мелочную в подавляющем большинстве случаев является остатком пережитка темных времен и не имеет того реального значения, какое ему придает существующее законоположение», поскольку размеры и формы продажи товаров – в одном и том же разряде патента – весьма различны. Наиболее целесообразным являлось бы «обложение торговли и промыслов по размерам их... оборотов», что отвечало бы «здоровому и разумному желанию торгово-промышленного класса» и заменило бы «своею определённою и постепенностью размеров обложения то безобразное туловище, о котором так метко сказано в трактате академика Янжула "Финансовое право" по поводу закона 1885 г.»². Отзывы такого рода – часто менее афористичные, но всегда подкреплённые практическим опытом – многочисленны и в материалах инспекторских съездов (проводившихся казёнными палатами), и в делах Департамента окладных сборов.

Уже в ноябре 1903 г. министр финансов Э.Д. Плеске (в своё время – автор первой справочной книги для податных инспекторов) добился «высочайшего соизволения» на очередной пересмотр положения «во всем его объеме» ввиду выяснившихся в ходе его применения недостатков. Вряд ли за неполных пять лет действия открылись какие-то неожиданные недостатки: речь, конечно, идёт всё о той же патентной составляющей. Но по-видимому, подготовка к войне против Японии оказалась не менее убедительным доводом в пользу реформы, чем голод 1891/92 г.

Созданное с этой целью Особое совещание в 1904 г. начало рассматривать внесённый Минфином очередной проект, но в 1905-м «ввиду постигших Россию тяжёлых событий работы Совещания, по ходатайству участвовавших в нём представителей торговли и промышленности, были приостановлены до

---

¹ ГАТ. Ф. 154. Оп. 15. Д. 226. Л. 50–50 об.

² Там же. Л. 52–53.

более благоприятного времени». Пытаясь спасти реформу, представители Минфина упирали на то, что без её помощи невозможно покрыть дефицит бюджета. В качестве уступки коммерсанты заявили, что «это неудобство... могло бы, по их мнению, быть устранено увеличением существующего промыслового налога..., и выразили лишь пожелание, чтобы для крупных предприятий налог был увеличен в большей степени, чем для мелких»¹.

Воплощая это «пожелание», в горячем октябре 1905 г. Министерство предложило проект, который стал законом 2 января 1906 г. Речь шла об увеличении сбора с «излишков прибыли» неотчётных предприятий до 5 %, для отчётных же предприятий (имеющих прибыль более 3 %) – об увеличении налога с капитала (до 0,2 %) и усилении прогрессии процентного сбора с прибыли. Новая верхняя планка этого сбора описывалась так: получившие прибыль более 20 % должны платить «четырнадцать процентов со всей суммы... чистой прибыли и, сверх того, ещё десять процентов с той суммы чистой прибыли, которая превышает 20 % на означенный капитал»².

Итак, обсуждение 1905 г. не прошло вовсе бесследно, но с точки зрения изменения «скелета» промыслового налога окончилась ничем. Но реформаторы не сдавались. На исходе сентября 1909 г. министр финансов В.Н. Коковцов внёс в Госдуму очередной проект. «Оставляя без изменения в основных чертах существующее обложение прибылей предприятий раскладочным и окладным сбором, проектируется эти прибыли сделать единственным основанием обложения, отказавшись от параллельного взимания с этих же предприятий налога по внешним признакам»³ – так сами реформаторы резюмировали суть своего проекта.

Для самых мелких предприятий (вроде разносной, развозной торговли, прибыль которых трудно учесть) патент должен был сохраниться, но в качестве единственной составляющей промыслового налога. Зато для торговых предприятий первых трех разрядов и промышленных – первых четырех разрядов предполагалось патент ликвидировать, одновременно превратив сбор «с излишка прибыли» в сбор с прибыли вообще и повысив его до 6 %. Кроме процентного сбора, они должны были бы по-прежнему платить и раскладочный сбор примерно в 2 % прибыли. С точки зрения техники взимания налога обособление раскладочного сбора при подобной реформе едва ли имело смысл: проще и логичнее было бы его отменить, взамен увеличив на те же 2 % процентный сбор. Но, по-видимому, раскладку предполагалось сохранить, чтобы свести к минимуму число изменений, могущих вызвать раздражение противников реформы.

Проект встретил традиционное сопротивление влиятельных промышленников. Две трети опрошенных биржевых комитетов и других представительских организаций высказались против реформы, жалуясь на тяжесть налогов: «В

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56 Л. 12 об.

² ПСЗ-3. Т. XXVI. Отделение 1-е. № 27178. С. 2–4.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56 Л. 20.

результате этой реформы должно произойти значительное перераспределение налогового бремени между отдельными предприятиями, а это означало бы существенную перемену в сложившихся уже жизненных условиях торговли и промышленности. Такая перемена, мало желательная вообще, особенно опасна в настоящий момент, когда торговля и промышленность переобременены промысловым налогом... Реформировать существующее обложение в смысле достижения большей уравнительности следует тогда, когда вместе с тем можно будет поставить вопрос и об уменьшении налогового бремени»¹. Закон вновь увяз в согласованиях. До начала мировой войны борьба за новый промысловый налог так и не достигла логического конца.

Война стала мощным катализатором налоговых перемен. Дефицит бюджета, появившийся во 2-й половине 1914 г., побудил поднять ставки налогов промыслового (в частности, раскладочного сбора – с 5 до 7,5 %) ², квартирного, с городской недвижимости, кибиточной подати. Сократился список льготников (промысловый налог стали платить кинотеатры, издательства, мелкие суда на внутренних водах). Вся страна оживлённо обсуждала необходимые налоговые реформы. С ноября 1915 г. издатель московской газеты «Коммерсант», стремясь уловить веяние времени, начал выпуск бесплатного приложения «Вопросы податного обложения». Вводились новые налоги, иной раз довольно громкие. Для не служащих в армии потенциальных призывников появился военный налог. Для предпринимателей – помня правило «кому война, а кому мать родна» – установили налог с военной сверхприбыли. Летом революционного 1917 года появилось даже нечто вроде узаконенной контрибуции – единовременный налог на сверхприбыли. Всё это были меры исключительно важные политически – но чрезвычайные, временные, и потому второстепенные с точки зрения создания долгоиграющей системы.

На этом фоне часто остаётся незамеченной реформа промыслового налога, состоявшаяся уже на излёте срока, отпущенного Временному правительству судьбой и большевиками. Эта реформа действительно стоит особняком в истории налоговых реформ 1917 года.

Стержень налоговой политики Временного правительства – проблема повышения налогов с богатой части общества.³ Мысль о дополнительном обложении предпринимателей ещё в начале апреля 1917 г. высказал А.И. Коновалов – крупный фабрикант и одновременно – министр торговли и

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56. Л. 22 об. (Представление проекта Положения о государственном промысловом налоге, внесённое Министерством финансов в Госдуму 28 сентября 1909 г.).

² О временном полуторном повышении всех разновидностей дополнительного промыслового налога в 1914 г. см. циркуляр Департамента окладных сборов казенным палатам, 29.X.1914 (ГАТ. Ф. 152. Оп. 18. Д. 28. Л. 207–208 об.).

³ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 313–338.

промышленности. При этом руководители ведомства учитывали как финансовую выгоду такой меры (пополнение бюджета), так и политическую (шаг навстречу требованиям рабочих и солдат). При очередном политическом обострении от споров, наконец, перешли к делу. 12 июня были изданы три закона: о повышении ставок подоходного налога (рассчитанного на богатых) и временного (военного) налога на прирост торгово-промышленных прибылей, о единовременном налоге на сверхприбыли. В последующие месяцы, как показал П.В. Волобуев, новые законы подвергались нападкам с двух сторон: революционеров не устраивал недостаточный радикализм, предпринимателей – чрезмерная тяжесть.

Закончилось дело изданием закона 13 октября 1917 г. (ст. 2051 по Собранию узаконений и распоряжений правительства) с некоторыми поблажками в пользу плательщиков новых налогов. Вместе с этим правительство, уже не очень считаясь с мнением левых, стало увеличивать косвенное обложение. Таким образом, налоговая политика Временного правительства на протяжении его существования была неодинаковой. Сначала на нее влияли уравнилельно-перераспределительные настроения, в конце же концов она приобрела традиционно-прагматический оттенок.

Октябрь 1917-го: эволюция без революций

Подвергнув критике «капитулянтский» закон 13 октября, П.В. Волобуев не упомянул помещенный рядом (ст. 2052) закон, принятый в тот же день и тоже посвященный налогам, – «Об отмене дополнительного промыслового, в виде раскладочного сбора, налога с необязанных публичною отчетностью предприятий и некоторых личных промысловых занятий и об изменении размера и порядка взимания с сих предприятий и занятий процентного сбора с прибыли» (таково его полное название)¹.

Указание об «изменении размера и порядка взимания» еще потребует дополнительных пояснений, но из названия, кроме того, явно следует отмена дополнительного раскладочного сбора. И это совершенно неожиданно, ведь ещё в конце июля 1917 г. официальный еженедельник Минфина по-прежнему критиковал патент, ничего плохого не говоря о раскладочном сборе.

Тогда в «Вестнике финансов» появилась статья Е. Полюты «К реформе промыслового обложения». Неизвестно, был ли ее автор в это время сотрудником ведомства, но и предшествовавшие налоговые реформы, как правило, сопровождались подробными статьями в «Вестнике финансов», объясняющими необходимость реформы и излагающими ее суть. Все внимание Е. Полюта сосредоточил на основном промысловом налоге. «Общеизвестно, что патентный сбор создает регрессию в промысловом обложении», – заявлял он и переходил к критике разбивки предприятий на разряды по внешним признакам. Автора заботило не только чрезмерное обложение мелких торговцев, но и недостаточное обложение крупных

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 278. Ст. 2052.

предприятий. По подсчету Е. Полюты, предельная ставка обложения даже крупных неотчетных предприятий не дотягивала до 11 %. В то же время крупные отчетные предприятия должны платить в казну 23 % прибыли. «Отменяя патентный сбор, вводя прожиточный минимум и прогрессию, наша казна облегчит существование всей армии мелких сельских торговцев и найдет новый крупный источник дохода в повышенных ставках для крупных неотчетных предприятий», – резюмировал свои предложения автор статьи¹. Общий ее смысл вполне отвечал традиционной линии на уничтожение патента, которую уже несколько десятилетий последовательно проводило министерство.

Однако реформа 13 октября 1917 г. оказалась иной: был отменен не патент, а раскладочный сбор. В том, что патент сохранился, ничего удивительного нет: Министерству финансов не впервой было уступать эту позицию. Но для чего уничтожать более передовой по сравнению с патентом раскладочный сбор, появление которого стало в 1885 г. крупной реформой? Отмена раскладочного сбора – это движение вперед или вспять?

Вопрос проясняется, если сопоставить раскладочный сбор не с патентом, а с процентным сбором «с излишка прибыли». Оба сбора исчислялись в виде доли от прибыли, но первый платили всех предприятия определенного разряда, независимо от того, какую долю забирает у них патент. В то же время сбор «с излишка прибыли» платили лишь те, для кого патент не обременителен. Наличие двух сборов, взимаемых с одной и той же базы (прибыль, определяемая раскладочным присутствием с опорой на «нормальный процент прибыльности» по отраслям) выглядит ненужной сложностью. Устранение раскладочного сбора делало дополнительный промысловый налог, во-первых, более простым (вместо двух процентных сборов – один). Во-вторых – более равномерным: платежи переобложенных предприятий сокращались за счёт раскладочного сбора. Хотя сохранение патента как такового, конечно, не позволяло вовсе ликвидировать давнюю «неуравнительность».

Единственное возражение, которое могло возникнуть против такой реформы, – потери бюджета, лишавшегося раскладочного сбора. Но доходы бюджета были возмещены повышением ставки процентного сбора «с излишка прибыли». Теперь он был установлен на уровне 7% в качестве постоянной меры, а временно, на 1918 г., – в повышенном размере: 9,5%, то есть, по сравнению с 7,5% 1914 года, больше как раз на 2%, потерянные из-за отмены раскладочного сбора. Это и есть то самое «изменение размера» налога, которое упоминается в заглавии закона 13 октября 1917 года.

Итак, в итоге реформы дополнительный промысловый налог с неотчетных предприятий стал более простым, что всегда полезно, и более уравнительным, что соответствовало духу всей борьбы Министерства финансов за изменение

---

¹ Полюта Ев. К реформе промыслового обложения. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 30. С. 92–96.

промышленного налога. Предложения ведомства, однако, были воплощены не полностью: не удалось ни повысить обложение крупных неотчетных предприятий, ни отменить патент.

Присутствия: податные вместо раскладочных

Но эти введенные в октябре 1917 г. изменения не ограничились. Другим становился и «порядок взимания» процентного сбора с неотчетных предприятий. С 1885 г., как говорилось выше, этот порядок опирался на работу раскладочных присутствий под присмотром казённых палат. С изданием закона 13 октября изменилась, казалось бы, мелочь – название (поскольку раскладочный сбор исчез, присутствия стали называться не раскладочными, а участковыми). Но существенно то, что присутствия стали более самостоятельными. Это не явно следует из самого закона, где новизна растворена в изложении всего порядка работы присутствий, включающего немало привычных явлений. Но эту новизну отметили практики податного дела.

6 апреля 1918 г. Наркомат финансов РСФСР издал циркуляр № 1160 «По поводу отмены промышленного раскладочного сбора». Циркуляр подписали помощник наркома Александр Ефремович Аксельрод (из новых, большевистских руководителей) и директор Департамента окладных сборов Г. Курило (занимавший эту должность с марта 1917 г.). Как видно из работы Е.Н. Соколова¹, то было время, когда только что возглавивший наркомат И.Э. Гуковский пытался вернуть страну от чрезвычайщины контрибуций к регулярным налогам. Излагая новшества, внесенные законом 13 октября 1917 г., авторы циркуляра подчеркнули, что изменения в компетенции раскладочных присутствий «представляются весьма существенными, налагая, между прочим, на участковые... по промышленному налогу присутствия в высокой степени ответственные обязанности»².

Раньше низовые присутствия производили лишь подготовительную работу по определению окладов налога для каждого плательщика, а решение принимало общее присутствие казённой палаты, которое выполняло таким образом роль первой инстанции. На практике это едва ли использовалось. В подавляющем большинстве случаев казённая палата одобряла предложенные цифры, но при наличии убедительных обстоятельств в отдельных, самых важных, случаях могло и потребовать пересмотра.

Теперь участковые присутствия сами стали первой инстанцией: получили право устанавливать оклады промышленного налога и изменять их по возражениям плательщиков. Значение же второй инстанции (рассматривающей жалобы плательщиков, а равно и недовольных мнением большинства председателей участковых присутствий) сохранилось за

---

¹ Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.). Рязань. 2008.

² РГИА. Ф. 573. Оп. 33. Д. 83. Л. 2 об.

губернскими (областными) присутствиями. За казенными палатами осталось только «установление... групп торговых и промышленных предприятий и личных занятий и утверждение процентов средней прибыльности, определенных для каждой группы участковыми... присутствиями»¹.

Итак, вся подготовительная работа по участку осталась по-прежнему за участковыми присутствиями, но теперь часть решений они получили право утверждать без рассмотрения в казенной палате. За палатой законодатель оставил лишь то, что может потребовать сравнения данных разных уездов. Ясно, что этим отдельное присутствие (работающее в рамках уезда) заниматься не могло. Чиновники же в палате имели перечни «нормальной прибыльности» по всем уездам губернии, могли их сопоставить и увидеть несоответствия между процентами прибыльности одной отрасли в соседних уездах, а затем заставить участковое присутствие внести исправления в свои ставки. Но что касается дел внутриуездных (размер оборота каждого отдельно взятого предприятия) – это отдавалось на усмотрение местного общества в лице участкового присутствия. Речь, таким образом, шла не об удлинении цепи органов, участвовавших во взимании промыслового налога, а о передаче части полномочий от чиновников – к выборным представителям.

Обновлённые присутствия и интересы казны

Оценить значимость этой перемены позволяют два циркуляра, изданные по разные стороны фронтов гражданской войны. Советский Наркомфин незадолго до завершения первой пореформенной кампании по взысканию налога, 31 августа 1918 г., посвятил свой документ работе участковых присутствий². В нем говорится, что несмотря на изменения, внесенные законом 13 октября 1917 г., деятельность участковых присутствий «ни в коем случае не может впредь считаться свободной» от законодательно закрепленного наблюдения казенных палат. «Первый опыт выполнения участковыми и особыми присутствиями... новых довольно сложных обязанностей, особенно в исключительных условиях текущего года, требует тщательного надзора и проверки», поэтому необходимо не позже 1 ноября передать все делопроизводство присутствий в казенные палаты для выявления возможных ошибок и «преподания нужных директив».

Неизвестно, какой результат дало рассмотрение участковых материалов советскими казёнными палатами, но известно, что сходные проблемы возникли и перед омским правительством А.В. Колчака при изучении итогов первого года действия реформы. На это указывает февральский 1919 г. циркуляр Главного управления налогов и сборов «о последствиях, которые должно влечь за собою обнаружение ревизионным путем случаев явно неправильного и нарушающего интересы казны» в работе участковых

---

¹ Там же, л. 3.

² Циркуляр № 3422, 31.VIII.1918 (РГИА. Ф. 573. Оп. 33. Д. 83. Л. 33–33 об.).

присутствий¹. Ни в самом законе 13 октября 1917 г., ни в советском циркуляре от 6 апреля 1918 г. колчаковские налоговики не нашли подсказки, как поступать с нарушителями. «Между тем в первый же год действия этого закона уже успели обнаружиться случаи неудовлетворительного выполнения некоторыми участковыми присутствиями возложенной на их ответственной задачи».

Примеров «не отвечающего требованиям закона производства раскладок» в циркуляре нет, но, зная круг полномочий участковых присутствий, нетрудно догадаться, что речь идет о занижении предпринимательских прибылей. Самое простое для этого средство – утверждение присутствием заявленного предпринимателем оборота, вопреки наличию сведений о том, что цифра занижена. Даже если тот или иной предприниматель не являлся членом присутствия, представителям плательщиков могло быть выгодно понизить его доходы. В работе присутствий часто применялось суждение по аналогии, поэтому оценка дохода каждого предпринимателя затрагивала интересы всех плательщиков участка. В прежние времена казённая палата исправляла бы «неправильные» раскладки своей волей; теперь она этого полномочия лишилась.

В поисках решения омские чиновники выстроили целую логическую цепочку: известно, что следующей (над участковым присутствием) инстанцией является губернское присутствие, в состав которого обязательно входит управляющий казённой палатой, который по закону обязан наблюдать за деятельностью участковых присутствий. Но одно лишь наблюдение, «без вытекающего из него права принимать меры», «являлось бы лишённым значения». Эти рассуждения заключались министерской резолюцией: предоставить губернским присутствиям право отменять, по представлениям управляющих казёнными палатами, те производства участковых присутствий, в которых «ревизионным или иным путем будут обнаружены явные и притом существенные нарушения законного порядка исчисления дополнительного промыслового налога, клонящиеся к причинению ущерба интересам казны». Туманное выражение насчет «иного пути» разъясняется далее: речь идет об «истребовании» делопроизводства из участка в казённую палату (точно так же, как в советском циркуляре полугодовой давности).

Возникает вопрос, зачем потребовалось издавать специальный циркуляр, если и без этого губернские присутствия имели право пересматривать решения участковых, а председатели участковых присутствий (податные инспектора, прямо подчиненные казенной палате) и без того имели право требовать такого пересмотра. Напрашивается объяснение: податные инспектора не оспаривают тех решений, которые председатель казенной палаты считает ущербными для казны. Таким образом, циркуляр от 26 февраля 1919 г. показывает, что представители фиска не всегда были едины в отношении к попыткам налогоплательщиков облегчить бремя

---

¹ Циркуляр № 406, 26.II.1919 (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 5–6 об.)

промыслового налога. «Столичные» сотрудники казенной палаты иной раз признавали неприемлемыми те решения участковых присутствий, которыми удовлетворялись местные чиновники (податные инспектора). Все это указывает на важность «изменения порядка взимания» дополнительного промыслового налога по закону 13 октября 1917 г.

Царские проекты и революционное творчество

В отличие от финансовой части этой же реформы (ликвидация раскладочного сбора), усиление роли раскладочных присутствий лишь в малой степени опиралось на бывшие реформаторские проекты. В 1906 г. в организации промыслового обложения планировались «лишь незначительные изменения» (допуск в участковые присутствия представителей земства и городского самоуправления)¹. Сентябрьский проект 1909 г., кроме того, намечал и более важную перемену соотношения представителей власти и общества. По старому закону, в участковых присутствиях преобладали плательщики, а начиная с губернского уровня численный перевес имели чиновники. Теперь же предлагалось на всех уровнях представительство казны и плательщиков сделать равным², однако ничего не говорилось о расширении полномочий участковых присутствий.

Нечто новое можно почерпнуть из брошюры «Проект положения о государственном промысловом налоге», изданной в 1914 г. Советом съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. В отличие от министерских представлений в Государственную думу, здесь отсутствует объяснительная записка, новшества не выделены явно. Но содержание статей показывает, что предложение об уравнивании представителей власти и общества ограничено лишь высшими уровнями власти; в участковых же присутствиях сохранилось преобладание плательщиков³. Таким образом, исходное предложение сохранилось в этом проекте лишь в части, выгодной для предпринимателей.

Еще одно новшество проекта 1914 г.: участковое присутствие само определяет оборот и прибыль предприятия, рассылает окладные листы, рассматривает возражения на раскладку, казенная же палата лишь утверждает нормальный процент прибыльности и отраслевую разбивку предприятий, не занимаясь проверкой⁴, – в согласии с будущим законом 13 октября 1917 г.

---

¹ Об этом можно судить по записке «Главные основания проекта изменений Положения о государственном промысловом налоге» (Б.м. Б.г.) (Российская национальная библиотека, 134/202). Записку можно приблизительно датировать второй половиной 1906 – первой половиной 1907 г. (в ней упоминается об итогах раскладки дополнительного промыслового налога за 1906 г. и о сумме раскладочного сбора, назначенной на 1907 год.

² РГИА. ф. 573. Оп. 34. Д. 56. Л. 46 об.

³ Проект положения о государственном промысловом налоге. СПб., 1914. Ст. 7, 21, 24, 27.

⁴ Там же, ст. 143, 160, 165, 167; 40, 44, 45; 117–119. См. также ст. 138–142 Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. (ПСЗ–З. Т. XVIII. Отделение 1-е. № 15601).

С другой стороны, решения участкового присутствия, согласно предпринимательскому проекту 1914 г., полагалось обжаловать не в губернское присутствие (как в законе 13 октября 1917 г.), а в казенную палату¹. Хотя это еще не означало права председателя казенной палаты обжаловать участковые раскладки по собственной инициативе (что смутило омских налоговиков в 1919 г.), это все-таки уступка традиционным нормам о полномочиях казенной палаты. В том, что касается усиления роли участковых присутствий, закон 1917 г. пошел дальше дореволюционных проектов.

Реформа 13 октября 1917 г. показывает, что налоговая политика Временного правительства не исчерпывалась чрезвычайными мерами. Подвергалась изменению и регулярная система. Отменив дополнительный раскладочный сбор, новая власть проявила преемственность своей налоговой политики с дореволюционными предложениями Министерства финансов, направленными на усиление роли процентных сборов в ущерб патенту. При всей своей недолговечности Временное правительство успело провести реформу, над которой до этого бились больше десяти лет.

Помимо финансовой стороны дела, в центре внимания реформаторов оказалась и общественная, прежде существенной роли в реформаторских замыслах не игравшая. Низовые присутствия по промысловому налогу получили право определять размер оборота каждого предприятия без учета мнения казённой палаты, что означало повышение роли предпринимательского сообщества в промысловом налоге.

Однако предложения, долго лежавшие под сукном при старой власти, и на сей раз были воплощены не в полной мере: сохранился патент, а с ним и неравномерность промыслового налога, выгодная крупным предпринимателям. Преемственным оказалось не только направление реформы, но и ограниченность (постепенность) перемен.

---

¹ Проект положения о государственном промысловом налоге. СПб, 1914. Ст. 247–248.

Глава 8. Полувековой итог: долгожданный подоходный налог

Подоходный налог – явление свободной России: при царе он не собирался ни разу. Но начиная речь о его введении, мы неизбежно возвращаемся на эпоху назад. Даже на две: минувя время кажущегося успокоения и незаконченных реформ, вновь оказываемся в атмосфере Манифеста 17 октября и скоротечных демократических свобод.

Налог для богатых: мытарства законопроекта

Увлекательнейшая книга – сборник программ политических партий, боровшихся за участие в Государственной Думе в 1906 году. Авторы не просто излагают свои взгляды, но зачастую спорят с противниками (не названными, но легко угадываемыми). Непримиримы позиции по вопросам о государственном устройстве, о правах национальностей, о праве на землю. Но есть две темы, которые объединяют непримиримые партии от социалистов до монархистов: всеобщее начальное образование и подоходный налог.

«Отмена всех казенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства» – писали в своих требованиях социал-демократы, выделяя этот пункт разрядкой, наряду с лозунгом свержения самодержавия. «Реформа прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и поимущественного обложения» – значится у конституционных демократов, держащих знамя либерализма. Русский народнический всесословный союз, партия монархическая, обещал «настаивать на установлении равномерных для всех налогов, сообразных с доходами и средствами каждого, с освобождением бедных и неимущих от всяких налогов». И даже члены «Союза 17 Октября», которым подоходный налог сулил наибольшие потери, ставили себе в программу «развитие прямых налогов, на основе прогрессивного подоходного обложения, с постепенным понижением косвенного обложения предметов первой необходимости»¹. Русское общество начала XX в. созрело для подоходного налога. Министерские реформаторы воспрянули духом и принялись готовить очередное наступление.

Уже в июле 1905 г. Минфин разослал по начальникам казённых палат циркуляр с просьбой прислать замечания по законопроекту, выработанному Комиссией по вопросу о введении подоходного обложения². В те дни, когда в Цусимском проливе решалась судьба Русско-японской войны, в столице комиссия под руководством Н.Н. Кутлера (в это время уже товарища министра финансов) решала судьбу подоходного налога. Как сообщает «между прочим» М.И. Боголепов, комиссия Кутлера обсуждала проект

---

¹ Полный сборник платформ всех русских политических партий. Изд 2-е. [Спб.:] «ННШ», [1906]. С. 15, 64, 119, 102.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 400. Л. 1–1 об.

1892 г.¹ Подоходному налогу придавалось не только значение бюджетной заплатки в условиях острой нехватки денег, но и общественное значение. «Крупные богатства у нас сосредоточены в руках ограниченного сравнительно контингента лиц, и в то же время ни в одной стране Западной Европы эти богатства не дают таких крупных доходов, как у нас». Привлечение «этих наиболее состоятельных классов населения» к прогрессивному налогу, облегчение тем самым бремени неимущих «представлялось бы актом справедливости»². Решив установить для начала умеренные ставки (чтобы налог играл роль лишь дополнения к действующей системе), комиссия, тем не менее, признала, что «лишь при установлении известной прогрессивности подоходный налог может действительно отвечать требованиям уравнительности обложения». Для выведения из-под налога бедняков требовалось установить минимальный порог обложения, именованный в это время немецким словом Existenzminimum – прожиточный минимум; насчёт высоты этого минимума поступали предложения от 600 до 1500 руб. «Золотой серединой» стала сумма в 1000 руб. – столько же, сколько предлагалось в проекте 1892 г., сходство с которым неоднократно подчёркивается в журнале комиссии³.

Надо полагать, что запрошенные мнения были получены, и в начале 1906 г. министр финансов И.П. Шипов представил план финансовых реформ, который был одобрен руководимым С.Ю. Витте Советом Министров и доложен царю 14 марта 1906 г. Последовавшее через месяц второе, и на сей раз окончательное, падение Витте затормозило ход дела. И.Л. Горемыкин, составив новый кабинет, на исходе мая 1906 г. вновь поставил в повестку рассмотрение программы налоговых реформ. И хотя новый министр финансов В.Н. Коковцов представил программу, воспринятую Советом как повторение программы Шипова, результат обсуждения был иной: одобрить с условием, «чтобы ввиду сложности и новизны дела вопрос о введении подоходного налога, имеющий составить предмет особого суждения Совета, был на некоторое время отложен»⁴. Упомянутое здесь «особое суждение» Совмина состоялось в июне месяце, после чего законопроект о подоходном налоге пришлось дорабатывать. В то же время, законопроект этот не сходил с повестки дня. Подоходный налог был в числе тех вопросов, которыми сам И.Л. Горемыкин предлагал заняться Госдуме в ответ на её знаменитый адрес 5 мая 1906 г., требовавший перекройки законодательной системы в пользу Думы.

---

¹ Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб, 1907. С. 163.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 400. Л. 29 об.

³ Там же. Л. 27–50 об.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 213. Л. 29–30 [Электронный ресурс в открытом доступе] <http://stolypin.rgia.ru/> Раздел: «Преобразования в области экономики и финансов» [Дата проверки: 20.11.2017 г.]

Подоходный налог значился одной из первоочередных мер и в программной декларации П.А. Столыпина, обнародованной 24 августа 1906 г. Ровно два месяца спустя законопроект вновь рассматривался в заседании Совета министров – то было уже четвёртое министерское обсуждение за полгода¹. Возражения консерваторов (государственный контролёр П.Х. Шванебах) насчёт невозможности построить приемлемую систему взимания налога были отмечены, минимум обложения, поднятый было по требованию горемыкинского Совмина до 1500 руб., возвращён на уровень 1000 руб. Заодно были предусмотрены и меры по дальнейшему реформированию налоговой системы под влиянием подоходного налога. Предусматривалась, прежде всего, отмена квартирного налога, логичная, поскольку он подавался именно как прототип налога подоходного. Эта отмена называлась полезной и с той точки зрения, что городские власти тогда наверняка воспользуются правом ввести квартирный налог в качестве местного сбора² (переключка с неудавшейся реформой 1901 года!).

Через месяц после обсуждения в Совете министров, даже раньше, чем журнал его был утверждён царём, Министерство финансов разослало по казённым палатам уже проект представления закона в Государственную Думу. Таким образом, в ноябре 1906 г. налицо был не только полностью подготовленный проект закона, но подробные справки и разъяснения о ныне действующем законодательстве и причинах, побуждающих его изменить³.

Настаивая на необходимости привлечь к налогу и акционерные общества, и дворян-землевладельцев, и даже членов правящего дома (за исключением царя, его жены и детей, и с выводом из-под обложения роскошных дворцов), составители проекта неоднократно оговариваются о необходимости избежать обложения большинства крестьянства. Из раздела «Прожиточный минимум»: «Если с установлением низкого прожиточного минимума массы малоимущего населения, и в настоящее время уже достаточно обложенного, будут сверх того привлечены к подоходному обложению, то цель подоходного налога как корректива к существующей системе обложения не будет достигнута»⁴.

Отсечение крестьянства из числа плательщиков представлялось настолько очевидным, что начальник отделения Томской казённой палаты Н.М. Лучанинов, представляя в декабре 1906 г. свои соображения по министерскому запросу, ни разу на 28 страницах крестьян не упомянул. Многословно описывая предполагаемые методы расчёта и сбора налога, он обсуждал исключительно темы, связанные с городом, и главным образом уповал на сведения об аренде жилья. Продумывая технические подробности

---

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 213. Л. 148–162 [Электронный ресурс в открытом доступе] <http://stolypin.rgia.ru/> Раздел: «Преобразования в области экономики и финансов» [Дата проверки: 20.11.2017 г.]

² Там же. Л. 159.

³ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 400. Л. 51–159 об.

⁴ Там же. Л. 78 об. –79.

сбора сведений от «домохозяев и квартиросодержателей», автор пишет: «Сведения, доставляемые означенными лицами, должны касаться решительно всех квартирантов, проживающих в данном доме или квартире, причем относительно категории лиц, которые по своему имущественному положению не могут быть признанными подлежащими привлечению к платежу подоходного налога, в рубрике "источник дохода" могут делаться лишь отметки: "живет своим ремеслом", "чернорабочий", "фабричный рабочий" и т.п. отметки, не вызывающие никаких сомнений»¹. Итак, сам статус рабочего или ремесленника в глазах томского чиновника был безусловным свидетельством доходов, не подлежащих подоходному налогу.

В 1907 г. этот проект был внесён в Госдуму. Казалось, лёд тронулся. В июле 1909 г. столичное ведомство, полное радужных ожиданий, начало «ввиду новизны предстоящего дела и сложности конструкции проектируемого налога» «заблаговременно» готовиться к его взиманию. По казённым палатам был разослан внесённый в Думу законопроект и предложение примерно, не проводя никаких специальных опросов будущих плательщиков, оценить их вероятное число. Среди указаний о способах такой оценки мы вновь не найдём крестьян, зато обнаружим «рантьеров», адвокатов, нотариусов, литераторов, архитекторов и тому подобные понятия из мира больших денег². Эти данные действительно были собраны. Обобщив сведения от казённых палат, Минфин выпустил сводные цифры обследования 1909/1910 г. отдельной брошюрой. Всего по стране оказалось 697 тыс. ожидаемых плательщиков налога. Подоходный налог аттестовался как «налог по преимуществу городской», и подчёркивалось, что ожидаемое число его плательщиков примерно соответствует числу плательщиков квартирного налога (650 тыс.)³.

Самый передовой из налогов

Дело, однако, вновь затормозилось. И только с началом «Второй Отечественной», как именовалась Первая мировая война в современной ей пропаганде, подоходный налог был вновь поставлен на повестку. Проект был в очередной раз доработан, и уже в первой половине 1915 г. пресса не сомневалась в его скором принятии. После открытия в июле 1915 г. очередной сессии Госдумы министр финансов П.Л. Барк «энергично настаивал» на срочном обсуждении подоходного законопроекта, и добился того, что в августе он всё-таки был одобрен. В своих воспоминаниях Барк пеняет Думе на то, что подоходным налогом она занималась «крайне неохотно» и так тянула с этим делом, что уже утверждённый законопроект не был своевременно передан в Госсовет, и окончательное принятие закона

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 400. Л. 19–19 об.

² ЦГАРК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 52. Л. 87–88 об.

³ Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году. Спб, 1910. С. II–IV.

отодвинулось на следующий год¹. Томительное ожидание завершилось 6 апреля 1916 г., когда Положение о подоходном налоге было подписано императором².

Подоходный налог образца 1916 года вобрал в себя достижения, уже закреплённые квартирным налогом. Это был налог бессловный, учитывающий лишь доход плательщика. Прогрессивная шкала, если пересчитать твёрдые рублёвые ставки в проценты, простиралась от 7 % до 12,5 %³. Шаг вперёд по сравнению с квартирным налогом: подоходный налог не ограничивался городами из «расписания», а вводился по всей стране. Его платежу подлежали все состоятельные граждане, кроме императорской семьи.

Кроме физических лиц, налог должны были платить и акционерные общества. Ясно, что эта нелогичная черта – следствие невозможности должным образом изменить промысловый налог и, таким образом, штрих не столько к истории подоходного обложения, сколько промыслового.

Сохранились и некоторые другие пережитки долгой борьбы за введение подоходного принципа: квартирный и личный промысловый налоги. Отменить их было бы логично, но они были связаны с избирательными правами. «Не желая затрагивать последних», комиссия Госдумы предложила вместо отмены этих налогов зачитывать их в счёт подоходного⁴. Это предложение и было принято.

Одним из предметов обсуждения при проведении законопроекта через IV Госдуму вновь стал нижний порог обложения. Внося проект, министр финансов Барк предложил понизить порог до 700 руб. Доводы его, по объяснению Финансовой комиссии Госдумы, «сводятся главным образом к указанию на то обстоятельство, что с отменой казенной продажи питей, являвшейся крупнейшим косвенным налогом, всею тяжестью ложившимся на малоимущие классы населения, положение дела существенно изменилось в благоприятном для этих классов смысле»⁵. Речь, таким образом, напрямую шла о том, чтобы подоходный налог перестал быть налогом на богатых. Финансовая комиссия с этим решительно не согласилась, однако в итоге было принято промежуточное решение: установить порог на уровне 850 руб. Только одним из законов 1 июля 1917 г., когда политические обстоятельства вновь сделают насущной тему «богатые должны платить больше», минимум будет возвращён на уровень 1000 руб. Подоходный налог обретёт таким

---

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 гг.: в 2 т. Т. 1. / вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова. М.: Кучково поле, 2017. С. 296.

² Сорин Н.В. Закон о подоходном налоге. (Выс. утв. 6 апр. 1916 г. Собр. узак. 1916 г., № 106, ст. 838). Текст закона с комментарием. Пг., 1916.

³ Низшая ступень: с дохода от 850 до 900 руб. платится 6 руб.; высшая: для дохода свыше 400 тыс. руб. платится 48 тыс. руб. + 1250 руб. за каждые полные 10 тыс. руб.

⁴ О подоходном налоге (обсуждение в Государственной Думе) // Омский вестник, 1915, № 171. – 13 (26) августа. С. 2.

⁵ Сорин Н.В. Закон о подоходном налоге. С. 36.

образом довоенный облик – правда, без учёта того, что цена тысячи рублей за военно-революционные годы существенно изменилась.

Двадцать лет спустя, оглядываясь на год 1916-й, П.Л. Барк будет торжествовать замену «пьяного бюджета» – «трезвым бюджетом» и называть подоходный налог краеугольным камнем обновлённой налоговой системы. «Прочный фундамент для благоустроенных финансов был заложен взамен гнилых пьяных подпорок, были созданы прочные устои равномерного, справедливого подоходного обложения»¹.

Презумпция невиновности для налогоплательщика

Как бы то ни было, сухим остатком реформы 1916 г. можно считать появление в России подоходного налога, нацеленного прежде всего на богатых горожан. Вот почему особую роль приобрёл вопрос о методах проверки налоговых заявлений плательщиков. Остроумное решение этой задачи ещё в обсуждении 1905 года выдвигал проф. И.Х. Озеров. Он предлагал делать подаваемые декларации публичными – чтобы плательщики сами могли проверять друг друга. Однако это предложение было под благовидным предлогом отклонено².

Закон 6 апреля 1916 г. в общем повторил давно испробованный метод податных присутствий. Но присутствия по подоходному налогу коренным образом отличались от известных прежде. Один из чиновников омского правительства, несколько позже объясняя особенность присутствий по подоходному налогу в сравнении с хорошо известными присутствиями по налогу промысловому, выразился так: «Разница заключается в том, что в промысловых присутствиях значительно преобладает функция фискального органа [то есть, определение доходов плательщиков. – А.К.], а в подоходных присутствиях – функция общественного контроля» (над действиями податного надзора)³.

В основе работы присутствия по подоходному налогу лежала презумпция невиновности плательщика. Если в правдивости заявления плательщика появлялось сомнение у членов присутствия по налогу промысловому, квартирному или с городской недвижимости, то доказывать правоту предлагалось плательщику. Говоря точнее, присутствие вообще не высказывало сомнений, а просто исправляло заявленную цифру по своему разумению, никак это не объясняя. Плательщику давалась лишь возможность обжаловать это исправление, представив юридически бесспорные доказательства своей истинной прибыли (истинной цены квартиры, и т.д.). Даже небогатые архивы сибирского податного надзора сохранили немало жалоб торговцев и прочих городских обывателей, пытающихся доказать

---

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. Т. 1. С. 296.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 1. Д. 400. Л. 46 об. – 47.

³ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 7. Д. 14. Л. 146.

несправедливость предъявленной им суммы. В подавляющем большинстве случаев эти претензии отвергались как «голословные».

Присутствие же по подоходному налогу, напротив, обязано было доказать плательщику, что его данные вызывают сомнение. Увеличение заявленной плательщиком суммы дохода без предварительного запроса от него дополнительных доказательств не допускалось. Если же такой запрос делался, то члены податного присутствия должны были «точно указать, какие именно показания они считают сомнительными, по каким основаниям, и что именно должно быть объяснено или подтверждено плательщиком» (ст. 103). Один из практиков податного дела с огорчением констатировал летом 1917 г., что под «основаниями» здесь имелись в виду не просто умозаключения и не туманные «сведения членов присутствия» (что являлось достаточным обоснованием для решения по промысловому налогу). Имелись в виду документы, которые при необходимости можно было бы предъявить в суд. При этом финансовые документы плательщика, конечно, составляли его личную тайну¹. Всё это в совокупности очень ограничивало податных чиновников, делало общение с плательщиками совершенно непривычным.

Правда, в сентябре 1917 г. Департамент окладных сборов распространил «разъяснение» в пользу податных инспекторов, предложив утончённую трактовку слова «сомнение». «На Участковое Присутствие не возлагается обязанности доказывать неверности деклараций, оно имеет право заявлять сомнения на основании тех или иных данных или соображений. Плательщик же обязан эти сомнения устранить, чем и будет доказываться верность его показаний». В случае же, если сомнения не устранены, присутствие «не ограничено в своём праве» пользоваться не только «конкретными данными» в его распоряжении, но даже «оценочными нормами»². Оценочные нормы – это, например, установление единой для каждой отрасли нормы прибыльности, что вызывало такие нарекания к промысловому налогу. Допущение, хотя бы с оговорками, изгнанных было из подоходного налога оценочных норм – это серьёзная заявка на ограничение неприкосновенности плательщиков. Сентябрьский циркуляр не закрыл эту тему. Обсуждение того, как должны соотноситься права плательщиков и податного надзора, продолжалось и в 1918, и в 1919 гг.³

Фискальный интерес против страховых секретов: кто – кого

Лингвистически-юридические изыски Департамента окладных сборов – это творческое применение уже принятого закона. Но ещё на этапе его разработки требовалось разрешение другого вопроса: где инспектору брать юридически значимые доказательства для выведения плательщиков на чистую воду. Ясно, что при такой юридической защищённости плательщиков,

---

¹ К.П. Доказательство декларации плательщиков // Вопросы податного обложения. 1917. № 15–16, 1917 г. Столбец 20–24.

² ЦГАРК. Ф. 562. Оп. 1. Д. 56. Л. 131–132.

³ ЦГАРК. Ф. 342. Оп. 1. Д. 793. Л. 18–23 об.; Ф. 562. Оп. 1. Д. 56. Л. 152–158.

какая закладывалась законом, этот вопрос становился ключевым. Его решение к 1916 году имело уже свою историю. Первые следы борьбы за сведения о финансовых данных плательщиков обнаруживаются в начале первой половине 1890-х годов – как раз тогда, когда появился квартирный налог, исчислявшийся в зависимости от цены занимаемого жилья.

Пореформенная Россия – время прорыва в борьбе с пожарами и их последствиями. И если массовое появление пожарных дружин не исключило полностью катастрофических общегородских пожаров (хотя и сделало их менее частыми), то массовое появление страховых обществ (и взаимных, и акционерных) и даже страховых союзов создало верное средство получения денег для восстановления уничтоженного. Платёж страховому обществу стал такой же неотъемлемой частью бюджета горожанина, как покупка дров для отопления. Благодаря этому страховые общества располагали если не полными данными по городской недвижимости, то близкими к тому. И понятно, что при заключении договора в страховом обществе занижение цены дома интересам налогоплательщиков противоречило. Данные, значит, были не только полными, но и достоверными.

Логично, что податные инспектора стали требовать у страховых обществ сведений о страховых оценках недвижимостей. Наталкиваясь на отказы, они жаловались в казённые палаты, но и это не всегда помогало. Министерство финансов тогда прибегло к помощи силовых органов, и в марте 1893 г. министр внутренних дел сообщил, что «им сделано распоряжение о доставлении агентами акционерных обществ органам Министерства финансов имеющихся данных об оценках застрахованных недвижимых имуществ». Сообщая об этом на места, Минфин уточнял, что запрашивать можно лишь «обозначение имущества и его владельца и сумму его страховой оценки», не требуя данных о сумме страховых платежей и не обременяя страховщиков «составлением сложных по сему предмету ведомостей – чему были в практике Податных Инспекторов примеры»¹.

Но и «простое» составление списков домовладений с именами и ценами не устраивало страховщиков. Споры продолжались. В начале февраля 1895 г., обращаясь к директору департамента окладных сборов И.Д. Слободчикову, руководство «Санкт-Петербургского общества страхований от огня имуществ» указывало, что составление «списков страхований Общества для целого района» (чего требует податная инспекция) неприемлемо, так как «такие списки, попав в руки агентов конкурирующих с нами других страховых Обществ, являлись бы несовместимыми с интересами С.-Петербургского Общества». Вместо этого страховщики изъявляли готовность выдавать сведения на запросы «по каждому отдельному случаю»². Формулировка оставляет некоторый простор для трактовок. Но в общем видно стремление ограничить

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 15544. Л. 8.

² Там же. Л. 6–6 об.

участие страховых обществ выдачей отдельных цифр в виде исключения, с тем чтобы основную базу данных инспектора составляли иными способами.

Министерство, вроде бы удовлетворяя пожелания страховщиков, в дополнительном «разъяснении» казённым палатам всё же использовало другую формулу: «Податные Инспектора должны препровождать к агентам списки или ведомости недвижимых имуществ, относительно которых требуются сведения, обязанность же агентов должна ограничиваться проставлением одних страховых оценок в подлежащей графе списков»¹. В отличие от пожеланий страховщиков, эта формула подразумевает не штучную работу по отдельным спорным случаям, а массовое предоставление сведений, которые станут основным материалом для определения облагаемой базы.

Одновременно Минфин вёл сложные переговоры с МВД, в составе которого действовал особый Страховой комитет. 20 февраля 1895 г. за подписью С.Ю. Вите было отправлено отношение в МВД, связанное с ходатайством в Министерство финансов со стороны оценочной комиссии Херсонского губернского земства. Передавая дело на усмотрение своего коллеги, министр финансов высказывал и собственное мнение. Подыгрывая полицейским устремлениям МВД, он не соглашался с необходимостью для земцев получать от страховых обществ сплошные сведения – пусть или у податных инспекторов берут, или запрашивают выборочно. Попутно и о правах податных инспекторов автор отношения высказывался, как будто, в ограничительном смысле: мол, сплошную выборку они требовать не имеют права. Но на самом деле предлагал установить порядок отношений, выходящий за рамки циркуляра 1893 года. «Было бы вполне достаточно сообщение страховыми обществами и их агентами Податным Инспекторам, по требованию последних, точных и полных списков застрахованных в обществах недвижимых имуществ, с указанием их местонахождения и имени владельца. Зная, в каком именно обществе имущество застраховано, Инспекторы могли бы безо всяких затруднений и без какого-либо обременения страховых обществ требовать по всем имуществам, по коим страховые данные им нужны, надлежащие сведения»².

То есть, финансовая тайна вроде бы соблюдалась – сведения о цене имущества предлагалось передавать только по запросу. И всё же от страховщиков требовались полные списки застрахованных имуществ – как раз то, от чего они открещивались.

«Высказанные выше соображения, о коих я предполагаю поставить в известность оценочные комиссии, было бы, по моему мнению, нежелательным сообщать страховым обществам, дабы не давать последним повода входить в оценку существа требований Комиссий или податных

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 15544. Л. 5.

² Там же. Л. 10–10 об.

Инспекторов о доставлении необходимых им сведений»¹ – оговаривался С.Ю. Витте в заключение. Похоже, что случаи утечки из МВД сведений о межведомственных переговорах уже были. Полицейское руководство в данном случае играло на стороне тех, кто ограничивал возможности привлечения столичных обывателей (а заодно и провинциальных горожан) к налогам.

Не удивительно, что «тонкое предложение» министра финансов было опознано Страховым комитетом как враждебный выпад и отклонено со ссылкой на трудоёмкость этой работы и на священность финансовой тайны. Правда, Минфин в очередном отношении опроверг доводы полицейских и привёл новые собственные: в отсутствие списков страхований инспектора «вынуждены вести обширную предварительную переписку с многочисленными страховыми обществами, с единственной целью установить, застраховано ли и в каком именно обществе известное имущество»². Но ни И.Н. Дурново, руководивший МВД до октября 1895 г., ни его преемник И.Л. Горемыкин не стали продолжать препирательство. «Понуждение было послано 2 марта 1896 г. за № 2049. Ответа до сих пор нет» – гласит помета сотрудника Минфина на последнем из документов этого дела, закрытого в августе 1899 г.

Даже в эпоху могущественного С.Ю. Витте Минфину не удалось добиться от МВД поддержки своих претензий на раскрытие частными фирмами секретов своих клиентов. С появлением подоходного налога борьба развернулась вновь. Теперь податную инспекцию интересовали не только страховые общества, но и банки – и не только они.

Закон, что дышло: тайна банковских вкладов

Статья 100 Положения 6 апреля 1916 г. устанавливала, что, помимо государственных учреждений, «кредитные установления и страховые, транспортные, экспедиторские, железнодорожные и пароходные предприятия обязаны бесплатно сообщать требуемые учреждениями по подоходному налогу сведения, могущие служить к выяснению доходов отдельных плательщиков». Сразу закрывалась отговорка насчёт трудоёмкости этой работы: при затруднительности сообщения таких сведений предприятия «обязаны допускать председателя участкового присутствия <...> к обозрению всякого рода актов, книг, документов и прочих имеющихся у них сведений и к извлечению из них необходимых для обложения сведений».

Дополнительными источниками сведений должны были стать данные квартирных хозяев: они обязывались сообщать сведения о своих квартирантах (ст. 77). Шаг вперёд был сделан и по части учёта зарплаты: ст. 79 устанавливала, что правительственные учреждения, и главное – частные предприятия обязывались ежегодно сообщать податному надзору «списки

---

¹ Там же. Л. 10 об.

² РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 15544. Л. 11–12 об.

лиц, получающих от них жалование, пенсии и всякого рода вознаграждение». В инспекторском обиходе это получило название «работодательских карточек»¹. Во избежание сомнений, в законе точно указывалось, что речь идёт и об именах, и о суммах дохода, и о месте жительства. Все эти данные не отменяли необходимости для плательщика подавать «заявления», а лишь служили вспомогательными материалами для проверки инспектором поданных деклараций. Притом заявление неверных сведений могло повлечь большой штраф – до 300 руб. Статьи 79 и 100 повисли над плательщиками дамкловым мечом, побуждающим их к честности при подаче деклараций.

На деле всё оказалось сложнее. Инструкции «разъяснили» смысл закона таким образом, чтобы запросы делались по каждому отдельному плательщику – хотя оговорка законодателя о возможной «затруднительности» выполнения запроса наводит на мысль о противоположном толковании. Это, – сетовал весной 1917 г. один из авторов профильного издания, – фактически выводит доход от денежных капиталов из-под проверки².

Интересен в этом смысле циркуляр Управления государственными сберегательными кассами от 21 февраля 1917 г., «препровождённый для руководства» в казённые палаты из Департамента окладных сборов. Прежде всего, в глаза бросаются слова, призванные, как будто, ограничить аппетиты податной инспекции: «на точном основании ст. 100 Положения», сберегательные кассы обязаны сообщать податному надзору «лишь сведения, могущие служить к выяснению доходов отдельных плательщиков налога, и притом не иначе, как по отдельным требованиям со стороны податных органов»³. Сопоставляя эту цитату с приводившейся выше выдержкой из самой статьи 100, легко видеть, что выделенные автором циркуляра условия как раз являются не точным изложением закона, но его вольной трактовкой в интересах банкиров. Но именно эта трактовка была закреплена в инструкции от 28 ноября 1916 г., так что, действительно, законодательству она соответствовала.

Из этого тезиса, однако, делается не вполне логичный вывод, притом по своей направленности обратный самому тезису: «В соответствии с сим и для устранения среди клиентов сберегательных касс каких-либо опасений за нарушение тайны по принадлежащим им вкладам, Государственные сберегательные кассы должны по возможности стремиться к тому, чтобы необходимые для чинов податного надзора сведения о вкладчиках сберегательных касс сообщались названным чинам самими кассами». Завершался циркуляр указанием на тот случай, если всё же сообщённых

---

¹ Подходный налог. Списки служащих и рабочих (работодательские карточки) // Вопросы податного обложения. 1917. № 2. Столбец 10–12.

² Б.В. Забронированный доход // Вопросы податного обложения. 1917. № 11. Столбец 11–14.

³ ЦГАРК. Ф. 562. Оп. 1. Д. 56. Л. 51–51 об. Подчёркнутое выделено автором циркуляра.

сведений податному инспектору покажется мало: допускать его (как и обязывает закон) к осмотру лицевых счетов («в неприсутственное, однако, время»).

Начав, таким образом, за здравие тайны вкладов, автор циркуляра кончил за упокой. Логичным объяснением этому странному противоречию может быть такое. «Заздравная» часть формулирует общий для всех кредитных учреждений консенсус, в котором Министерство финансов вынуждено было пойти на уступку магнатам финансовой жизни. Но уж в своей собственной епархии (Управление сберкассами – подразделение Минфина) финансовое ведомство установило желанный порядок.

Полезно сопоставить циркуляр Управления сберкассами с очень похожим (и несколько более ранним – 6 февраля) циркуляром Госбанка¹. Используя в целом очень похожие формулы, и точно так же напоминая о необходимости допустить инспектора (если он пожелает) к осмотру документов, руководство Госбанка в чём-то выражается более осторожно. Наиболее удобный порядок выдачи необходимых сведений предлагается установить по соглашению с податным надзором; стремления сообщать все необходимые сведения заблаговременно от самого банка не видно. Это логично: если Сберкассы предназначались для мелких вкладчиков с их рублями и гривенниками, то Госбанк работал с солидными клиентами, которые требовали не менее трепетного отношения, чем в частных банках.

Отголосок той же борьбы виден и в циркуляре Департамента окладных сборов от 29 апреля 1917 г. Директор департамента Г. Курило сообщал подчинённым, что почтово-телеграфные учреждения «как правительственные учреждения» обязаны не только сообщать требуемые для определения подоходного налога сведения, но и «в случае затруднительности сообщения этих сведений», допускать податную инспекцию «к обозрению книг и документов по пересылке ценностей и золота и извлечению из них необходимых сведений»². Документ выдержан в победном тоне, а между тем он всего лишь пересказывает прописанное в законе. Значит, в общении с частными учреждениями соблюдать эту норму удавалось не всегда.

Впрочем, Министерство не сдавалось и смогло с выгодой для своего дела использовать июньское обострение внутривластного положения. Большевики тогда на I Съезде Советов требовали арестовать 50–100 «крупнейших миллионеров», Временное правительство в один день 12 июня приняло сразу три дополнительных налога для богатых, а Департамент окладных сборов устроил особое Совещание с банкирами. Гвоздём программы было участие в переговорах Комитета Съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита. Именно эта разновидность кредитных учреждений сосредоточила сливки тех, кто пользовался услугами банков. Участники Совещания договорились, что банкиры обязаны (!)

---

¹ ЦГАРК. Ф. 562. Оп. 1. Д. 56. Л. 53–54.

² Там же. Л. 58.

сообщить податному надзору «сведения по карточной системе о всех тех лицах, которые получили за минувший 1916 год доход» от вкладов или ценных бумаг в данном банке¹.

Ни государственный закон, ни министерская инструкция о подоходном налоге не положили конец выяснению вопроса о соотношении прав и обязанностей плательщиков и государства. Именно с этим вопросом связано то превращение подоходного налога, которое произошло в ближайшие годы после принятия Положения 6 апреля. Для понимания этого последнего превращения необходимо сначала разобрать, как на самом деле рассчитывались налоги в дореволюционной России, как работали низовые податные органы – и городские присутствия, и крестьянская община.

***

Первая мировая война подвела итог мучительно медленной реформе налоговой системы на протяжении шести десятилетий капиталистической России. Реформа остановилась на пороге всеобщего подоходного налога, так и не перешагнув этот порог. Но усилия нескольких поколений реформаторов не пропали даром. На руинах старой системы, разрушенной окончательно в 1885 г., возникла новая, передовая. Скелет её ещё не окреп, она не могла взять всю нагрузку, лежавшую прежде на косвенных налогах. Но это была современная система, передовая и по общему смыслу (богатый платит больше), и по вытекающим из него технологическим решениям (окладная система, прогрессивность, личная ответственность). Новая система требовала вглядываться в лицо каждому плательщику – и эта задача не могла пока быть решена без участия самих плательщиков. По всей России появились податные присутствия, в которых чиновники и представители общества совместно занимались определением величины налогооблагаемой базы, от которой зависел и размер сборов. При всех существенных различиях между разными видами присутствий, соединение представителей государства и общества должно было гарантировать соблюдение взаимоисключающих интересов и плательщиков, и казны. Так это было в теории. Пора перейти к тому, как это выглядело на практике.

---

¹ ЦГАРК. Ф. 562. Оп. 1. Д. 56. Л. 78–79 об.

Часть 2

**Налоги, власть и общество:
повседневная практика
как основа новой системы**

Глава 9. **Инспектор против выборных: система сдержек и противовесов в податном присутствии**

Система податных присутствий подобна тянитолкаю: две головы смотрят в противоположные стороны. Плательщикам дано численное преимущество: они могут провести своё решение большинством голосов. Преимущество инспектора – государственная должность. Что же в итоге: стали ли присутствия воплощением чиновного произвола, которого опасались критики реформ? Стали ли они орудием обеспечения интересов плательщиков перед лицом фискальных органов?

По всей стране действовали тысячи присутствий по промышленному, квартирному, государственному с городской недвижимостью, а затем и подоходному налогам. Что думали друг о друге их участники – инспектора и плательщики, – мы можем понять лишь в тех случаях, когда их отношения выплёскивались за рамки дозволенного, и высшему начальству приходилось улаживать острое столкновение. Ясно, что такие столкновения должны происходить лишь в исключительных случаях, и в этом смысле они заведомо нетипичны. Тем не менее, они показывают нам и противоборствующие интересы, и используемые сторонами способы их воплощения – и тем позволяют изучать массовые явления.

Правда и право: инспектор за рамками правового поля

Пример столкновения даёт нам взимание в Омске начала XX в. двух сборов, методы расчёта которых очень близки – квартирного налога и реформированного налога с городской недвижимости. Здесь мы имеем дело не только с однократной яркой вспышкой, заставившей вмешаться в это дело даже столичных чиновников, но и с дальнейшим «тлеющим» конфликтом.

Первым годом взимания квартирного налога в Сибири был не 1894 г., как в Европейской России, а 1901 г. Первые несколько лет взимание квартирного налога в Омске не вызывало споров, однако после смены летом 1907 г. податного инспектора произошло столкновение между ним и представителями городского самоуправления. Настойчивость последних привела к тому, что разбирательство дошло до руководства Департамента окладных сборов Министерства финансов, благодаря чему материалы по делу и отложились в его фонде¹.

Прибыв на новое место службы, инспектор М.П. Михайлов, по его словам, обнаружил совершенно небрежное отношение своего предшественника к квартирному налогу. Оценки квартир принимались почти исключительно в соответствии с заявлениями владельцев, стремившихся, конечно, занижить сумму; многие квартиры вообще не были учтены. В результате бурной деятельности нового инспектора список плательщиков налога увеличился в

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 1735.

полтора раза (с 2200 до 3300 человек) за счёт новостроек. Стремясь достичь большей точности оценок и одновременно заменить чрезвычайно трудоёмкий индивидуальный подход к каждому зданию единой для всех шкалой, он разработал свою систему оценки недвижимости в зависимости от рассчитанной им самим цены квадратного метра.

Использование всевозможных средних данных и «нормативных показателей» было для податных инспекторов больше чем возможностью сэкономить силы. Учитывая разнообразие регулярных должностных обязанностей и наличие всевозможных особых поручений от казённой палаты и от Министерства финансов, это был единственный способ справиться с поставленными задачами.

Видимо, менее обычной была строгость, проявленная инспектором Михайловым. Вычисляя точные показатели для своей шкалы, он ставил главной задачей избежать занижения действительной оценки (а уж завышенные цифры всегда можно будет пересмотреть по жалобе владельцев).

Члены квартирного присутствия, избранные городской думой на 1908 г., согласились с системой М.П. Михайлова и традиционно, не вдаваясь в подробности, подписали все оценки, предложенные инспектором. В итоге общий оклад налога повысился с 16 до 29 тыс. руб. Ощувив повышение на собственном кармане, думские деятели при выборах нового состава присутствия на 1909 г. специально просили выборных обратить внимание на «чрезмерное увеличение» квартирного налога и сообщать в думу о ходе заседаний¹.

Таким образом, дума предполагала, что, в отличие от предыдущего года, размер налога для каждого из плательщиков будет рассматриваться отдельно. Однако это не входило в планы инспектора, который на первом же заседании квартирного присутствия, в конце января 1909 г., предложил выборным следующий план работы: он сам по своей старой шкале разрабатывает оценку, которую затем предложит на рассмотрение и утверждение выборных. Последние согласились, подразумевая, что предложенная инспектором оценка будет подвергнута детальному разбору. Михайлов же, по традиции прошлых лет, был уверен, что городские представители подпишут перечень окладов целиком и без разбирательств. Поэтому следующее заседание он назначил на 5 марта, в то время как закон устанавливал 7 марта крайним сроком рассылки извещений о сумме налога плательщикам. На этом заседании ему и пришлось убедиться в решительном намерении выборных обсуждать каждый пункт раскладки.

Чтобы не нарушить требования закона относительно сроков, Михайлову пришлось пуститься на хитрость, имевшую целью отстранить выборных от участия в подписании раскладки. Сделать это на законном основании податной инспектор мог лишь в случае двукратного непосещения выборными заседаний присутствия. Поэтому следующее заседание он назначил на другой

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 1735. Л. 2

день в неудобное для выборных время, так что явился лишь один человек из шести (при необходимых для кворума двух). Очередное заседание было назначено снова на неудобное время, однако трое выборных, учитывая важность момента, всё же решили прийти. Михайлов же для подстраховки за полдня до предполагавшегося времени сбора перенёс его на несколько часов ранее, даже не всех об этом поставив в известность. Он добился своего: на месте в нужное время оказался лишь один выборный, на основании чего инспектор провёл заседание присутствия с участием двух оказавшихся рядом служащих казённой палаты, из которых один даже не являлся (вопреки закону) плательщиком налога.

После указания из Департамента окладных сборов начальнику Омской казённой палаты пришлось самому на месте разбираться в сложившейся обстановке, результатом чего стало разъяснение Михайлову допущенных им нарушений. Во-первых, начальник платы указал, что оценка недвижимостей, согласно Уставу о прямых налогах, действительно должна производиться в каждом случае отдельно. Во-вторых, объяснил, что подписание выборными перечня без разбора, практиковавшееся в предыдущие годы, неверно, и на заседаниях присутствия размер налога для каждого плательщика действительно должен обсуждаться.

Инспектор внял полученным указаниям, в результате чего омская раскладка на 1910 г. была утверждена коллегиально в 17 заседаниях присутствия.

Ясно, что с точки зрения интересов казны, положение до появления в Омске инспектора Михайлова было ненормальным. Если вопрос о завышенности или заниженности оценок ещё можно считать не имеющим решения на наших материалах, то уж полуторакратное занижение числа учтённых зданий городскими представителями не оспаривалось. М.П. Михайлов не выглядит тираном и сумасбродом. Но как только инспектор, в борьбе за наилучшее исполнение должностных обязанностей, чуть-чуть вышел за рамки правового поля (по-видимому, даже при поддержке казённой палаты: иначе дело бы не дошло до столицы), плательщики немедленно заставили его отыграть назад.

Не война, но борьба: под маской взаимной предупредительности

Омские плательщики в 1910 г. выиграли главное. В борьбе за интерес казны инспектору пришлось пойти на уступки. Активный деятель Омского самоуправления И.Г. Кузнецов заявлял двумя годами позже, подытоживая взаимодействие с инспекторами (как раз в 1912 г. М.П. Михайлова сменил П.М. Нюрнберг): «В общем нужно с удовольствием отметить, что податной надзор ко всем нашим заявлениям в интересах плательщиков относился весьма сочувственно, и в понижении окладов квартирного налога мы в нынешнем году достигли больших успехов в сторону более справедливого обложения». Заклучал своё печатное выступление Кузнецов даже несколько торжественно: «особенно рад случаю заявить, что оба наши председатели...

были весьма к нам предупредительны, в особенности же в назначении удобного для нас времени заседаний, каковое определялось исключительно по общему желанию выборных членов присутствия. В свою очередь и члены Присутствия были в высшей степени аккуратны в посещении заседаний: несостоявшегося заседания, за неприбытием законного числа членов, не было в истекшем году ни одного»¹.

Инспектор уже не пытался бунтовать, и внешне всё выглядит благопристойно. Но картина не была идиллической.

Мелкий штрих: история с кандидатами к выборным. В 1912 г., выбирая представителей плательщиков для заседаний присутствия по квартирному налогу, Омская дума избрала, помимо шести членов присутствия, ещё шесть кандидатов к ним. Таков был обычный для городского самоуправления жест предусмотрительности – заурядная общероссийская практика при отправлении неблагодарных общественных должностей. Однако когда двое из думских избранников заявили о невозможности присутствовать, М.П. Михайлов отказался допустить на заседания соответствующих кандидатов, сославшись на отсутствие оговорок по этому поводу в законе. Сменивший Михайлова П.М. Нюренберг никаких препятствий допущению кандидатов к работе не увидел².

Сохранилось и стремление инспектора повышать оценки, предлагаемые на утверждение выборных. Вот что писал об этом И.Г. Кузнецов, один из наиболее активных деятелей городского самоуправления Омска начала XX в., на 1912 г. избранный думой в присутствие по квартирному налогу. «К глубокому сожалению, работа по определению окладов налога, вследствие неудачной системы ее применения путем распределенной между членами Присутствия проверки уже намеченных председателем размеров оклада, прения по поводу которого вызывались лишь только в случаях повышения, привела буквально к массовым жалобам со стороны плательщиков, которые мы, ввиду очевидной основательности возражений, все, лишь за самыми ничтожными исключениями, удовлетворили»³.

Кроме стремления выдавить из плательщиков максимум возможного, здесь видна и попытка Михайлова снова усовершенствовать технологию составления раскладки в видах её ускорения. В деле инспектора М.П. Михайлова сохранилось январское 1911 г. решение присутствия по налогу с городской недвижимости: «Принимая во внимание обширность территории, занятой Омским городским поселением, и необходимость для Членов Присутствия основательного знания доходности и стоимости земли и строений в разных частях города, Присутствие признало желательным и

---

¹ Кузнецов И.Г. О деятельности городского по квартирному налогу присутствия в 1912 году // Вестник Омского городского общественного управления, 1912, № 23–24. С. 7–8.

² Там же. С. 6–7.

³ Там же. С. 7.

вполне целесообразным подразделить городскую территорию на районы, поручив каждый из них ведению особого члена Присутствия и заместителя, на обязанности которых в течение пятилетия должно лежать подробное ознакомление с существующими в районе недвижимыми имуществами, производство их осмотра и выяснение их доходности и ценности для правильного обложения государственным налогом»¹.

Решение, вроде бы, принято при участии городских представителей, но на следующий год И.Г. Кузнецов высказывал недовольство им и предлагал обсуждать каждую квартиру совместно, т.к. при существовавшей системе, когда каждый рассматривал только отведённую ему часть, «квартиры невольно ускользали от внимания тех, кому они наиболее известны»².

Слова И.Г. Кузнецова о массовости жалоб выглядят преувеличением. На деле «Краткие журналы» присутствия содержат исправления едва ли более десятой части оценок, предложенных инспектором, причём исправление не существенное – порядка 10 %³. Достигнутый в итоге консенсус опирался в значительной степени на то, что большинство оцениваемых имуществ составляли недорогие строения. У таких и оценку сильно не занизишь, да и смысла в этом для членов присутствия не было.

Зато когда затрагивались интересы зажиточной части города, начинались споры, нередко заканчивавшиеся только на уровне губернии. В качестве примера можно привести эпизод из деятельности Омского городского присутствия по налогу с городской недвижимости. В 1911 году оно рассматривало заявление домовладельца П.А. Ротанина, в котором валовая доходность его дома с флигелем указывалась в 740 руб. Однако члены присутствия назвали доход, извлечённый Ротаниным, исключительным и постановили «считать среднюю валовую доходность, нормальную для данных имуществ, для обложения налогом в 500 рублей». Особое мнение подал податный инспектор М.П. Михайлов, заявивший, что «нормальной доходностью недвижимого имущества Ротанина, в составе которого имеется только что построенный флигель, отданный под пивную, следует считать ту, которую Ротанин извлекает из имуществ последние два года, и которая указана в поданном им лично заявлении, а именно 740 р., а потому полагает, что среднюю валовую доходность имущества Ротанина следует определить не в 500, а в 740 рублей»⁴.

Почему вдруг члены присутствия обеспокоились тем, что посторонний им домовладелец уплатит в полтора раза больше налога, если сам он изъявил готовность заплатить? Очевидно, побоялись, что в дальнейшем эта оценка может использоваться как прецедент в других спорных случаях. Оценка

---

¹ ИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 58. Л. 12–13.

² Кузнецов И.Г. О деятельности городского по квартирному налогу присутствия в 1912 году // Вестник Омского городского общественного управления, 1912, № 23–24. С. 7.

³ ИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 58.

⁴ Там же. Л. 33–34.

недвижимости по аналогии – обычный способ в работе податных присутствий. Обычно рутинная, эта работа превращалась в захватывающее интеллектуальное соревнование, как только речь заходила о самых богатых домах, не имеющих аналогов.

Характерный спор отразился в протоколе от 13 марта 1911 г. о квартире Липатникова. Постановление содержит такой плотный каскад фактов, что пересказывать его – занятие неблагодарное. Единственное, что придётся себе позволить ради сокращения чрезмерно долгого цитирования – ограничиться вырезками.

Из постановления присутствия: «...установить оценку в 3900 руб., а по исключении 25 % на отопление в 3315 (три тысячи триста пятнадцать рублей). Приведённая для сравнения Председателем Присутствия квартира Фогеля, в которой стоимость квадратного аршина внутреннего измерения определяется свыше 4 рублей, по мнению членов Присутствия, принята в расчёт быть не может в силу того, что помещение занято врачом вблизи больницы, которой он заведует. Другие квартиры, указанные Председателем: помещение Коммерческого Клуба, Удельного ведомства и проч., как занятые учреждениями и торговыми предприятиями для сравнения с квартирою частного лица приняты, по мнению Членов Присутствия, быть не могут».

Из особого мнения податного инспектора: «...таким путём квартира в доме Липатникова оценена быть не может. А именно, за основу для оценки взята квартира Морозова в доме, имеющем меньшую высоту (5 арш.), довольно старый вид без хорошей отделки <...> Квартира эта сдаётся, по заявлению Липатникова, за 1000 рублей; по частным образом полученным мною сведениям, за 1200 рублей, ненормально низко, и фигурирует во всех расчётах Членов Присутствия, как в минувшем году (по домам Шаниной), так и в нынешнем». Доказательством заниженности цены «служит кв[а]ртира Фогеля в д[оме] Дроздова, план которой при сём прилагается. В этой квартире нет такой роскошной лепной работы, как в квартире Липатникова, ни электрического освещения, ни паркетных полов, и высота от полу до потолка всего лишь 5, а не 6, аршин. Между тем квартира эта при площади в 350 кв. аршин сдаётся с паровым отоплением за 1680 руб. Откуда наёмная стоимость квадратного аршина пола внутри помещения определяется в 4 р. 80 коп. Ссылка Членов Присутствия на то, что наёмная стоимость этой квартиры не может быть принимаема в расчёт как квартиры врача вблизи заведомой им больниц, не выдерживает критики. Потому что тогда и для Липатникова, имеющего квартиру вблизи базара, на котором находится одна его лавка, которой он заведует, и в том домовладении, где во дворе находится его оптовый магазин, должна быть принята оценка того же или даже высшего порядка, потому что Фогелю от больницы несравненно дальше (расстояние более 300 сажень), чем Липатникову от его магазина до лавки <...> Ввиду вышеизложенного я полагал бы справедливым кв. Липатникова, как находящуюся в Центральной части города против Центрального базара с роскошной отделкою, с электрическим освещением и проч., оценить во

всяком случае не ниже стоимости Коммерческого клуба 7700 руб, а по вычете 15 % на отопление – 6545 рублей»¹.

Возвращаясь к соображениям членов присутствия во время удивительного обсуждения имущества Ротанина, надо обратить внимание вот ещё на что. Установление цены на том уровне, который заявил сам домовладелец, дало бы лишнее основание податному надзору ставить вопрос о заниженности городской оценки недвижимостей, которая для дома Ротанина составляла всего 1200 руб. (менее прибыли, которую он извлёк из этого имущества за два года). Именно городскую оценку стремились использовать члены присутствия от плательщиков, если находили основание заявить, что суждение по аналогии невозможно.

Показательно, что обсуждение случая Ротанина в областном присутствии по государственному налогу с недвижимых имуществ закончилось поражением председателя казённой палаты, поддержавшего точку зрения податного инспектора.

Итак, система присутствий создавала у выборных конфликт интересов: желание себе полегчить шло в ущерб выполнению основной задачи – правильно установить размер налога. Если инспектор проявлял решительность в борьбе за казённый интерес, это создавало основу для столкновений. Существование присутствий не устраняло конфликта, но создавало площадку для его решения в законных рамках. Это не лишало податной надзор возможности отстаивать интересы казны, но сохраняло и у плательщиков возможность иногда пересилить чиновников. Податные присутствия – это весы, чаши которых не были закреплены намертво и показывали разный результат в зависимости от давления, которое осуществлялось в каждом отдельно взятом случае.

---

¹ ИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 589. Л. 4–5 об., 2–2 об.

Глава 10.

**Присутствие против плательщика:
границы произвола**

В предыдущей главе мы видели, что плательщики как группа оказывались более или менее защищены от произвола податных чиновников. При этом интересы группы выражают шесть (как максимум) человек, заседающих в компании податного инспектора. И это – малая часть всех плательщиков, один на сотню. Как быть, если нарушены интересы одного из оставшихся девяносто девяти? Для рассмотрения этого вопроса у нас есть исключительный материал – история не просто плательщика, но такого плательщика, который имел силу и желание постоять за себя.

Купец в союзе с будущим премьер-министром

Григорий Ильич Фуксман – сын купца и сам купец, владелец пароходства, винокуренного и конного заводов, и заодно – первой (и до 1914 года – единственной в Томске) паровой мельницы. В пятиэтажном здании мельницы действовала современная 200-сильная машина и 80 рабочих. Не чета базарным лавочникам, Г.И. Фуксман мог себе позволить иметь хороших управляющих, оставлявших на его долю лишь общее руководство семейным делом. Григорий Ильич не гнался за новшествами. По традиции выкупал первогильдейское свидетельство, что после реформы 1898 г. уже не было необходимо крупному предпринимателю. По старинке вёл дело на собственный капитал и под личную ответственность, не пользуясь частой для начала XX в. практикой превращения единоличной фирмы в акционерную компанию. Не входя в высший круг сибирских воротил-миллионеров, будучи далёк от элиты российского предпринимательства, Фуксман был известен среди предпринимателей и чиновников одного из крупнейших административных и торгово-промышленных центров всей Сибири.

Один из наёмных работников Г.И. Фуксмана – известный в годы первой российской революции деятель сибирских эсеров, сибирский областник, в будущем – знаменитый председатель колчаковского правительства, юрист по образованию и присяжный поверенный по роду службы Пётр Васильевич Вологодский. В бумагах Томской казённой палаты сохранилась копия доверенности Г.И. Фуксмана, посредством которой купец поручает присяжному поверенному «принять на себя труд по ведению во всех судебных и административных учреждениях всех без изъятия гражданских и уголовных дел моих». Полный перечень связанных с этим полномочий превышает два десятка строк и подытоживается так: «Одним словом по всем делам моим можете действовать от моего имени по Вашему усмотрению, охраняя мои интересы»¹.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 548. Л. 117.

Доверенность выполнена на типографском бланке, в котором пропущены отдельные слова и окончания слов (так, чтобы можно было оформить документ и от одного доверителя, и от нескольких), но уже впечатаны фамилия, имя и отчество адвоката. Значит, заключение договоров о юридическом обслуживании было для П.В. Вологодского делом обычным. Г.И. Фуксман не являлся для него единственным источником дохода. Тем не менее, дела своего доверителя будущий премьер-министр вёл тщательно, интерес мукомольного предприятия отстаивал настойчиво и создал массу неприятностей для чиновников Минфина.

Непосредственный толчок спору дало решение 2-го Томского раскладочного присутствия. Рассмотрев поданные предпринимателями налоговые декларации, оно 19 июня 1913 г. обнародовало суммы, подлежащие уплате за 1912 г.

Чтобы было понятно дальнейшее, надо сказать о методе работы раскладочного присутствия. Проверяя все поданные в начале года «заявления» предпринимателей об оборотах и прибылях года минувшего, члены присутствия принимали показанную купцом сумму или вменяли «более правильную». Затем умножали её на процент «нормальной прибыльности» по данной отрасли (установленный присутствием же и утверждённый казённой палатой). Так вычислялся размер облагаемой прибыли. Промысловый налог – не то, что подоходный: если плательщик не мог безусловно доказать свою правоту, ему приходилось платить налог со всего вменённого ему дохода.

Был только один надёжный способ избежать невыгодной предпринимателю ошибки со стороны присутствия: обзавестись грамотным бухгалтером. Правильные бухгалтерские книги были редкостью среди «неотчётных» (не акционерных) предприятий. Не в каждом уезде на сотню плательщиков приходился хотя бы один обладатель передовой отчётности. В начале века не вели книг и Фуксманы, но столкнувшись с требованием податного инспектора, быстро перестроились¹. По всей видимости, на протяжении ряда лет их книги не вызывали нареканий, и прибыль фирмы определялась в соответствии с декларациями. Однако в 1913 г. присутствие приняло заявленный по мельнице оборот (1160 тыс. руб. за 1912 г.), а прибыль начислило вчетверо против заявленной (не 61304, а 232080 руб.). У Фуксмана и его помощников оставался месяц на подачу возражения.

---

¹ В 1901 г. представитель фирмы простодушно пояснил инспектору, что книги за весь минувший год составлены специально для подачи в присутствие, причём незадолго до этого события – то есть, с точки зрения правильной бухгалтерии, подделаны. Это стало достаточным основанием для их отклонения. См.: ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 56. Л. 56–56 об.

*Эшелонированная оборона:
от раскладочного присутствия до министра*

Первый из сохранившихся в деле ответных документов за подписью П.В. Вологодского – его обращение в Томскую казённую палату от 27 июня с просьбой выдать выписку из журналов 2-го Томского раскладочного присутствия «с указанием данных, коими Раскладочное Присутствие руководствовалось при запроектовании процента средней прибыльности в 1912 и 1913 годы¹ по группе мельничных предприятий» и выписку из журналов общего присутствия казённой палаты, касающихся утверждения этого процента². Очевидно, присяжный поверенный чётко представлял себе механизм работы учреждений, ведающих промысловый налог.

Однако казённая палата прикрылась законом и инструкцией, которые «не возлагают на податные учреждения обязанности открывать отдельным плательщикам те основания, по которым утвержден тот или иной процент средней прибыльности <...> и не дают плательщикам права возражать против установленного размера этих процентов». Чтобы закрыть вопрос наверняка, палата сослалась даже на решения высшего арбитражного органа страны – Сената, прямо подтверждающие невозможность обжалования «нормальной прибыльности»³.

Ответ палаты был отправлен 16 июля – за три дня до истечения срока подачи жалоб на раскладку. Но Вологодский успел: 19 июля томское раскладочное присутствие зарегистрировало полученное от него 7-страничное официальное возражение, полное цифр и не лишённое риторической отделки⁴. Оно открывается доводами Вологодского против соображений присутствия об изъянах бухгалтерских книг предприятия. Часть соображений (о том, что не показан состав чистого капитала на начало и конец года) он назвал недоразумением (перечислив необходимые статьи баланса); ещё в одном случае – со ссылкой, в свою очередь, на сенатское решение – доказывал, что указанная неточность «не может служить основанием для опорочения торговых книг».

Не ограничиваясь обороной, Вологодский атаковал противника: приведя точные ссылки, он напомнил, что инструкция о применении Положения о промысловом налоге требует для установления «нормальной прибыльности» обследовать хотя бы несколько предприятий в каждой группе. Между тем, мельница Фуксмана в своей группе по данному участку была единственной. Кому, как не Вологодскому, было знать, что на мельницу инспектор не заходил – значит, ни одно предприятие группы не обследовано, инструкция нарушена.

---

¹ Имеется в виду деятельность присутствия в 1912 и 1913 гг. – по определению прибыли, соответственно, за 1911 и 1912 гг.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 16.

³ Там же. Л. 20 об.–21.

⁴ Там же. Л. 136–139.

Помимо формальных доводов, Вологодский обращал внимание чиновников и на экономическую обстановку. Пока палата тянула с ответом на его первый запрос, он успел заpastись справками о хлебных ценах 1911–1912 гг. от Томской товарной биржи (цены на крупчатку и отруби) и биржи в Новониколаевске (цены на пшеницу). Простыми подсчётами на основе этих цифр Вологодский доказывал, что разница между ценой покупки поставленного на мельницу зерна и ценой продажи муки, которую из этого количества зерна можно получить – то есть валовой доход – едва покрывает сумму чистой прибыли, вменённой присутствием. На этом основании он требовал если не признать книги, то хотя бы в несколько раз уменьшить процент «нормальной прибыльности».

Присутствие уважило обстоятельность Вологодского и подготовило на редкость подробный ответ¹. К стандартному бланку журнала заседаний по рассмотрению возражений плательщиков на раскладку (где на «мотивированное заключение» присутствия отводилось менее половины страницы) пришлось добавлять четырёхстраничный вкладьш. Повторив старые претензии к несоблюдению обязательных бухгалтерских форм, присутствие выдвинуло и новые. Сокращение чистого капитала в течение года на 260 тыс. руб., указанное в возражении П.В. Вологодского, при заявленной чистой прибыли в 61 тыс. присутствие назвало внутренним противоречием, свидетельствующим о запутанности счетов предприятия. Уточняя былую претензию по расходу, не относящемуся к мельнице, присутствие пояснило, что этот расход был указан лишь в виде примера. На самом же деле таких расходов довольно много, а ещё больше расходов, точное назначение которых не указано. «Таким образом, – указывало присутствие, – отчетность ведется не только по мельнице, но совместно с нею по всему имуществу владельца мельницы Г. Фуксмана и по лавке его отца И. Фуксмана, а это обстоятельство, как неоднократно разъяснял Правит[ельствующий] Сенат, делает книги неприемлемыми для определения по ним прибыли».

Решения участкового присутствия по таким делам подлежали утверждению казённой палаты. Решение по делу Вологодского общее присутствие палаты, при участии выборных от плательщиков, утвердило 26 августа 1913 г. Доводы присутствия, очевидно, показались ему бесспорными, и оно повторило их уже от своего имени, лишь в более чётком изложении².

Таким образом, возражение Вологодского постигла обычная судьба возражений на раскладку. Податные присутствия нечасто признавали свои ошибки, ещё реже палата бралась исправлять действия своих подчинённых. Доверенный Фуксмана не был единственным, чью жалобу отклонили в тот

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 147–150.

² Там же. Л. 151–151 об.

год во 2-м томском присутствии. Но только он продолжил борьбу за пределами губернии.

18 июля 1913 г. Вологодский подал в Томскую казённую палату жалобу на имя министра финансов¹. Этот документ (копию которого палата сохранила для себя) проявляет политическую расчётливость его автора. Не отвлекая министра бухгалтерскими подробностями, он целиком сосредоточивается на прегрешении его подчинённых против министерской инструкции. «Не подлежит сомнению, что если бы указанное в п. 3 § 78 Инструкции обследование было бы произведено, Присутствие само убедилось бы, на основании неоспоримых документальных данных, имеющихся в счетоводстве предприятия моего доверителя, что действительная прибыль Ильинской мельницы моего доверителя в 1912 и 1913 г.г. не превышает 5–6 % и ни в коем случае подобное предприятие не может дать чисто фантастического размера прибыльности в 20 %». Инспектору достаточно было прийти и взять неоспоримые документы, а он не пришёл и не взял, – такова, коротко говоря, главная мысль жалобы.

Показательно сопоставление дат документов. Едва получив отказное решение палаты (от 16 июля) по своей просьбе насчёт справки о методах определения нормальной прибыльности, Вологодский первым делом принимается не за возражение на раскладку (с его «горящим» крайним сроком подачи), а за жалобу министру, которую и подаёт 18 июля. По-видимому, из ответа палаты он уже понял, что на уровне губернии шансов на успех нет. Не исключено, что он даже специально отложил подачу возражения на раскладку до самого последнего дня (19 июля), чтобы отсрочить решение палаты по своему возражению. Как ни мал срок в один день, всё-таки это увеличивало шансы на то, что в палату успеет поступить министерский нагоняй, и это заставит нерадивых исполнителей более чутко подойти к интересам Фуксмана.

Инструкция действительно была нарушена. Уже в декабре, при подведении итогов раскладочной кампании², палата мягко поставит на вид инспектору, что упреки Вологодского «действительно не опровергаются в полной мере данными раскладочного производства». Но перед лицом общего противника дух корпоративной солидарности у руководителей министерства оказался сильнее, чем раздражение неисполнительностью местных чиновников. Ответ из столицы, подготовленный на основе справки из Томска, был не в пользу сибирского мукомола.

Но не так важен сам ответ, как история его подготовки. Сопоставляя отношение податного инспектора в палату, доклад палаты в министерство и министерский ответ заявителю, мы можем увидеть скрытую до сих пор пружину разгоревшегося в Томске противоборства.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. Л. 220–221.

² Там же. Л. 233–234.

«Нормальная прибыльность» и ненормальный 1911-й год

Инспектор, по требованию палаты отвечая на претензию Вологодского, начал излагать историю с 1912 г.¹ Невыполнение в том году злополучного пункта инструкции он объяснил недавним вступлением в должность, в то же время настаивая на своей правоте по существу дела. Инспектор сообщил, что по бухгалтерским книгам, представленным Г.И. Фуксманом в 1912 г., оборот мельницы за 1911 г. составил 776,6 тыс. руб. «По сведениям Членов Присутствия» эта цифра была заниженной; книги (неверно оформленные) признали негодными, Фуксману вменили оборот в 1200 тыс. Почти точное совпадение этой цифры с тем, что сам Фуксман заявил в следующем, 1913-м, году (1160 тыс.), инспектор с воодушевлением выставил на вид как подтверждение оценки присутствия. Ко времени раскладки 1913 г. инспектор уже успел запастись сведениями об основных статьях дохода и расхода мельницы Фуксмана, по которым и вывел прибыль в 20 %. О способах сбора этих сведений инспектор умолчал, но подчеркнул, что цифры были одобрены членами присутствия. Последние ещё и добавили, что «на рынке крупчатка г. Фуксмана (и Горохова) на 25 коп. за куль дороже крупчатки других мукомолов» – значит, при расчёте дохода Фуксмана надо учитывать не среднюю рыночную цену муки, а повышенную.

Забегая вперёд, стоит сказать здесь, что на уровне губернии (в общем присутствии казённой палаты) представители плательщиков выявили ещё одно враждебное Фуксману обстоятельство, не замеченное инспектором. Лавка для продажи муки Ильинской мельницы на базаре, впервые оформленная на имя Г.И. Фуксмана, была ошибочно отнесена инспектором к числу «первогодных» (в первый год действия предприятия не подлежат дополнительному раскладочному сбору). На деле она лишь перешла от отца к сыну и по закону подлежала обложению на общих основаниях². Очевидно, чувство солидарности плательщиков в деле Фуксмана оказалось слабее чувства конкуренции.

Итак, если отбросить риторику, доводы инспектора сводятся к поддержке определённых им цифр представителями плательщиков. То ли не утруждая себя переписыванием подробностей, то ли не придавая им первостепенного значения, палата переслала подлинник инспекторского ответа в столичный департамент, от себя же добавила дополнительные обстоятельства.

Пространными цитатами из журналов 2-го и 3-го Томских раскладочных присутствий палата показала, что в 1912 г. они повысили процент «нормальной прибыльности» мукомолов с 10–15 до 20 по одной и той же причине – «ввиду того, что, заготовив на 1911 г. зерно по дешёвой покупной цене, эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)». Неурожай 1911 года поставил Западную Сибирь слишком близко к катастрофе, чрезвычайные

¹ Там же. Л. 222–223.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 233–234.

действия государства и общества по предотвращению голода отняли слишком много сил и денег, чтобы современники могли простить кому-либо наживу на этой беде (действительную или кажущуюся).

Попутно здесь отметим разницу в изображении раскладки 1912 г. противоборствующими сторонами. Вологодский, излагая свои обиды министру, так описывал события: «Раскладочное Присутствие в 1912 и 1913 г.г., забрав торговые книги моего доверителя по сомнительным основаниям, установило в 1912 году оборот его мельницы в 1.200.000 руб., а прибыль в 360.000 руб., уменьшенную впоследствии Казённой палатой до 240.000 вместо значащихся¹ по книгам сумм в 776.621 руб. и 51.626 руб., а в 1913 году приняло оборот по книгам в 1.160.400 руб., а прибыль определила из означенного процента в 232.080 руб. вместо значащейся по книгам в 61.314 руб.»². В изображении Вологодского противостояние 1912 г. было настолько острым, что казённой палате пришлось урезонивать присутствие, пытавшееся назначить мукомолам «нормальную прибыльность» вовсе небывалую – 30 %.

Со своей стороны, и инспектор, и палата излагают дело проще: инспектор (на основе приводимого им расчёта) предложил 20 %, раскладочное присутствие эту цифру утвердило, палата одобрила. Едва ли и инспектору, и палате имело смысл скрывать спор (причём скрывать не умолчанием, а прямым обманом, который легче раскрыть), если бы он имел место. По всей видимости, утверждение Вологодского о попытке вменить Ильинской мельнице 30-процентную прибыльность было отголоском предварительных обсуждений или слухов (в условиях секретности журналов присутствия). Но и в этом случае ясно, что основной накал противостояния пришёлся на первую половину 1912 г., когда тяжкие впечатления от неурожая ещё не стали историей.

Составленный казённой палатой документ лёг в основу министерского ответа от 17 октября 1913 г., который подписали товарищ министра Н.Н. Покровский и директор Департамента окладных сборов А.А. Вишняков³. Оставив в стороне столь ценную для Вологодского инструкцию, автор документа напомнил, что постановления казённой палаты по вопросу о средних процентах прибыльности групп предприятий не подлежат обжалованию со стороны плательщиков. Но ключевой довод сотрудники Минфина заимствовали у Томской казённой палаты. Министерская формулировка ставит действия мукомолов в условиях неурожая в прямую связь с отказным решением: «Я не нахожу в действиях податных учреждений указываемых просителем неправильностей, так как повышение процентов средней прибыльности <...> по паровым крупчатно-мельничным предприятиям, расположенным в г. Томске и близких его окрестностях и сосредоточенным в руках крупных капиталистов,

¹ В документе – «значащейся».

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 220 об.–221.

³ Там же. Л. 227–227 об.

последовало <...> ввиду того, что эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)»¹.

Явные доводы и подспудные намёки

Итак, чиновники и «коллеги» позавидовали мукомолам из-за роста цен на муку после западносибирского неурожая 1911 г. Однако логика чиновников содержит существенный изъян. Если сверхприбыль 1911 г. была следствием использования мукомолами дешёвых докризисных запасов зерна, то почему в 1912 г. условия их работы были признаны «неизменившимися»? Инспектор, говоря о прибыли 1912 г., подтверждает её расчётом, в котором сопоставляются цена зерна, производственные расходы мельницы, выход муки из зерна, цена муки, объём производства Фуксмана. Даже если все цифры инспектора верны (хотя они ничем не доказаны), всё-таки речь идёт о регулярной прибыли мельницы. В 1912 г. мельница явно не могла пользоваться ещё докризисным зерном (урожая 1909 г.), и значит, прибыль 1912 г. – это прибыль от продажи дорогой муки, полученной из дорогого зерна. Если действительно регулярная прибыль мельничного дела составляла 20 %, то сверхприбыль 1911 г. должна была составлять существенно большую величину. Утверждения о сверхприбыли 1911 г. и о «неизменившихся условиях» 1912 г. взаимно противоречивы. По всей видимости, этот явный логический изъян маскирует наличие других соображений.

Очевидно, именно в этом смысле следует рассматривать оговорку про «крупных капиталистов», из доклада казённой палаты перекочевавшую в министерский ответ. Ясно, что это намёк на монополизацию рынка и злонамеренное завышение цен для собственной наживы в ущерб народному интересу. В докладе казённой палаты этот намёк расшифровывался прямо: «Диктуя цены самовольно, мельники не теряют ничего в случае вздорожания продуктов. Так, были даже случаи повышения продажных цен до 50 %»².

Наконец, обратим внимание на то, как постепенно выходил на первый план довод о завышенных ценах 1911 года. Цитаты из журналов раскладочных присутствий ясно показывают, что довод этот идёт снизу, от первой инстанции. Тем не менее, в том ответе, который председатель раскладочного присутствия отсылает Палате, о неурожае не упоминается вообще. Казённая палата выводит этот довод из тени – но только во внутренней переписке; обращение же Вологодского по поводу неправильного установления прибыльности отвергается по формальным основаниям (отсутствие у плательщика права обсуждать этот вопрос). И только министерство, которое ведь тоже имело возможность ограничиться тем же самым формальным ответом, главным доводом выставило поведение мукомолов во время кризиса. Почему же местные чиновники при общении с плательщиком маскировали

---

¹ Там же. Л. 227–227 об.

² ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 224 об.

этот козырь? Ясно, что они понимали его юридическую несостоятельность: нельзя повышать налог лишь потому, что деньги заработаны «нечестно». Затаив досаду на предпринимателя, они искали формальных оснований, чтобы насолить ему, и нашли. Столичные чиновники оказались более смелыми и не постеснялись дать понять плательщику, что корень его бед лежит за пределами фискальных инструкций. При этом они прошли по краю допустимого: повышение цен в неурожайную году выставялось как свидетельство повышенного дохода; моральная же неприемлемость этого действия (которая и составляла действительную причину) показывалась лишь намёком.

История безуспешной борьбы Фуксмана в 1913 г. за снижение податного бремени показывает нам ограниченность возможностей плательщика бороться против производа податного присутствия. Стоит помнить, что речь идёт о промысловом налоге с его «презумпцией виновности» (которой не будет в налоге подоходном). Надо учесть ещё и то, что случай Фуксмана крайне неблагоприятен по внешним обстоятельствам: общественное мнение было уверено, что он наживался на голодном годе. Чиновники и выборные члены присутствия выступали единым фронтом и на уровне уезда, и на уровне губернии; и даже на уровне министерства фактор справедливости учитывался как весьма важный. Как минимум, при таком сочетании обстоятельств податной надзор имел возможность наказать купца чрезмерным налогом, погрешив при этом против логики, но не против юридической правильности.

Глава 11.

Община без круговой поруки: сила закона и сила традиции

Податные присутствия – крайне важный механизм: он действует в самых передовых налогах, он внедряется всё шире и шире. Но все эти новые, прогрессивные в обоих смыслах слова, налоги касаются прежде всего городов. А три четверти населения – крестьяне. Именно от того, как на самом деле действовали крестьянские налоги, во многом зависело существование всей податной системы страны.

У крестьян по давней традиции раскладкой налогов занималась община, и это не ново. Новшество начала XX в. – отмена круговой поруки. Теоретически это выглядит довольно просто, речь об этом уже шла выше. Практическое значение круговой поруки в жизни пореформенной России – тема гораздо более сложная.

Податной ревизор Д.Л. Киреевский в отчёте о ревизии 1905 г. сообщал, что «круговая порука фактически нигде и никогда в Тобольской губернии не практиковалась»¹. Есть подобные сведения и по Европейской России. М.А. Давыдов в одной из своих книг в главе, посвящённой критике общины второй половины XIX в., цитирует одного из податных инспекторов Воронежской губ., жалующегося на практическую недействительность круговой поруки².

Это, конечно, не значит, что законодательство насчёт общины вовсе игнорировалось. Просто сама по себе круговая порука действует не так прямолинейно-благостно, как можно судить по её краткому описанию в учебнике (если один не может заплатить, недоимку покрывают все вместе). Ясно, что если неуплата налога одним влечёт уплату этой суммы другими, и этим дело ограничивается, то налогов платить никто не станет. Ясно, что круговая порука подразумевает не афишируемый, но жёсткий механизм наказания за неуплату – наказания со стороны самого сельского общества. Как мягко высказывается на эту тему О.И. Марискин, «именно в системе принудительных мер заключалась главная сущность

---

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 617. Л. 15–15 об. В 1902 г., ревизуя Томскую губернию, тот же Киреевский описывал усилия местных чиновников по разделению богатых и бедных крестьян (чтобы взыскивать недоимки только с первых) и упоминал, что крестьянские общества не отвечали за недоимки «с лиц отлучившихся с места приписки» – что, конечно, противоречит азам круговой поруки. См.: РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 263. Л. 350–351. Не использовалась круговая порука и в русских селениях Степного края. См.: Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: Сб. док. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 205.

² Давыдов М.В. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд-е, испр. и доп. СПб: Алетей, 2016. С. 214–215.

круговой поруки»¹. Система наказаний, прописанная в законе, вынуждала к широкому использованию неформальных отношений, позволяющих избежать самых тяжёлых последствий (будь то займы у богатых под отработку или другие меры).

Поэтому говоря об отмене круговой поруки, не следует ожидать немедленного переворота в крестьянской податной повседневности. И тем не менее, установление единоличной ответственности – одна из ключевых налоговых реформ капиталистической России, поскольку оно создало механизм индивидуальной работы с крестьянами – самой многочисленной группой населения.

Инструкция, которая казалась важнее закона

Принятый ещё при С.Ю. Витте закон 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки коснулся только Европейской России, в Сибири такая же реформа состоялась немного позже.

Отмена круговой поруки в Сибири произошла как бы между прочим – то была одна из ряда царских милостей, явленных указом «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц податных состояний» от 5 октября 1906 г. Смысл этого документа – политический. Начинаясь торжественным напоминанием про 19 февраля 1861 г. и про 17 октября 1905 г., манифест провозглашал задачу «завершить мудрые предначертания Царя-Освободителя на возвещённых Нами началах гражданской свободы и равенства перед законом всех российских подданных»².

Применительно к отмене круговой поруки в Сибири это стремление хорошо сочеталось с практическими надобностями, вытекающими из роста сибирского переселения. Переводить прибывающих в Сибирь переселенцев обратно во власть круговой поруки высшие власти сочли неправильным, а иметь дело со смешанным (в смысле единоличной или общинной ответственности) составом плательщиков – неудобным³. Как следствие, отмена круговой поруки в Сибири отстала от центра страны лишь на три года, что мало по сравнению с реформами 2-й половины XIX в.

Принятие на самом веру решения прошло быстро и безболезненно. Но его воплощение вызвало неожиданные трудности, решать которые сибирским властям пришлось самостоятельно. В том, как решались эти трудности, и как они решились, проявляется роль крестьянского общества начала XX века как самостоятельной силы, действующей лояльно по отношению к государственным интересам.

---

¹ Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 120.

² ПСЗ-З. Т. XXVI. Отделение 1-е. СПб, 1909. № 28392, с. 891

³ Подробнее см.: Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX века. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-е – 1920-е гг.). Новосибирск: изд-во НГУ, 2004. С. 1–47.

Говоря о развитии общероссийского законодательства, мы уже видели, сколь большое значение при отмене круговой поруки придавалось закону 23 июня 1899 г. о порядке взимания крестьянских налогов. Установив требование «одинаковых условий обложения» для всех членов общества, реформаторы уже не опасались, что общества станут раскладывать налог на бедняков, бобылей и «безвестно отсутствующих». Связь между отменой круговой поруки и новыми правилами взимания окладных сборов подчёркивалась даже в названии закона 12 марта 1903 г.: «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 года о порядке взимания сих сборов с наделных земель сельских обществ»¹.

Но на Сибирь Положение от 23 июня не распространялось. После 1899 г. на восток от Урала система раскладки крестьянских налогов действовала в прежнем, дореформенном, виде.

Даже в эпоху круговой поруки это вызывало возражения сибирских налоговиков. Податные инспектора обсуждали эту проблему на своих съездах, управляющие казёнными палатами направляли запросы в Департамент окладных сборов, губернаторы жаловались в МВД и даже (посредством «всеподданнейших отчётов») государю императору². Забегая вперёд, надо сказать, что столичные чиновники в общем виде соглашались с сибиряками. Они признавали, что «полное упорядочение постановки податного дела в Сибири может быть достигнуто лишь при условии введения в этих местностях того порядка взимания окладных сборов, который применяется в Европейской России на основании высочайше утверждённого Положения 23 июня 1899 года и закона 12 марта 1903 года»³. Но делать это до завершения поземельно-устроительных работ отказывались, «так как только с приведением в известность количества земельных угодий <...> будет твёрдая база как для исчисления общих контингентов оброчной подати для отдельных губерний, так и для распределения этих контингентов между отдельными уездами, а в пределах последних между отдельными сельскими обществами и селениями»⁴.

Год за годом проходили без круговой поруки в Европейской, а затем и в Азиатской России, но даже в 1913 г. Сибирь ещё оставалась вне действия Положения 23 июня 1899 г.

---

¹ ПСЗ-3. Том XXIII. Отделение 1-е. СПб, 1905. № 22629. С. 134.

² См.: Журнал заседаний съезда податных инспекторов и их помощников Тобольской губернии в августе м[есяце] 1905 года. Тобольск, 1906. С. 98; ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об., 136–136 об.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об.

⁴ Там же. Л. 136–136 об.

«Понижение недоимочности»: первый год без круговой поруки

История настойчивых, но бесплодных препирательств между столицей и сибиряками по поводу положения 23 июня 1899 г. не выглядит вполне прозрачной; не исключено, что обе стороны «держали в уме» дополнительные соображения, официально не излагаемые. Как бы то ни было, отмена в Сибири круговой поруки произошла в то время, когда сибирская податная инспекция была уверена в недостаточности механизма раскладки для обеспечения интересов казны. Руководство Томской казённой палаты забило тревогу и добилось принятия особых мер для борьбы с возможными недоимками.

Как воплощались эти меры на деле, видно из отчётов податных инспекторов по итогам 1907 г. Все инспектора отмечали на редкость успешное взыскание податей – и основного оклада, и недоимок прошлых лет, – связывая это с применением насильственных мер.

«Усиленное взыскание с содействием военной силы недоимки за прежние годы в начале минувшего [1907] года оказало на экономическую жизнь населения и на поступление податей заметное влияние» – так писал кузнецкий инспектор. В Кузнецком уезде в течение одного лишь января 1907 г. собрали сумму, почти равную годовому окладу, «почему в первой половине года текущий оклад поступал плохо, но по мере выяснения результатов урожая 1907 года платеж податей стал производиться крестьянами охотнее, тем более что указанный выше способ взыскания податей (с помощью военной силы) оставил в крестьянах, по-видимому, глубокое впечатление; опасаясь повторения этого в будущем вообще, они почему-то создали себе убеждение, что на следующий раз с них взыщут и все расходы по командировке военной силы»¹.

Похожим образом высказывался инспектор 1-го участка Барнаульского уезда. «Главнейшим фактором понижения недоимочности я считаю усиленную энергию, проявленную полицией в деле взыскания в первой половине отчетного года. Во главе с исправником была наряжена своего рода карательная экспедиция из станowych приставов и стражников, которые, переезжая из селения в селение, производили взыскания, причем население беспрекословно уплачивало следуемые с него деньги»².

Ещё одну разновидность использования силы упоминает мариинский податной инспектор: «На благоприятное поступление податей имело несомненное влияние постановление съезда крестьянских начальников с ходатайством о присылке воинской силы в Тундинскую волость, каковое постановление быстро сделалось известным населению, этим и объясняется тот факт, что в декабре минувшего года поступление податей более, чем за всю первую половину года»³.

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 156–156 об.

² Там же. Л. 169 об.

³ Там же. Л. 173 об.

Ещё более простыми мерами добилась своего администрация (крестьянские начальники, полиция, сельское самоуправление) Бийского уезда. Было составлено «весьма значительное» число описей имущества недоимщиков, которые после этого в подавляющем большинстве недоимку внесли¹. Выставление на продажу имущества недоимщика – мера стандартная, законом предусмотренная; в то же время массовое её использование инспектор расценил как деятельность более энергичную, чем обычно, и вызванную распоряжениями губернатора.

Таким образом, инспектора говорят о разных методах усиленного взыскания (где полиция, где армия, где опись имущества), и в разные месяцы – от конца 1906 года до конца 1907-го. Но все описывают первый год без круговой поруки как год чрезвычайного нажима на западносибирскую деревню.

Чего боялись чиновники...

Иначе обстоит дело в изображении руководства Томской казённой палаты, представившего Департаменту окладных сборов сводный отчёт по губернии. До нас дошёл машинописный проект этого отчёта, подписанный начальником 2-го (податного) отделения А. Горт-де-Гротом и правленный от руки начальником казённой палаты И.Б. Маршангом. Палата сообщила, что собрано 4/5 годового оклада 1907 года плюс 3/4 оставшейся недоимки (а всего – 126,9 % годового оклада). «Ближайшею причиною» такого успешного сбора налогов палата называла благоприятные экономические условия, подробно расписанные на четырёх страницах: хороший урожай в сочетании с ростом запашки и ростом заготовок сена (вследствие возвращения ратников Русско-японской войны). О хорошем урожае отчитывались и инспектора – впрочем, не противопоставляя при этом последний год предыдущему, и главное – не выдвигая урожай в качестве единственного объяснения хорошего сбора налогов.

Руководство палаты уверяло, что «население платило подати, нисколько не обременяя своего хозяйства, и по своему экономическому состоянию могло бы выплатить большую сумму». По мысли чиновников, этого не произошло из-за трудностей, вызванных отменой круговой поруки. «При действии круговой поруки широкая самостоятельность общества в раскладке податей имела основание <...> С 1 января 1907 г. при ответственности каждого плательщика только за себя положение изменилось: от обложения податями лиц, взыскание с которых по тем или иным причинам не может быть произведено, общество выигрывает, а казна, напротив, несет прямой ущерб». «Крестьянское население при слабом развитии гражданственности, привыкшее к тому, что подати с него взыскиваются с угрозами и карами, в редких случаях вносит их добровольно, принимая все меры к тому, чтобы

---

¹ Там же. Л. 162. Ниже уточняется, что было составлено 128 описей по 114 селениям, описано 8056 имуществ.

переложить, уменьшить или совершенно устранить от себя податное бремя. С этой целью общества нередко облагают податями больных, старых, неимущих, безвестно отлучных, причем на лиц последней категории оклад налагается без всякого соотношения к их имущественному положению, лишь бы была достигнута цель общества – уменьшение тяжести обложения платежеспособных и наличных членов. Результаты такого отношения уже успели сказаться с конца 1907 г.: в Палату последовал ряд ходатайств о сложении недоимок за невозможностью произвести взыскание»¹. Словом, томичи не упустили возможности напомнить о насущности введения в Сибири положения 23 июня 1899 г.

Только после этого длинного предисловия автор отчёта начал описывать меры принуждения, принятые в отчётном году. 10 марта 1907 г. управляющий палатой предложил податным инспекторам «приложить все старание к тщательному просмотру раскладочных приговоров со стороны равномерности раскладки и целесообразности принятых за основание признаков» (о нарушениях – сообщать в уездный съезд крестьянских начальников и в казённую палату).

Кроме того, сотрудники палаты бдительно следили за «соответствием между платежными средствами населения и поступившими платежами». В случаях несоответствия от инспекторов требовали объяснений. Те обычно пеняли на сельских и волостных старост, которые «крайне редко и нерешительно пользуются предоставленными им мерами понуждения», вследствие чего среди недоимщиков числятся «вполне состоятельные и зажиточные лица».

Побывав «на местах», управляющий убедился в правоте инспекторов, и официально заявил Томскому губернатору, что «только отсутствием должного интереса и энергии у волостной и сельской администрации и крестьянских начальников можно объяснить неодинаковую недоимочность волостей, <...> в экономическом отношении находящихся в совершенно одинаковых условиях»².

Помимо общих заявлений, казённая палата теребила губернатора указаниями на отдельные недоимочные общества и отдельных недостаточно требовательных чиновников. Недовольство финансистов вызывали и крестьянские чиновники, допускающие появление недоимки, и полиция, недостаточно требовательно эту недоимку взыскивающая. Менторски-назидательно палата «просила» губернатора «напомнить подведомственным чинам, что борьба с проявлениями упорства в неплатеже податей не терпит попустительства», что «своевременное взыскание податей не только предупреждает накопление недоимок <...> но, помимо сего, имеет дисциплинарное для крестьян значение, напоминая последним о строгости

---

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 177–178.

² ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 178–179.

закона и необходимости добровольно и неукоснительно нести законные повинности»¹.

В качестве самого значительного ответного действия губернатора документ казённой палаты упоминает циркуляр от 5 мая 1907 г. Крестьянским начальникам этот циркуляр предписывал «лично разъяснить сходам тех селений, которые откажутся от раскладки, что такой отказ является преступным неисполнением закона, что и без раскладочного приговора подати будут взысканы», а исправникам – составить описи имущества «жителей тех селений, которые до 1 июля не только не уплатят оклада 1[-й] половины [года], но и не составят приговоров»².

Упомянутый здесь «отказ от раскладки» перекликается с упоминанием бийского инспектора об «отказе сделать развёрстку переселенческого оклада и недоимки по Михайловской волости», вследствие чего инспектору пришлось лично «делать разъяснения» волостному правлению и сельским обществам, а также командировать своего помощника для «непосредственного разъяснения на сельском сходе и склонения к разверстке крестьян дер. Березовки Михайловской волости»³. Ясно, впрочем, что речь идёт о простом непонимании нового закона, которое не имеет отношения к его изъяснам и не выходит за рамки курьёза⁴.

Более важен другой вывод из приведённых цитат. Непосредственно из описания борьбы казённой палаты за улучшение сборов становится ясно, что именно финансовое ведомство стало инициатором усиленных мер взыскания. Упомянутые податными инспекторами грозные циркуляры губернатора явились ответом на настойчивость казённой палаты.

...И почему они пытались скрыть свои подвиги

В целом проект отчёта казённой палаты создаёт впечатление, что его автор стремится принизить значение принудительных мер. Казалось бы, это не вполне логично, коль скоро именно по настоянию палаты они приняты и дали, вроде бы, положительный эффект. Объяснить это противоречие можно тем, что чрезвычайные репрессии не соответствовали ординарному уровню проблемы.

То, что репрессии были чрезвычайными даже на уровне циркуляров, видно всё из того же черновика казённой палаты. Весь кусок текста (более страницы), связанный с описанием губернаторского циркуляра от 5 мая 1907 г. и его последствий (успешное взыскание податей и недоимок), в

---

¹ Там же. Л. 179 – 179 об.

² Там же. Л. 179 об. – 180.

³ Там же. Л. 162 об. – 163.

⁴ Возможно, кое-где сказывались исключительные местные обстоятельства. Тот же бийский инспектор, говоря о борьбе с отказами от раскладок, упоминает доставление им в казённую палату сведений «по исправлению счета лиц и окладов в списках переселенцев». Не исключено, что речь идёт о требовании крестьян исправить какие-то ошибки.

документе зачёркнут; на поле И.Б. Маршанг пометил: «Едва ли законно!». А ведь мы уже знаем, что чиновники нижнего уровня (крестьянские начальники) действовали ещё более решительно.

Один из податных инспекторов (2-го участка Томского уезда) даже упоминал военное взыскание в конце 1906 года как причину снижения платёжеспособности. Главной причиной успешного поступления окладных сборов в 1907 году, – писал он, – следует считать хороший урожай, «значительно подкрепивший платёжные силы населения, несколько подорванные усиленными взысканиями недоборов в конце 1906 года с продажей имущества неисправных плательщиков»¹.

Чрезвычайное взыскание могло бы ещё быть оправданным, если бы крестьяне действительно сплошь и рядом стали перекладывать налоги на неспособных плательщиков. Но этого не произошло. Обнаружив, что напрасно перебаламутили всю губернию, чиновники казённой палаты попытались затушевать произведённый эффект.

Вместе с тем, можно, по-видимому, говорить о том, что проблема взыскания налогов действительно существовала. Мы уже встречали в черновике казённой палаты упоминание ходатайств о сложении недоимки 1907 года за невозможностью взыскания. В тон палате высказывается и податный инспектор 2-го томского уездного участка: отмена круговой поруки – это «новый фактор, сильно влияющий на увеличение недоимочности».

Однако инспектор ведёт речь не о неверных раскладках, а о трудности взыскания с ушедших на заработки: многие из них не берут паспортов, и неизвестно, куда ушли². Это действительно связано с отменой круговой поруки, но едва ли объясняется отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 года, на которое так опирает в своём отношении казённая палата (оно ведь не запрещало раскладывать налоги на промысловиков).

Не менее интересен тот факт, что казённая палата стала требовать усиления взысканий ещё до закона об отмене круговой поруки в Сибири: первое отношение губернатору в таком духе было направлено 28 сентября 1906 г.³ Это отношение упомянуто палатой в общем русле давления на недоимщиков в 1906–1907 годах; между тем, ясно, что оно не может быть связано с последствиями реформы 5 октября 1906 г.

Ещё одно обстоятельство, подрывающее попытку казённой палаты свести дело к положению 23 июня 1899 г. – это примеры воздействия податной инспекции на раскладки. Выше приводилась цитата из циркуляра начальника казённой палаты от 10 марта 1907 г. с предложением к инспекторам проверять не только соответствие раскладки заявленным показателям, но и целесообразность заявленных признаков. И это действительно делалось, как видно из отчётов податных инспекторов. Именно за 1906–1908 гг. в томском

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165.

² ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165 об.

³ Там же. Л. 179.

архиве сохранилась богатая подборка из тысяч копий раскладочных приговоров. Достоверно известно и то, что в некоторых случаях от крестьян действительно добивались пересмотра неравномерного раскладочного приговора. Бийскому инспектору это удалось при посредстве уездного съезда крестьянских начальников¹. Таким образом, орудие для борьбы с неравномерными раскладками у сибирских податных инспекторов имелось даже после отмены круговой поруки.

Получается, что когда от общих рассуждений на тему «слабого развития гражданственности» дело переходит к непосредственным примерам из жизни, проблемы взыскания оказываются связаны не столько с отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., сколько с отменой круговой поруки вообще и – ещё шире – с общими трудностями взыскания, существовавшими даже при круговой поруке.

В итоге становится ясно, что отмена круговой поруки в Томской губернии была связана с ощутимой встряской, которая, однако, не обуславливалась ни существом законодательных новшеств, ни поведением крестьян. Местные чиновники Минфина, уделяя чрезмерное внимание законодательству, переоценили грядущие перемены в налоговом поведении крестьян. Принятые по их настоянию чрезвычайные меры, к тому же усиленные простотой полицейского восприятия губернаторских приказов, должны были улучшить раскладочные приговоры, а на деле привели к сокращению дореформенных недоимок. Средства не то чтобы оказались безрезультатными, но ударили мимо цели. Использовать их ежегодно было нельзя, вопрос о регулярных мерах борьбы за равномерность крестьянских раскладок оставался насущным. Крестьянское общество оказалось более инерционным, чем рассчитывали томские налоговики. Это давало отсрочку, но не позволяло вообще отказываться от решения проблемы расчёта налогов с учётом усиления единоличного начала в деревне в частности и в российской жизни вообще.

---

¹ Там же. Л. 163 – 163 об.

Глава 12.

Безгласные плательщики: права и ответственность при раскладке крестьянских налогов

Говоря о крестьянской общине как своеобразном податном присутствии, надо учитывать важное отличие: в настоящем присутствии голосуют только представители плательщиков, а на общинном сходе принимают решение все плательщики. Так, во всяком случае, должно быть по закону. Удивительно, но на самом деле было иначе. Не все крестьяне, записанные в общественных приговорах в качестве плательщиков, имели право голоса на сходе.

Раскладочные приговоры: возможности источника

Известно, что власть в крестьянском мире принадлежала дворохозяевам, собирающимся на сход. Кто не доверяет учебнику, может проверить по «Своду законов»: «Сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества» – устанавливало Общее положение о крестьянах (ст. 57 издания 1902 г.)¹. Устройство общества, которое подразумевается этим фактом, можно назвать трёхъярусным: 1) голосующие дворохозяева; 2) зависимые от них работники (не отделившиеся взрослые дети и т.п.); 3) иждивенцы (дети и старики). Все они так или иначе работают, но «политические права» (голос на сходе) имеют лишь те, кто несёт экономическую ответственность.

Уточнение в это представление позволяют внести раскладочные приговоры с раскладочными перечнями. Раскладочный приговор сам по себе – это решение о том, на каких основаниях раскладывать налог. Притом от составителей приговора требовалось подтвердить, что налоги на самом деле разложены в соответствии с заявленным принципом (будь то по скоту, по запашке или по работникам). Для этого составлялись раскладочные перечни – поимённые списки, где для каждого плательщика указывалось число единиц обложения и сумма налога.

Архивы донесли до наших дней лишь малую часть раскладочных приговоров, ежегодно составлявшихся по всей стране десятками тысяч. Не все из сохранившихся сопровождаются раскладочными перечнями. Не все сохранившиеся перечни достаточно подробны, чтобы можно было судить о структуре деревни, отличать простых работников от домохозяев. Но те, что достаточно подробны, являют собой источник, равного которому нет. Даже подворная перепись, более обстоятельная по части хозяйственных признаков, не может сравниться с раскладочным приговором, поскольку не содержит сведений о плательщиках налога и о голосующих на сходе. Только

---

¹ Свод законов Российской империи: В пяти кн. Под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», [1912]. Кн. III. Т. IX. Особое приложение. С. 16.

раскладочный приговор (снабжённый подробным раскладочным перечнем) объединяет данные политические и экономические.

Таким образом, при изучении вопроса о механизме действия крестьянской общины раскладочные приговоры выступают как источник, сочетающий достоинства источников массовых и уникальных. Появление их вызвано одной и той же причиной, и шаблон документа включает ряд одинаковых сведений (число имеющих право голоса, число присутствовавших, основания раскладки), а шаблон явления (выбор оснований раскладки) обуславливает использование признаков из одного набора. Но каждый перечень содержит свои не обязательные «углубления», которые и позволяют нам размышлять над соотношением прав и обязанностей в том или ином случае.

Историки не раз присматривались к приговорам как источнику разнообразных сведений о крестьянской жизни¹. Наиболее ценные выводы принадлежат Г.А. Алексейченко, ученику И.Д. Ковальченко. В полном соответствии с источниковедческой теорией, Геннадий Алексеевич пишет о «необходимости комплексного анализа всех групп приговоров», поскольку «системный анализ данных всего приговорного комплекса служит основным средством повышения информативной отдачи источника», причём подчёркиваются «широкие и тесные связи приговоров с другими источниками крестьянского происхождения (жалобами, прошениями и др.)»². Не ограничиваясь абстрактными суждениями, автор применил свой комплексный метод к изучению выборов старост. Лежащие на поверхности данные из приговоров и жалоб, судя по скупым формулам автореферата диссертации, дополнялись анализом структуры деревни по именованным спискам дворов, получавших ссуды. Вероятно, эти перечни можно считать своего рода аналогом раскладочных перечней. Выходя за рамки собственного исследования, Алексейченко обратил внимание и на то, что «"старшие домохозяева" и "домохозяева, имеющие право голоса", как показывают подсчёты подписей и имён, далеко не идентичные понятия»³ – но не стал

---

¹ Котович Л.В. Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 80–91; Миненко Н.А. Массовая документация крестьянских общин как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1989. С. 55–67; Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии. // История СССР. 1981. № 6. С. 116–125.

² Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. ... к.и.н. (07.00.09). М., 1988. С. 19–20.

³ Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии. // История СССР. 1981. № 6. С. 120.

вдаваться в подробное изучение этого запутанного вопроса. Таким образом, историческая наука подошла вплотную к изучению механизма сельской власти с опорой на раскладочные приговоры.

Теперь наконец можно начать движение в этом направлении. Всё, что в данной книге сказано о раскладочных приговорах, опирается на изучение коллекции приговоров Томского уезда за начало XX в. Коллекция, хранящаяся в Государственном архиве Томской области, насчитывает более 1700 приговоров, писанных иногда чёткими, а иногда и неразборчивыми почерками волостных писарей. Число документов с достаточно подробными перечнями пока точно не установлено, но ясно, что оно на порядок меньше. Алёна Евгеньевна Панова во время работы над студенческой дипломной работой составила каталог этих приговоров и тем сделала возможным их планомерное, по волостям, изучение.

Составление полной базы данных по всей коллекции ещё впереди, но первые же сотни просмотренных приговоров показывают, что одно из часто используемых крестьянами оснований раскладки – годные работники. Число годных работников – больше, чем число голосующих дворохозяев (указанное в открывающей формуле приговора). Это логично согласуется с трёхъярусным устройством общества.

Но раскладочные перечни позволяют увидеть нечто неожиданное. Изучение раскладочных перечней достаточно подробное, чтобы «заглянуть в лицо» каждому плательщику и уяснить структуру общества – работа кропотливая, трудоёмкая. До сих пор она проделана лишь с отдельными приговорами. Но именно это «изучение под микроскопом» позволяет увидеть те явления, которые неразличимы при поверхностной обработке массовых документов.

Каждый плательщик записан в раскладочном перечне отдельной строкой: так мы узнаём число плательщиков. Это число, как правило, больше, чем число дворохозяев, обладающих правом голоса, но меньше, чем число годных работников. И это в трёхъярусную модель не вписывается.

Четыре яруса крестьянского общества

Выдвинутый тезис требует подтверждения. Возьмём первые попавшиеся раскладочные приговоры из томской подборки. Первый из них – приговор с. Уртама (волостной центр) за 1908 г.¹ В приговоре чётко указано число «домохозяев, имеющих право голоса на сходе»: 155 человек. Названо и общее число годных работников: 329. Ни с одним из этих показателей не совпадает число плательщиков – 291². За каждым плательщиком записана сумма налога, которую он обязан уплатить в течение года.

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 193. Л. 437–444.

² Уточнение: последний номер в списке – 292. Но есть два сбоя: пропущен номер 105; заметив это, писарь поставил два 107-х – значит, для него номер не увязан с определённым человеком и выполняет техническую задачу нумерации данного отдельно взятого списка; пропущен также номер 258, и эта ошибка не исправлена.

Из этих данных уже очевидно, что есть люди, которые налоги платят, а на сходе не голосуют. Их много: $291 - 155 = 136$. Почти столько же, сколько имеющих право голоса на сходе. Принцип соответствия политических прав и экономической ответственности поколеблен.

Попробуем понять, чем различаются плательщики с правом голоса и безгласные плательщики. Предположение о «полугодных работниках» отпадает: 28 «малолетков» 15- и 16-летнего возраста здесь выписаны в отдельный список. Также отдельно учитываются 12 переселенцев («разночинцев», по обычному для Томского уезда выражению) и 17 ссыльнопоселенцев («крестьяне из ссыльных, пользующиеся угодьями»).

Предполагая, что наличие права голоса связано с внутренней структурой общества, попробуем выделить в нём разные группы, исходя из указанных в раскладочном перечне данных. Для каждого из плательщиков показано число: годных работников, десятин посева, голов скота. Бросается в глаза, что 40 плательщиков не имеют за собой ни одного годного работника. Они платят налоги и имеют то или иное хозяйство (либо скот, либо скот + пашня), но не имеют годных работников. Возможные объяснения – это старики, хозяйство которых ведут родственники или батраки, либо женщины при малых детях (женщин в этом списке четыре). Между прочим, из этого подсчёта видно, что все 329 годных работников расписаны на 251 плательщика ($291 - 40 = 251$); превышение составляет 78 человек. Эти 78 – те, кто записан за кем-то (за теми плательщиками, у кого значится 2, 3, 5 годных работников). Про них мы не знаем ничего, даже имён. Очевидно, эти «безымянные работники», хотя и перешагнули 16-летний рубеж (в отличие от малолетков, на них накладывают полный оклад), не играют никакой самостоятельной роли.

Итак, 251 плательщик имеет за собой одного или нескольких годных работников, в т.ч. 64 человека – 2 или более работников. Ни одна из этих цифр не объясняет нам, почему голосуют именно 155 человек, так что продолжим разбор показателей. Знарок пореформенной общины, составитель пяти документальных сборников с крестьянскими приговорами Л.И. Кучумова пишет, что право голоса на сходе ограничивалось для безземельных крестьян¹. Проверим этот признак. Среди 291 плательщика есть 120 крестьян, за которыми не числится ни одной десятины земли, хотя зачастую числятся лошади, коровы, овцы. Это разные люди. Судя по фамильным кустам, здесь могли бы быть взрослые дети или младшие братья, работающие в хозяйстве «большака» (можно предположить, что из числа «безымянных работников» они выбились, например, за счёт женитьбы). Могли быть старики – те, у кого нет ни одного годного работника. Могли быть батраки или промысловики: многие не имеющие земли не входят (судя по фамилиям) в фамильные кусты; в отсутствие хозяйства какой-то источник заработка им необходим. Широкое использование промысловых заработков

---

¹ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М.: Знание, 1992. С. 34.

логично сочеталось бы со способом раскладки, принятым Уртамским обществом: много кладётся на душу (4,27 руб.) и мало – на хозяйственные признаки (овцы – по 10 коп., лошади и коровы – по 65 коп., десятины пашни – по 50 коп.). Впрочем, такая раскладка может означать и просто преобладание на сходе зажиточных крестьян.

Как бы то ни было, обнаружение безземельных плательщиков нас не спасает. Считаем: $291-120=171$. Это больше, чем число голосующих. Значит, голосуют не только те, за кем записана пашня. Попробуем учесть все признаки неполноценного хозяйства: 1) есть годный работник, но нет хозяйства – 25 человек («плательщики без хозяйства»); 2) есть годный работник, есть скот, но нет земли – 66 крестьян («беспашенные плательщики»); 3) нет годных работников, но есть земля – 11 плательщиков («старички-хозяева»); 4) нет годных работников, нет земли, но есть скот – 29 плательщиков, в т.ч. 4 женщины («безземельные старички и вдовы»). За вычетом всех перечисленных «хозяйственно неполноценных» групп остаётся 160 плательщиков, имеющих одного или более годных работников и землю. Это близко к числу имеющих право голоса (155), но всё-таки полного соответствия нет.

Возможно, вычисления с точностью до единицы на основе приговоров не обязательны. Перечисляя основания раскладки, Уртамский сход устанавливает: «на годных работников с добровольно согласившихся платить 329 чел». Вообще-то «годный работник» – понятие, строго зависящее от возраста, добровольность здесь ни при чём. По-видимому, приведённое выражение намекает на то, что некоторые старички, кто по возрасту уже мог бы и выйти из числа годных работников, всё же изъявили желание участвовать в платежах. Вот пример того, как система объективных показателей дополняется субъективными составляющими, не указанными явно.

Как бы то ни было, анализ только хозяйственной структуры не позволяет точно установить основание, по которому часть плательщиков отодвинута от голосования. Однако ясно, что трёхъярусная система неточна. Помимо иждивенцев, голосующих дворохозяев и зависимых работников, существует группа тех, кто ответственность по налогам несёт (в отличие от зависимых работников), но не голосует. Получается четырёхъярусная система.

Семейная структура и хозяйственные признаки

Остаётся вопрос: в чём разница между 2-м и 1-м ярусом этой системы, между 2-м и 3-м? Дополнительные сведения к размышлению над этим вопросом нам дадут другие раскладочные приговоры. Возьмём Приговор Батурина схода от 14 марта 1904 года о раскладке казённых, мирских, ямских и церковно-приходских сборов¹.

Перечень плательщиков здесь разбит на две группы: «Крестьяне деревни Батуриной и др. селений Уртамской волости» (№ 1–173) и «Разночинцы,

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 175. Л. 189–202.

проживающие среди Батуринаского сельского общества и занимающиеся земледелием» (№ 174–211). Для «разночинцев», в отличие от большинства, не показаны никакие хозяйственные показатели, а только сумма в рублях, у каждого – своя, без обоснования. Однако в приговоре сказано, что «по примеру прошлого года и в виду значительно возросших» налогов часть суммы решили «разложить на лиц, не принадлежащих к составу нашего общества, но проживающих в оном издавна и пользующихся нашими земельными угодьями, сообразно с экономическим и семейным положением каждого». Ясно, что речь идёт о непричисленных переселенцах. Таким образом, мы можем быть уверены, что в основном списке переселенцев нет. Обратимся к его разбору.

Итак, число плательщиков, членов общества – 173, имеющих голос на сходе – 93. Число плательщиков, не имеющих годных работников – 46, имеющих по одному работнику – 127¹, больше одного годного работника ни за кем не записано.

Батуринаская таблица содержит полезную графу, которой не было в уртамском приговоре. После вычисления итога платежей «по плательщику» в следующей колонке подводится ещё итог «по семейству», причём в некоторых случаях используется объединяющая скобка. Например, Байгуловым в графе «по плательщику» начислено: Сергею Михайловичу (30 лет, годный работник, есть пашня, покос и скот) – 18,25 руб., Адриану Михайловичу (26 лет, годный работник, есть покос) – 9,62 р., Алексею Михайловичу (16 лет, нет годных работников, есть покос) – 9,62 р. Все трое объединяются скобкой, и в графе «по семейству» указано только одно число: 37,49 руб. В других случаях «семейство» занимает лишь одну строку и целиком завязано на одного человека из списка. У всех «семейств», объединённых под скобками, есть общая черта: хозяйство записывается только за одним представителем «семейства». У прочих нет не только пашни, но и скота. Всего «семейств» в основном (не считая переселенцев) перечне указано 125 (включая сюда как семейства из нескольких плательщиков под одной скобкой, так и плательщиков-одиночек).

Пашня явно не является признаком домохозяйства: лишь 68 плательщиков из списка числят за собой пахотные десятины. Но скот есть, как правило, даже в «семействах» без годных работников. Исключение из этого правила составляют 19 плательщиков, записанные отдельными семьями, но не имеющие никакого хозяйства². В каких-то случаях, возможно, писарь забыл поставить скобку: так, Иона Андреевич Вторушин (№ 24, 18 лет, годный работник), по всей видимости, живёт вместе с отцом Андреем Егоровичем Вторушиным (№ 23, 56 лет), который уже не является годным работником, но зато у него есть корова. С другой стороны, есть люди, не имеющие в списке

---

¹ В строке «Итого» годных работников показано 133, но это противоречит постраничным записям.

² № 14, 19, 20, 21, 22, 24, 29, 30, 34, 48, 120, 121, 129, 136, 137, 158, 164, 170, 172.

однофамильцев (№ 14, Николай Александрович Борзов). Можно предположить, что Борзов и подобные ему – батраки, не имеющие своего хозяйства, и возможно, даже живущие в доме нанимателя. Однако даже если исключить из числа домохозяев всех 19 человек, остаётся 106 глав «семейств», у которых есть какое-никакое хозяйство. Очевидно, их надо считать домохозяевами. Значит, около 10 % батуриных домохозяев на сходе не голосуют.

Батуринский приговор подтверждает вывод о четырёхъярусном устройстве крестьянского общества и усиливает его (более значительна разница между числом голосующих и числом домохозяев), а также даёт некоторые факты для размышления о причинах отстранения части домохозяев от голосования. Видно, что наличие пашни, как минимум, не является единственным условием для получения права голоса на сходе (число голосов на сходе на треть превосходит число земельных наделов). Обладание же домохозяйством (судя по наличию скота) не является достаточным условием: 12 % домохозяев на сходе не голосуют.

Крестьянские подписи: верить или не верить

Этот вывод можно было бы существенно уточнить, если отдельно разобрать подписи к приговорам. По Батуринскому обществу за 1904 год у нас их есть даже два, с разницей в несколько месяцев (основной набор налогов + ямской сбор). Каждый приговор заключается стандартной (хотя и с вариациями) формулой: «в чём и подписуемся», и далее – перечень имён всех, кто был на сходе. Явка на сходы, как правило, далека от 100 %, так что подписи не дают полного перечня голосующих. Но и те, что есть, дают любопытный результат.

Прежде всего, среди подписавших приговор оказывается довольно много плательщиков без пашни. Тех из них, кто записан в составе семейных гнёзд (под скобкой), мы не будем учитывать: они могли выступать не как полноценные участники, а как представители своих хозяйств (в условиях, когда старший занят или болен). Но есть люди, которые точно представителями полноценных хозяйств выступить не могли. Семеро плательщиков не имеют пашни, хотя имеют скот:

№ 25. Вторушин Иван Андреевич, 29 лет, с ним рядом записаны, но не объединены скобкой его (судя по именам и по возрасту) брат и отец, также не имеющие пашни; других Вторушиных в деревне нет.

№ 28. Гостевский Иван Назарович, 27 лет, один из трёх братьев (не самый старший; других Гостевских в деревне нет).

№ 32. Ебреев Муларран, 29 лет (объединён скобкой с Ебреевым Девлетом 16-ти лет, пашни у того тоже нет, и других однофамильцев нет).

№ 108. Милютин Илья Яковлевич, 41 год (однофамильцев нет).

№ 135. Сермягин Василий Андреевич, 26 лет (однофамильцев нет)

№ 151. Трубачев Алексей Никитич, 47 лет (записан, судя по имени и возрасту, под скобкой с сыном, у которого пашни тоже нет; других однофамильцев нет).

№ 171. Шубин Парфён Митрофанович, 60 лет (у этого нет даже годных работников, и нет однофамильцев).

Наконец, № 34, Егоров Яков Филиппович (39 лет, однофамильцев нет) не имеет ни пашни, ни скота, но тоже указан в перечне подписавших приговор.

При таком раскладе наш предыдущий вывод усугубляется: собственное хозяйство не только не является достаточным, но даже не является обязательным для получения права голоса на сходе. Это заключение не противоречит Уртамскому перечню, где тоже иной раз голосуют безземельные (хотя и имеющие однофамильцев, т.е., возможно, выступающие представителями хозяйств),

Однако сам способ доказательства по подписям ставится под сомнение приговором Дубровинского сельского схода Ояшинской волости от 10 марта 1907¹. Для начала – общее описание раскладки. Раскладывают оброчную подать и земский сбор. На сходе были «от 112 человек, в числе 75 имеющих право голоса на сходе». Разложили «на 163 души, смотря по состоянию каждого плательщика и соображаясь с льготами». В перечне плательщиков – 175 номеров. Иногда вписываются даже не являющиеся годными работниками (старики при взрослых детях или юноши при родителях), которым и оклада-то не назначают: только фамилия, имя, отчество и возраст. Очевидно, что с точки зрения раскладки как таковой писать их бессмысленно, и запись продиктована стремлением более точно отразить состав семейств.

Для некоторых соседних имён оклад записан по отдельности, а хозяйственные признаки – общие (после скобки). Число платёжных единиц с учётом объединяющих скобок – 140. Посев, будь то яровой или озимый (они показаны по отдельности), присутствует в виде исключения – у 37 плательщиков. Для каждого плательщика аккуратно заполнена графа «ремесло, служба и другие роды занятий», причём у большинства это – «чёрнорабочий», лишь изредка попадает «хлебопашество».

В целом реестр этот менее толково составлен, чем предыдущие. Но видно уже знакомое нам расхождение чисел: годные работники (163) – платёжные единицы (140) – голосующие на сходе (112). Перечень подписей даёт необычный результат: в числе голосующих иногда оказываются сразу оба записанных под одной скобкой: № 25 и 26 – Грязины: Василий Александрович (58 лет) и Алексей Васильевич (29 лет); № 50 и 51 – Козловы: Калистрат Никанорович (58 лет) и Семён Калистратович (26 лет); № 60, 61, 62 – Компанченко: Никон (52 года), Антон Никонович (23), Сергей Никонович (24 года); № 64 и 65 – Леонтьевы: Роман Николаевич (38 лет) и Пётр Романович (18 лет); № 73 и 74 – Москвины: Михаил Семёнович (23) и Павел Семёнович (20 лет); № 99, 100, 101 – Поморцевы: Фёдор Иванович (60 лет),

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 215. Л. 106–114 об.

Иван Фёдорович (22), Павел Фёдорович (22 года); № 119, 120 – Пановы: Василий Гаврилович (19) и Михаил Гаврилович (30). Казалось бы, раз они представляют одно семейство, одно дворохозяйство, то и голосовать должен один человек. То, что мы видим в дубровинском перечне, ставит эту мысль под сомнение.

Однако в конце списка подписей нас ожидает новая неожиданность: выстроенный в алфавитном порядке список завершается на букве «Р». На 127 первых номеров списка приходится 74 голосующих: больше, чем каждый второй. Последний подписант приходится на 12 человек, фамилии которых начинаются с буквы «Р». Среди последних 36 плательщиков с фамилиями от С до Я – ни одной подписи. При этом число 75 как раз составляет минимум, необходимый при кворуме в 2/3 от 112 участников, имеющих право голоса. Это сочетание фактов имеет только одно логичное объяснение: в качестве присутствующих староста и писарь записали случайных людей, идя по списку плательщиков. Чтобы соблюсти правдоподобие, надо было часть фамилий пропускать, и писарь это делал, но рассчитал неточно, и необходимые фамилии были набраны раньше, чем кончился список. Но утруждать себя выписыванием лишних фамилий, лишь бы только соблюсти правдоподобие, писарь не хотел, да и число «присутствующих» уже в начале приговора было указано, не исправлять же документ. Поэтому писарь и остановился на букве «Р». Следовательно, этот приговор не позволяет узнать не только, кто именно присутствовал на сходе, но даже – сколько было участников схода. «Открытие» о возможности голосования для обоих людей «под скобкой» не действует.

Хуже того, этот случай ставит под сомнение возможность доверять подписям под всеми вообще приговорами. Правда, в других случаях подписи распределяются более равномерно, но нельзя исключить, что речь идёт просто о более аккуратной фальсификации.

С другой стороны, не часто, но регулярно встречаются приговоры с удивительной, на первый взгляд, особенностью: в стандартной открывающей формуле не указано число присутствовавших на сходе, но указано, что это составляет не менее 2/3 всего состава правомочных участников. Возьмём пример (сохранены знаки препинания, точнее – их отсутствие): «1908 года 23 марта мы нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии и уезда Ново-Кусковской волости Ломовицкого сельского общества от состоящих в нашем обществе 65 домохозяев куда явилось человек что и составляет 2/3 голосов нашего схода, где нам было прочитано предписание...» (и так далее)¹. Ясно, что между «явилось» и человек» пропущено число (в некоторых случаях под него оставлено пустое место в строке). Объяснение может быть только одно: его просто забыли вписать. Чтобы не тратить время схода, писарь заранее заготовил открывающую формулу (до слова «постановили», или «приговорили»). Число 2/3 (часто пишут более близко к формуле закона – «не

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 195. Л. 573.

менее $2/3$ ») тоже было известно заранее: если бы собралось меньше $2/3$, сход просто был бы неправомерен; приговор, в котором не записано о наличии $2/3$, не имел бы законной силы¹. Из всей открывающей формулы не было известно заранее только число присутствующих на сходе, и в этом месте писарь сделал пропуск. Но такое имеет смысл только в одном случае: он собирался указать действительное число пришедших. Пропущенное число пришедших – несомненное доказательство подлинности этого числа во многих случаях.

Впрочем, это не обязательно означает достоверность подписей. Указав правильное число пришедших, писарь мог затем имена переписать из перечня плательщиков: всё равно крестьяне в большинстве своём были неграмотны и сами не расписывались. «А за них неграмотных по их личной просьбе и за себя расписался...» – такова, с вариациями, обычная формула заключительной части документа.

Сухой остаток рассуждений о подписях состоит в том, что подписи к приговорам нельзя считать обязательно ложными, но и основывать на них выводы без веских доводов в пользу подлинности данного приговора было бы неосторожно.

Отстающая перестройка

Таким образом, если говорить о достоверных выводах, мы возвращаемся к тому, о чём говорилось раньше: рассмотрение раскладочных приговоров доказывает, что по отношению к налогам в системе крестьянской демократии выделяются не три, а четыре уровня: иждивенцы (не учитываются никак), годные работники (учитываемые в качестве показателя платёжеспособности), рядовые плательщики (не голосующие), плательщики с правом голоса на сходе. При этом предоставление плательщикам права голоса не определяется исключительно ни наличием отдельного домохозяйства, определяемого по наличию скота (не всякий домохозяин имеет право голоса), ни наличием пашни (может голосовать и не имеющий пашни). Эту систему мы видим как в эпоху круговой поруки (Батурина, 1904 г.), так и после (Уртам, 1908 г.).

Можно предположить, что такая неясная система связана с постепенностью приобретения молодыми крестьянами «политических» прав, а также с использованием разных показателей влияния человека. Часть их может быть не связана с хозяйством (например: наличие жены), для выявления таких показателей полезно привлечение более широкого круга приговоров. Другие и вовсе могут не поддаваться формализации (например, отношения с живущим отдельно отцом, бывшим «большаком»). Последнее предположение кажется вероятным с учётом той субъективности в привлечении крестьян к голосованию на сходе, которую отмечает Л.И. Кучумова. Кратко подытоживая в популярном очерке свою многолетнюю работу с крестьянскими

---

¹ Изредка такие составлялись, но только по неведению; в данном случае писарь был грамотный.

приговорами, она говорит о местных различиях в решении вопроса о праве голоса у женщин. Отмечает случаи переменного статуса: вопрос о голосовании безземельных общинников «решался в каждом конкретном случае». Отмечает возрастную дискриминацию: «главы молодых семей, которые поначалу получали от мира половину положенного надела (ввиду недостатка земли в общине), по существу теряли право голоса, и это положение было отступлением от законодательства»¹. Одним словом, определение имеющих право голоса было слишком важным вопросом, чтобы действовать строго по инструкции. Жизнь вообще, а тем более – жизнь в начале XX в. была слишком разнообразной, чтобы увязывать право голоса с одним или даже двумя жёстко заданными показателями.

Как бы ни объяснять подробности устройства 4-ярусной системы, ясно, что её значение должно было существенно измениться в начале века. Если ответственность только за налоги не считалась достаточной для получения права голоса на сходе, то это можно было считать логичным для XIX века. В случае провала одного с уплатой налогов ему – по круговой поруке – были обязаны помочь все.

Но введение единоличной ответственности по налоговым платежам существенно повысило роль именно «безгласных плательщиков». Обеспечивая выполнение общиной едва ли не самой тяжкой задачи общества, каждый плательщик только сам теперь отвечает за уплату определённой ему суммы, только своим имуществом рискует в случае недоимки.

У «безгласных плательщиков» появилась новая, существенно важная для их общины, обязанность. Однако расширение обязанностей не сочеталось с расширением прав: на сходе их голоса по-прежнему не учитывались. Следовательно, отмена круговой поруки создала противоречие между допуском к правам и распределением обязанностей. Возникла объективная предпосылка для расширения круга участников системы крестьянского самоуправления, для уменьшения её элитарности и увеличения её демократизма.

В свою очередь, отмена круговой поруки и требование единоличного учёта облагаемой базы крестьян были обусловлены уже очевидным расслоением крестьян в частности и плательщиков вообще. Для руководителей Минфина было ясно, что увеличение налогов должно происходить не равномерно, а за счёт богатых слоёв общества, вот почему так настойчиво ставился в начале XX в. вопрос о подоходном налоге. Взаимное влияние материального прогресса и политического развития в случае с общиной оказалось опосредовано государственным регулированием.

---

¹ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М.: Знание, 1992. С. 32–35.

Глава 13.

**Крестьяне против крестьян:
внутриобщинные конфликты вокруг раскладок**

Пытаясь в предыдущей главе определить различие между голосующими и не голосующими налогоплательщиками, мы как будто подразумевали, что сами эти группы внутренне однородны.

Пора спуститься ещё на ступеньку вглубь тайны крестьянских раскладок, чтобы убедиться, что это совсем не так. Обычное в раскладочным приговорах выражение «единогласно приговорили» – не более чем часть приговорного шаблона. Он отсекает ненужное для чиновников: неважно, о чём спорили, лишь бы в итоге все дали обязательство платить. Но если мы рассматриваем крестьянское общество (общину) как раскладочный механизм, то важно как раз отсекаемое: какие группы боролись на сходе, о чём шёл спор?

Души против скота. Богатые против бедных

В большинстве случаев – там, где писарь и староста добросовестно соблюдали шаблон – мы этого уже не узнаем. Но есть исключения. То ли накал обсуждения оказывался чересчур высок, то ли староста беспокоился насчёт убедительности обоснования принятого решения, но иногда сам приговор хранит следы, позволяющие восстановить произошедшее на сходе.

Один из таких – приговор селения с необычным названием Ущерпское за 22 сентября 1906 г. В фонде податного инспектора сохранилась не только, как обычно, копия этого документа, но и вторая копия и даже подлинник. Исключительный случай, очевидно, привлёк внимание инспектора.

От 90 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, присутствовало 69 человек. Обсуждали раскладку местных сборов 2-й половины года на сумму 352 руб. 92,5 коп. Постановили «разложить на лошадей и коров поровну на 388 шт.». К приговору приложен раскладочный перечень, включающий 105 плательщиков. Для каждого указано число лошадей и коров, указана сумма платежа.

Однако на обороте того самого листа, который заверен печатью старосты и подписью писаря, находим неожиданное продолжение. «1906 года Ноября 4 дня. Мы нижеподписавшиеся <...> по предъявленному нам раскладу значащемуся по настоящему приговору, за № 10, не соглашаемся принять настоящий расклад, а равно не желаем платить положенную на нас сумму за 2 половину 1906 года. В чём и подписуемся...». Далее следуют подписи 13 человек, «неподложность» которых «удостоверяется» печатью старосты.

Сама по себе отказная формулировка мало что объясняет, но между строк вписано дополнение. Более тёмными чернилами, другим почерком уточняется причина отказа: «Потому что первая половина была разложена по душам, а вторая разложена на имеющи[йся] скот, расклад этот они не принимают». Таким образом, всё это очень напоминает противостояние между богатыми и бедными. Бедные постановили раскладывать так, чтобы больше платили

обладатели многих голов скота; меньшинство же требует взимать одинаковую сумму и с бедного работника, и с богатого.

Почему бедным удалось победить? Логично предположить: они оказались более многочисленны. Однако полгода спустя мы можем наблюдать следующий шаг в этой истории. В феврале следующего года Ущерпский сход раскладывал мирские сборы за 1-е полугодие 1907 г.¹ Ажиотажа на сходе вновь не наблюдалось (записано о присутствии 65 человек из 90). Мирские сборы за 1-е полугодие 1907 г. (на сумму 622 руб. 40,5 коп.) были разложены комбинированным образом: 161 руб. – на коров и лошадей, 461 р. – «на работников по рассмотрению общества от 12 лет до 80 лет»; при этом на корову положили по 25 коп., на лошадь – по 50 коп., а на работника – по 2,5 руб. (число плательщиков за полгода выросло до 119; на них приходилось 185 годных работников). Таким образом, имущественная составляющая была сведена до четверти всей суммы, а три четверти были разложены по тому принципу, которого требовало октябрьское меньшинство.

Для окончательности суждений хорошо было бы иметь ещё приговоры за 1-ю половину 1906 года и 2-ю – 1907-го. Однако и без этого само наличие юридически оформленного конфликта в октябре 1906-го показывает нам, что речь не идёт об устоявшейся системе с чередованием принципов раскладки между двумя половинами года. В 1906 г. происходила борьба за перемену существующего положения (раскладка по работникам), и богатые оказались достаточно сильны, чтобы в начале 1907 г. вернуть преобладание желанного для них принципа. Тогда почему полугодом ранее они оказались для этого недостаточно сильны?

Может быть, у них по каким-то причинам просто не было возможности присутствовать на сходе? Но 9 из 13 подписавшихся² под протестом³ двумя неделями ранее подписали и основной приговор (тот самый, который затем отказались выполнять). Объяснением могла бы служить подделка протокола. Может быть, староста и писарь обсудили вопрос только с бедняками, а фамилии богатых (ни один из которых не был грамотным и не подписывался собственноручно) вписали «для массовки», чтобы достигнуть необходимого по закону кворума в 2/3 имеющих право голоса?

Это предположение тоже неверно. Если бы староста устраивал «заговор против богатых», то он должен был бы рассчитывать на их противодействие, и уж их имена в протокол не вписывать. Притом два из тринадцати «протестантов» (Кузьма Колбас и Яков Колбас) – однофамильцы и наверняка

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 183. Л. 645–649 об.; датируется по сопроводительному письму (л. 644).

² Для простоты будем использовать этот глагол, хотя все «протестанты» были неграмотными, за них расписались их односельчане, которые, при этом, избегли стандартной формулы «за них неграмотных и за себя расписались» и таким образом отмежевались от личного участия в протесте.

³ Борисенко Исаак, Булдаков Маркел, Григорьев Михаил, Козин Петр, Колбас Яков, Корненков Петр, Новиков Роман, Соловцов Данил, Тимошенко Влас.

родственники старосты Тимофея Колбаса, а Яков – даже официальный помощник сельского старосты.

Усложнение модели: тонкости сельской политики

Выбраться из тупика помогают цифры. Оба приговора (и 1906, и 1907 года) снабжены раскладочными перечнями, которые содержат сведения, подкрепляющие обоснованность начислений для каждого из плательщиков. Благодаря этому мы можем проверить, кто из активистов противоборства чем располагает в хозяйственном отношении. Прежде всего, уясним общую картину на тот момент, когда разгорелась борьба.

Таблица. Число скота у плательщиков Ущерпского селения по приговору 22 сентября 1906 г.

число голов скота в хозяйстве:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	11
число таких плательщиков:	4	19	33	23	16	4	3	1	1	1

Довольно явно выделяются самая многочисленная группа (по 3 головы имеет 31 % всех плательщиков) и «второй эшелон»: 2, 4 и 5 голов на плательщика. Очевидно, что обладатели двух и менее голов сами по себе политической роли играть не могут, и способны чего-либо добиться только в союзе с обладателями 3 голов¹. Учитывая ту «двуцветную» картину борьбы, которую мы видели выше, выделим две ведущие группы для данного селения. Будем считать для данного селения бедными имеющих от 1 до 3 голов скота, богатыми – 4 и более голов. При этом всё же надо учесть, что обладание 4 или 5 головами скота для жителей Ущерпского – дело обычное; немногочисленные владельцы 6 и более голов выделяются на общем фоне. Поскольку влияние особенно богатых людей может далеко выходить за рамки собственного голоса, обособим их в качестве третьей группы – «сверхбогатые».

Выясняется, что среди 13 борцов за раскладку по годным работникам к первой группе относятся трое: Михаил Григорьев, Роман Новиков (по 2 головы скота), Ермолай (Ермак) Новиков (3). Ко второй – девятеро: Петр Козин, Петр Корненков, Данил Соловцов (по 4), Павел Соловцов, Влас Тимошенко, Александр Молякко, Маркел Булдаков (Балдаков), Яков и Кузьма Колбасы (по 5). Исаак Борисенко с 6 головами скота относится к «сверхбогатым».

Преобладание здесь богатых логично. Удивляют следующие вещи.

¹ Надо при этом учитывать, что число плательщиков в сентябре 1906 г. на 15 (а через полгода – и на 29) превосходит число имеющих право голоса на сходе. Сопоставление двух списков показывает, что прирост списка происходит за счёт слабых хозяйств; логично, что именно они и устраняются от голосования. То есть: среди имеющих право голоса доля зажиточных ещё выше, чем показывают приводимые цифры.

1) Наличие трёх «бедняков», из которых только один – с тремя, а другие – с двумя головами скота. Учитывая незначительность этого исключения (лишь 3 из 56 бедняков), его можно объяснить особыми обстоятельствами (родственные связи с богачами, материальная зависимость).

2) «Внутрисемейные баррикады». Они затронули: Григорьевых (Михаил подписал протест, Яков (Аверьян) – только основной приговор), Колбасов (две подписи под протестом, шесть – только под приговором), Молявко (1 против 2), Новиковых (2 против 2). Пожалуй, это можно было бы объяснить тем, что родственные корни не обязательно означают близкие отношения (хотя многочисленность Колбасов в сочетании с их административным преобладанием наводит на мысль, что они выступают как единый клан). Но главное – третье обстоятельство.

3) Почти полное отсутствие «сверхбогатых» в числе протестующих (лишь 1 из 10 «сверхбогачей»). Феодор Скворцов и Даниил Верхозин (по 7 голов скота) не упомянуты ни в одном из приговоров, большинство же (7 из 10 «сверхбогатых») поддержало раскладку по скоту – в том числе и Меркурий Кузнецов с 8 головами скота, и Федор Прохоренко (9), и крупнейший скотовладелец селения Иван Михасенок (Миханок). Здесь уже нельзя отговориться случайностями. Трактовка происходящего как противоборства между богатыми и бедными оказывается под сомнением.

Разрешить противоречие помогают данные о числе годных работников. Они есть только для начала 1907 г., но сохранение числа имеющих право голоса на сходе (90) и умеренное (со 105 до 119) изменение числа плательщиков показывает, что погрешность здесь не должна быть значительна, ею можно пренебречь. Выяснение числа годных работников для протестантов показывает, что большинство из них (8 чел.) располагает лишь одним работником, и ни у кого нет более чем двух работников (таковых трое). Зато «отмолчавшиеся сверхбогачи» имеют кто двух работников (Игнатий Алихвер, Леон Колбас, Феодор Скворцов), кто трёх (Михаил Колбас, Евграф Ковалев,) а кто и больше (Федор Прохоренко – 4,5, Меркурий Кузнецов и Иван Михасенок – по 5), и только у Даниила Верхозина – 1,5 работника. Половины годных работников не должны нас удивлять: это следствие распространённой привычки выделять, помимо полноценных работников, ещё небольшую прослойку «полугодных работников» (молодые, иногда – ещё и старики).

Насколько типичны приведённые выше цифры количества работников? Посмотрим сводные данные по селению.

Таблица. Число годных работников у плательщиков Ущёрского селения по приговору февраля 1907 г.

число работников в хозяйстве:	0	0,5	1	1,5	2	2,5	3	3,5	4,5	5
число таких плательщиков:	2	1	64	8	26	5	9	1	1	2

Как видим, больше половины (64 из 119) плательщиков – это те, кто привык обходиться силами одного мужчины. Таким образом, октябрьские «бунтари» – представители хозяйств типичных по численности. Но сочетание низкой численности работников и значительной численности скота резко противопоставило их раскладочный интерес интересу многих. При той перекройке раскладки, которая произошла в феврале, богатые, имеющие мало работников, выиграли, а бедные с более чем одним работником – проиграли. Например, с Ивана Блин(к)ова (2 работника, 2 скотины) по сентябрьской раскладке причиталось 0,48 % всей суммы (1,82 р.), а по февральской – 0,96 % (6 р.). Зато Яков Колбас, один из получателей наибольшей выгоды, перешёл с 1,29 % на 0,72 % (с 4,55 р. на 4,5 р.).

При этом для многих переход от одной формулы к другой оказался не очень важен. Не все бедняки существенно проиграли от перемен. Так, доля Трофима Лукашова с 1 работником и 2 головами скота была 0,48 % (1,82 р.), а стала 0,52 % (3,25 р.). Главный богач (по числу скота) Михасенок по раскладке 2-й половины 1906 г. платил 2,86 % (10,01 р.), а по раскладке 1-й половины 1907 г. – 2,69 % (16,75 р.). Леон Колбас, не ставший со своими 6 скотинами бороться за передел, перешёл с 1,54 % на 1,25 % (с 5,46 р. на 7,75 р.) – надо полагать, что такое понижение налога было для него хотя и приятно, но не критично. «Сверхбогач» Феодор Прохоренко платил 2,32 % (8,19 р.), а стал платить 2,37 % (14,75 р.). При этом более заметно вырос платеж записанного рядом с ним Романа Прохоренко – с 0,48 % до 0,92 % (с 1,82 р. до 5,75 р.); однако по сумме двух родственных хозяйств рост получается не впечатляющим (3,29 % вместо 2,8 %).

Таким образом, в борьбе по поводу раскладок, с одной стороны, чётко проявляется материальный интерес, отражается разделение на более богатых и более бедных. Мы видим, что более богатые настойчиво борются за переложение части платежей на плечи более бедных, и им это удаётся. С другой стороны, прямолинейное противопоставление бедных и богатых не работает: оказывается, что застрельщиками передела выступают не самые богатые участники процесса, а лишь часть зажиточных; что некоторые ещё более богатые при этом теряют (а некоторые бедные – не теряют).

Помимо «объективного» разделения на богатых и бедных, большую роль в исходе противоборства играли дополнительные обстоятельства. Таким обстоятельством могла быть клановость (прежде всего, по семейному признаку), или причастность к официальной власти, хотя бы на сельском уровне; перечень наверняка можно продолжить.

Всё изложенное соответствует представлению об общине как орудии, закрепляющем преобладание зажиточной части. Однако способы этого закрепления оказываются не прямолинейными; победа на сходе требовала и настойчивости, и юридической грамотности, и умения предложить решение, приемлемое для большинства, и наличия доводов в пользу справедливости своих притязаний. Сельский сход был не пешкой в чьих-то руках, но действительно органом самоуправления.

Глава 14.

**Что такое справедливость: крестьяне против чиновников
в борьбе за основания раскладки**

Выяснив механизм действия схода как раскладчика податей, пора перейти к главному – к обзору результатов его работы по этой части. Одно из ключевых отличий сельского схода от городских раскладочных присутствий – право самостоятельно выбирать основания раскладки налогов. Именно основания раскладки привлекали наибольшее внимание чиновников, надзиравших за податным делом. И именно отношения чиновников с крестьянами оказываются полем для выводов, важных с точки зрения эволюции податной системы в целом.

*От ревизской души к годному работнику:
наблюдения статистиков*

Проблема доверия раскладки налогов крестьянской общине с точки зрения чиновников не сводится к проблеме крестьянской честности. Это и ещё и проблема правильности методов раскладки. Если богатому и бедному назначается одинаковая сумма, то хотя законы и соблюдены, создаётся риск чрезмерного отягощения части плательщиков. Отсюда вытекает опасность не только накопления налоговых недоимок, но и, ещё хуже, разорения слабых хозяйств.

Вот почему уже в 1880-е гг. основания раскладки, используемые сибирскими крестьянами, становились предметом специального изучения группы статистиков. По итогам их работ были изданы многотомные «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». Томский округ (так до 1898 г. назывались в Сибири уезды) изучали два человека.

С.П. Каффка, изучавший юго-западную часть Томского округа, в налоговом разделе своей работы обратил первоочередное внимание на недоимки. Автор был уверен, что главная их причина – «неправильные податные раскладки, так как до последнего времени платежи ложились не на положительную ценность, т.е. на имущество и на рабочие руки, а на фиктивную "душу"»¹. Каффка пояснил, что в изученных волостях используются раскладки по «живым ревизским душам» и по «наличным ревизским душам»; притом последний способ лучше обеспечивает отсутствие недоимок, тогда как первый создаёт для них предпосылку. Ни одно из этих двух понятий не соответствует понятию ревизской души в его строгом смысле (любой, кто учтён в переписи, будь то живой или мёртвый). Оба приведённых

---

¹ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XV. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев юго-западной части Томского округа Томской губернии. Исследование С.П. Каффки. СПб, 1892. С. 221–222.

Кафкой понятия показывают движение крестьянских раскладок от обложения ревизской души как учётной единицы к обложению рабочей силы. В то же время, мы видим и предел этого продвижения: даже формулировка «годный работник» ещё не используется.

А.А. Кауфман, на долю которого достались восточная часть Томского округа и северо-западная часть Мариинского округа, обнаружил подведомственные ему общины в состоянии постепенного вытеснения ревизской раскладки раскладкой трудовой. Крестьяне, пишет Кауфман, долго после последней ревизии (1857 г.) верили в обязательность ревизских сказок, «и только последовавшим в начале восьмидесятых годов разъяснением со стороны местного начальства удалось поколебать эту веру, да и то – удалось не вполне. И до настоящего времени *начало обложения рабочей силы, несомненно доминирующее теперь в раскладочных порядках исследованного края, ещё не окончательно вытеснило ревизский принцип*»¹. Явным признаком этого перехода он называет выделение в качестве особых субъектов обложения «полугодных работников» («полудушек») – льготное обложение для стариков и «малолетов». Разбору примеров этого рода посвящена основная часть податного раздела его работы². Раскладка же «по состоянию» (прежде всего – пропорционально земельному наделу) упоминается им лишь как «небольшой корректив» к раскладке по годным работникам.

Итак, авторы статистических обследований конца 1880-х – начала 1890-х гг. сообщают, что томская деревня в основном уже отказалась от использования ревизских душ в строгом смысле этого слова и переходит к развёрстке налогов по рабочей силе домохозяйств. Но имущественный принцип в 1880-е гг. использовался лишь как исключение.

**«По состоянию» и по годным работникам:
казённые налоги – отдельно от мирских**

Раскладки начала XX в. мы можем изучать по первоисточникам. В фондах податных инспекторов и Томской казённой палаты сохранились подборки раскладочных приговоров различных сёл Томского уезда за те годы, которые связаны с крупными переменами в крестьянских налогах: 1899 (первый год без подушной подати в Сибири), 1904 (первый год без круговой поруки в Европейской России) и 1906–1908 гг. (отмена круговой поруки в Сибири). Вся коллекция включает приговоры по двумя десяткам волостей. Лучше других представлены Богородская и Семилужная волости, дающие в сумме 333 приговора.

---

¹ Кауфман А.А. Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа. Томск, 1895. С. 67. Курсив автора.

² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVIII. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование А.А. Кауфмана. Том II. СПб, 1892. С. 368–393.

При этом 1907 и 1908 гг. закрыты приговорами по этим двум волостям почти исчерпывающе. По другим годам (1904 – для Богородской, 1906 – для Семилужной волости) сохранились приговоры от более чем половины всех селений, указанных в Списках населённых мест. Это допускает если не уяснение картины во всех подробностях, то, по крайней мере – определение тенденций. На основе базы данных по этим двум волостям была выполнена дипломная работа А.Е. Пановой¹, позволяющая сделать некоторые принципиально важные выводы.

Даже беглый взгляд на раскладки по Богородской волости открывает поразительную картину: казённые налоги (государственная оброчная подать, губернский земский сбор²) и мирские (волостные, сельские) раскладываются, как правило, на разных основаниях.

Вот данные по Богородской волости: крупнейшие статьи раскладки казённых налогов – десятины пашни, коровы, лошади, сенокосные угодья (от 14 до 34 % на каждую из этих статей). Для мирских же сборов значение каждой из этих статей не выходит за рамки 4 % (в 1907 и 1908 гг. даже равняется нулю), тогда как львиная доля налога (от 83 до 94 % в разные годы) раскладывается по годным работникам³. Обобщая, можно сказать, что раскладка казённых налогов тяготеет к имущественным признакам, мирских – к учёту годных работников.

Чем можно объяснить это явление? Ответить помогает внутренний анализ приговоров. Он явно показывает, что уже в 1899 г. на методы раскладки влияли специальные циркуляры начальства. Влияние циркуляров угадывается за счёт шаблона, повторяемого разными селениями; наличие циркуляров прямо указывается в некоторых приговорах; наконец, и само содержание циркуляров иногда излагается во вводной части документа.

В приговоре Воронинского схода Семилужной волости от 15 февраля 1899 г. читаем: «Объявлена нам копия с циркуляра Господина Крестьянского Начальника 2-го участка Томского уезда⁴ от 10 января с.г. за № 1-м,

---

¹ Панова А.Е. Крестьянская община как податной механизм в начале XX века. (По материалам Богородской и Семилужной волостей Томского уезда Томской губернии) / Выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2014.

² Для Европейской России земские сборы – это местные налоги, получаемые деньги расходуются местным самоуправлением. В тех губерниях, где земских собраний не было (и в Сибири тоже), земские налоги расходовались чиновниками. Совершенно логично, что сибирские крестьяне числили их казёнными.

³ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 24–30.

⁴ В документе перед словом «уезда» стоит слово «округа», взятое в скобки – обычный писарский способ исправлять ошибки без зачёркивания. Округа были переименованы в уезды совсем недавно, воронинский писарь ещё не успел отвыкнуть от старого словосочетания.

относительно раскладу казенных податей и повинностей, с тем чтобы расклад происходил не подушно, как это практиковалось ранее, а поимущественно, т.е. на число десятин, засеянных хлебом, на число голов разного скота и на число ульев пчел»¹.

Не все общества в равной степени точно выполняли упомянутый циркуляр, некоторые и вовсе его игнорировали, среди оснований раскладки упоминались кое-где даже ревизские души. Таким образом, воздействие чиновников на раскладки в 1899 г. оказалось целенаправленным, но недостаточно действенным. В 1901 г. новый толчок делу дал циркуляр самого Томского губернатора. О его содержании позволяет судить приговор Русаковского сельского общества Кайлинской волости, составленный несколько лет спустя: «Руководствуясь Циркуляром Г-на Томского Губернатора 1901 года за № 16448 и распоряжением Г-на Крестьянского Начальника, объявленными волостным правлением, мы единогласно Постановили: раскладку оброчной подати и губер[нского] земского сбора за 1-ю половину сего 1907 года <...> произвести сообразно подоходности, получаемой каждым крестьянским двором от личного труда и от всего имущества...»². Далее указывалась принятая доходность работника каждой возрастной группы, каждого вида скота и посева; затем подсчитывался доход, получаемый всем обществом от всех наличных годных работников, десятин и голов скота; после этого вычислялся процент платежа с каждого рубля дохода.

Конечно, одинаковый с каждой головы и десятины «доход» был не более чем теоретической конструкцией чиновников. На деле речь идёт о зажиточности и о доходоспособности хозяйств. Поэтому многие сельские общества, упрощая процедуру, сразу определяли, каким налогом облагается то или иное основание раскладки (например, по рублю с головы скота и десятины посева). Тщательность Русаковского схода в соблюдении циркуляра № 16448 нетипична; но именно она даёт нам возможность понять замысел чиновников. Требуя того, что выливается на деле в раскладку пропорционально имуществу (и рабочей силе), они мечтали о подоходном обложении. Борясь за прогрессивное новшество в городских налогах, они внедряли то же самое и у крестьян.

Раздельная раскладка как компромисс: чиновники – крестьянам

Степень воздействия циркуляров была неодинаковой. Где-то крестьяне копировали полностью весь шаблон, переписывая даже те статьи, которые им не требовались (например, в Кайлинской волости частью шаблона оказались маслодельные заводы: они включались в перечень оснований раскладки, даже если, как выяснялось далее по тексту, отсутствовали на самом деле)³. В других случаях циркуляр не использовался вообще.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 20. Л. 37 об.

² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 213. Л. 214–214 об.

³ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 173. Л. 16–16 об.

Податной инспектор Федорченко (Томский уезд) сообщал в казённую палату, что циркуляр № 16448 оказался позабыт довольно быстро, и перед началом очередной раскладочной кампании, в конце 1903 г., о нём пришлось напоминать: «г.г. Крестьянскими Начальниками было объявлено, что приговоры¹ о раскладках, несогласные с основаниями означенного циркуляра, не будут утверждаемы. При этом было рекомендовано мирские сборы раскладывать на установившихся в волости основаниях по соображению с местными условиями; натуральные, переведенные на деньги, повинности разверстывать по годным работникам, как это и соответствует закону и сущности сих повинностей, но зато совершенно исключить годных работников из числа оснований для разверстки казенных и земских сборов, каковые раскладывать исключительно по сельскохозяйственным занятиям, в числе коих земледелию и скотоводству должны быть отведены главные места»².

Описанный инспектором Федорченко метод раскладки казённых налогов вполне соответствует той борьбе за подоходное начало, которую мы уже видели. Но тогда почему в «рекомендациях» крестьянских начальников (которые, конечно, были согласованы с податным инспектором, действовавшим в духе решений казённой палаты) присутствует раскладка по годным работникам? Эта раскладка не просто допускается, но даже как будто предписывается для мирских налогов, поступления от которых используются в основном на собственно крестьянские нужды (в широком понимании последнего понятия). При этом раскладка по годным работникам воспринимается как то, против чего ведётся борьба, и по смыслу она противопоставляется («но зато совершенно исключить») раскладке по занятиям. Чиновники явно рассчитывали, что раскладка по занятиям вызовет недовольство крестьян.

В томской коллекции есть документ, который подтверждает справедливость этих опасений. Это Муринский (Богородской волости) раскладочный приговор 1904 г. Вопреки обычаю своей волости, муринцы разложили налоги не по отдельности (казённые против мирских), а все вместе, одной суммой – хотя и с учётом разных показателей: 195 руб. – «на число душ», 352 руб. – «на занятия» (по числу засеянных хлебом десятин, по числу лошадей и по головам крупного рогатого скота). Во вводной части, среди стандартных слов о явке и о повестке, встречаем неожиданное пояснение: «Хотя бы и следовало казённые подати расположить отдельно от волостных и сельских повинностей, но так как некоторые домохозяева, если расположить казённую подать на имущество, останутся почти ни в чем, а потому приговорили» – и далее излагаются названные выше условия³.

---

¹ В подлиннике: «приговора».

² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 180. Л. 25–26 об.

³ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской

Из замысловатой формулы муринского писаря видно, что крестьяне выступают против спущенного сверху шаблона, который «следовало бы» воплотить, но обложение «по состоянию» хотя бы даже только казёнными налогами (даже с учётом того, что местные сборы будут разложены по годным работникам) представляется влиятельным людям Муринского схода чересчур тяжёлым. Смысл того отступления от шаблона, которое они рискуют предпринять, состоит в ослаблении материальных оснований раскладки и увеличении роли «душ» (которые, очевидно, в данном случае означают годных работников).

Благодаря «Муринскому бунту» мы можем теперь увидеть то противоречие, которое в других селениях осталось замаскированным. Имущественный признак в богородских раскладках присутствовал вследствие давления извне и очень раздражал часть крестьян.

Вообще говоря, использование имущественного признака не обязательно было связано с разбивкой налогов на местные и казённые. Однако в муринском приговоре это оказались пункты одного перечня. Таковы были условия компромисса, предложенного крестьянам чиновниками: мы вам разрешаем раскладывать мирские налоги, как угодно (по годным работникам), а вы «зато» раскладываете казённые так, как считаем правильным мы («по состоянию»).

Годный работник, «душа» и земля: три маски одного явления

Снисходительная уступка чиновников выдаёт с головой их представления о консервативной сути годных работников как основания раскладки. В сознании наших борцов за подходящий принцип годный работник недалеко стоит от ревизской души. Между тем, смысл используемых крестьянами понятий – отдельная тема, поле для самых интересных находок.

Для изучения этого поля нам пригодятся раскладки по Семилужной волости. Дело в том, что семилуженские раскладки, как это ни удивительно, радикально отличались от богородских. Чистоты разделения на казённые и мирские сборы нет и в помине. Два ведущих основания раскладки – это «души» (от 72 до 69 % в 1907 и 1908 гг.) и годные работники (от 16 до 18 %). Ни одно из тех оснований, которые были ведущими в Богородской волости (лошади, коровы, сенокосы, десятины земли) существенной роли у семилуженцев не играет¹.

Первый же вопрос, возникающий при взгляде на эти цифры: души и годные работники – это одно и то же или существенно разные понятия? Не

волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 24–30.

¹ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»: неявный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX века (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С 48–58.

идёт ли речь о том, что две трети налогов по Семилужной волости раскладываются по старинным ревизским сказкам?!

Тщательное изучение документов позволяет ответить на этот вопрос. Из 200 приговоров по Семилужной волости раскладка по душам встречается в 155 документах, в том числе в 128 формулировки позволяют раскрыть подтекст используемого понятия. Из этого числа только в 12 случаях можно полагать, что под «душами» скрываются годные работники. Это те случаи, где указывается возраст «душ» (например: «Разложить на 125 наличных душ мужского пола от 13 до 70 лет») либо указано дробное число душ (и значит, за «полдуши» идут слабосильные «малолетки» или старики).

В подавляющем же большинстве случаев (116 из 128) подушевая раскладка неразрывно связана с наделом. «Разложили по числу душ, получивших земельный надел», «Разложили на нарезок земли», «Разложить на водворенные души» – таковы основные разновидности этих формулировок. Первые две понятны сами по себе, смысл последней поясняется приговором Орловского общества Семилужной волости: «[поскольку] в нашем обществе земля и все угодия разделены по водворённым душам, то и все платежи должны быть разделены согласно земельного раздела»¹.

Итак: подавляющее большинство подушевых формул допускает раскрытие их смысла, причём они разбиваются на две группы – завязанные на годных работников и завязанные на земельный надел. Соотношение цифр (12 : 116) показывает явное преобладание последних. И есть основания полагать, что на деле это преобладание ещё более значительно.

Редкий случай произошёл в Мало-Жировском сельском обществе (Ишимская волость Томского уезда) в 1908 г. Одним из оснований раскладки здесь были выбраны «наличные души» с уточнением: «от 15-летнего возраста до полной дряхлости», за вычетом отсутствующих – то есть, по существу, годные работники. Староста обжаловал раскладку, указав, что в неё включён его отец – немощный старик, перешагнувший черту «полной дряхлости». Податной инспектор попросил крестьянского начальника добиться исправления неверной раскладки. Однако тот, обсудив дело с крестьянами, нашёл требование инспектора несправедливым и посоветовал «более правильный» путь к освобождению обиженного от налогов: «отказ его от земельного надела» с передачей освободившейся земли «в распоряжение названного общества»². Земельный надел не упоминался в приговоре даже намёком, и тем не менее, оказалось, что на самом деле именно право на землю и выступало истинным содержанием понятия «наличная душа».

Маро-Жировский случай, нежданно раскрывший то, что обычно оставалось под спудом, даёт веское основание полагать, что и «годные работники» – формула, в конце концов неразрывно связанная с земельным наделом. Таким образом, крестьянские «души», на вкус чиновников

¹ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»...

² Там же.

отдающие формализмом ревизских сказок, по сути дела оказываются связаны с производительной силой крестьянского хозяйства – равно зависевшей в Западной Сибири и от наличия земли, и от дееспособности работника.

Позволяя нам убедиться, что речь в начале XX в. не идёт об использовании допотопных «ревизских душ», всё вышесказанное, однако, не объясняет расхождения между двумя нашими волостями. При всех сделанных уточнениях они остаются по разные стороны баррикады: Богородская волость стремится раскладывать по состоятельности (скот, десятины пашни и сенокоса), а Семилужная – с опорой на рабочую силу крестьян («душа», годный работник, надел). Пытаясь всё же объяснить это различие, невозможно отказаться от мысли о роли административного фактора.

В Богородской волости чётко соблюдается принцип раздельной раскладки казённых и мирских сборов, рекомендованный губернаторским циркуляром. В Семилужной – вся сумма налогов зачастую раскладывается на одних и тех же основаниях. Богородцы, подсчитывая рабочую силу, используют предписанное в циркуляре понятие «годные работники»; семилуженцы – нелюбимые чиновниками, но более привычные крестьянам «души». То ли волостной старшина у богородцев был строже, то ли крестьянский начальник суровее, но дисциплинированность приговоров по волости явно выше.

В то же время, и экономическое положение двух волостей было разным. Крестьяне Богородской волости вели традиционное хозяйство, завязанное на сельскохозяйственные работы. Семилужная же волость располагалась ближе к Томску – крупному административному и торгово-промышленному центру, здесь более весомы сторонние заработки, которые не связаны с признаками хозяйственной состоятельности, а связаны именно с «годным работником» (правда, в этом случае выглядит не вполне логичной жёсткая связь между годными работниками и земельным наделом).

Изучение крестьянских раскладочных приговоров только начинается. Новые волости, новые уезды и губернии с их экономическими, административными и культурными особенностями неизбежно дадут новые отличия от известных до сих пор моделей. Но и на уже имеющемся материале можно увидеть тот результат, который дало применение либеральных идей к действительному взиманию налогов с крестьян. Это результат одновременно выдающийся и ограниченный. Реформаторы стремились к обложению крестьянского хозяйства на основе учёта доходности – и раскладка по материальным основаниям действительно проникала в жизнь, к радости одних крестьян и вопреки сопротивлению других. В то же время, раскладки «по состоянию» стремились к учёту не собственно дохода (как то закладывалось в инструкцию), а производительных сил каждого хозяйства, будь то земля или скот. Но ведь и наиболее желанный для крестьян (и нежеланный для чиновников) способ раскладки – по годным работникам – являлся, по существу, одним из способов оценки производительных сил хозяйства. Доход же в городском понимании (в виде торговой выручки или ежемесячной зарплаты) не делал погоды в деревне, с её опорой на

натуральное хозяйство. Если чиновники смотрели на налогооблагаемую базу глазами получателя жалованья, то крестьяне – глазами хозяина, который сам себя обеспечивает.

Спущенные крестьянам инструкции противоречили деревенской жизни – и крестьяне не воплотили их «по-настоящему», хотя и «взяли под козырёк». Увернувшись от неуместных инструкций, они, к удивлению чиновников, не попытались увернуться от налогов как таковых. Крестьяне привыкли быть тяглым сословием, на котором держится государство – и не привыкли искать юридических зацепок для отказа от того, что казалось естественным. Именно эта привычка стала решающим условием для того превращения, которое ставит точку в истории дореволюционной налоговой системы.

Глава 15.
**Реформа снизу:
всеобщий подоходный налог в Сибири в 1918–1919 годах**

Растянувшаяся на полвека податная реформа освободившейся от крепостного права России – яркий и удивительный пример того, как на самом деле воплощается то, что кажется невозможным теоретически. Самое удивительное в этой реформе сосредоточено на том кратком завершающем отрезке, который состоялся уже после падения власти, учредившей в России подоходный налог. Поколения спустя Семнадцатый год стал восприниматься как водораздел меж двух эпох. Люди, жившие в то время, воспринимали происходящее иначе. Казалось, что теперь, когда рухнуло то, что мешало, можно будет быстрее и лучше делать то, что тормозилось прежде – в том числе и изменение налоговой системы.

Изучение подоходного налога, как правило, ограничивается разбором истории его введения в апреле 1916 г.¹ Скучность историографического внимания к подоходному налогу образца 1916 г. легко объяснима. Во-первых, налог начал работать только с 1917 г., и не успел в полной мере воплотиться вследствие прихода большевиков, которые сделали упор на чрезвычайные «классовые» налоги, реквизиции и контрибуции. Во-вторых, налог был введён не как опора всей системы обложения, а как «боковая пристройка», один из способов дополнительного обложения богатых.

Оба этих соображения действуют (да и то не без оговорок) только для центра страны, с конца 1917 г. постоянно находившегося под контролем большевиков. Сибирь с июня 1918 г. оказалась вне действия советской власти. Её преемники располагали не более чем полутора годами, но в это время уложились две податных кампании – 1918 и 1919 годов. В Сибири подоходный налог успел пройти полноценную обкатку. И главное: за это время он превратился из налога для элиты в налог для всех. Произошло это не столько за счёт издания новых законов, сколько за счёт особого применения изданных ранее.

***Предварительные ожидания:
сливки общества, крестьяне и рабочие***

Как мы помним, реформа 6 апреля 1916 г. предполагала создание налога для богатых – таков был замысел, неоднократно продекларированный реформаторами и закреплённый в высоком пороге обложения. Правда, уже в 1916 г. некоторые документы показывают готовность податного надзора обратить внимание на простонародье.

Немедленно по подписании закона министерство по телеграфу затребовало от казённых палат сведений об ожидаемом числе плательщиков. Среди

---

¹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. С. 269–278.

собранных палатами отзывов податных инспекторов – мнение инспектора 1-го томского участка, ответственного за обложение обывателей губернского центра. Присланные им цифры показались палате завышенными. Обосновывая свою оценку, он пояснял в мае 1916 г.: «Главный элемент, который раньше подлежал исключению [из числа плательщиков], чернорабочие, ныне будут привлечены к обложению, так как [подённая] заработная плата ныне колеблется между 2 руб. 50 коп. и 3 руб., что составит в год 900–1080 руб.»¹.

Сохранилась и сводная таблица по 2-му Барнаульскому участку с разбивкой предполагаемых плательщиков по группам². Две самые многочисленные группы – купцы и крестьяне. При этом на волость показано от 1 до 30 вероятных плательщиков, «имеющих доход от земледелия, скотоводства и других крестьянских промыслов». Записка эта была составлена уже после принятия закона о подоходном налоге. При этом инспектор подчеркнул: «Исходным пунктом... для меня послужили работы моего предшественника по участку, произведенные им в 1909 г., когда был составлен список предполагаемых плательщиков»³. Поскольку весной 1916 г. сведения требовались срочно, безо всяких дополнительных обследований, надо полагать, что конечный результат недалеко ушёл от «исходного пункта», и мы имеем дело с данными 1908–1909 гг. Подобные материалы – ведомости, заполненные для отдельных крестьян-дворохозяев – поступали во время кампании 1908–1909 гг. и в Омскую казённую палату⁴.

Столичные чиновники, готовя в 1910 г. сводку материалов, укрыли этот разряд плательщиков в более широкой группе. Все источники доходов ожидаемых плательщиков они разбили на доходы «от земли», «от городских недвижимых имуществ», «от торгово-промышленных предприятий», «от денежных капиталов» и «от личного труда»⁵. Плательщики из числа крестьян оказались неотделимы от помещиков и арендаторов, владельцев сельских хозяйств капиталистического типа. За счёт этого сводная публикация Минфина не позволяет с уверенностью заключить, что крестьян предполагалось привлекать к налогу. Но цитированные выше местные материалы отчётливо показывают именно это.

Таким образом, даже подоходный налог образца 1908 г., задуманный как налог для зажиточных людей, должен был затронуть верхушку крестьян. Под налог образца 1916 г. уже при его появлении наиболее требовательные инспектора готовы были подвести и рабочих. Это, правда, ещё не выглядело очевидным.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 345. Л. 13–13 об.

² Там же. Л. 20–23

³ Там же. Л. 17–19 об.

⁴ ЦГАРК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 52. Л. 267–268.

⁵ Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году. Спб, 1910. С. VI.

Тяжкие бюджетные проблемы 1918–1919 гг. побудили Российское правительство (А.В. Колчака) шагнуть ещё дальше – хотя для этого и пришлось поступиться щепетильностью в соблюдении гражданских прав плательщиков. В результате «пробная модель» образца 1916 г. проникла во всю толщу общества. Это произошло за счёт двух параллельных процессов – включения в число плательщиков низкооплачиваемых горожан (рабочих) и распространения подоходного налога на всех крестьян.

Прямо у кассы: подоходный налог для рабочих

Увидеть эти процессы мы можем благодаря документам, сохранившимся в фонде Томской казённой палаты и в фонде податного инспектора 2-го участка Томского уезда. Как правило, архивы податных инспекторов сохранились мелкими фрагментами. Фонд податного инспектора 2-го участка Томского уезда составляет исключение: он насчитывает без малого тысячу дел за 1897–1920 гг. Документы касаются главным образом работы с деревнями и безудзными городами.

Привлечение к подоходному налогу бедных горожан произошло путём естественным и очевидным – правительству было достаточно не повышать порог облагаемых доходов тем же темпом, каким инфляция обесценивала зарплаты. Среди бумаг податного инспектора 2-го участка Томского уезда сохранился полученный из управления Алтайских каменноугольных копей (г. Щегловск) список сотрудников, получавших в 1918 г. выплаты от этого предприятия¹. Перечень указывает в основном простые рабочие должности – горнорабочий, чернорабочий, кочегар, сторож, плотник, десятник, и так далее. В списке из 324 человек нет ни одного, получившего за год менее 1 тыс. руб. (именно таков был с лета 1917 г. порог обложения). Большинство выплат оказывается в промежутке от 2 до 4 тыс. руб.

Сведения о зарплате инспектор получал также от железной дороги, от кооперативных управлений, от органов самоуправления. Вновь созданные волостные земские управы не только отчитывались за выплаты собственным служащим, но и выступали посредниками по выявлению учреждений и предприятий, не охваченных сбором данных: сохранилось сопроводительное письмо Поломошенской волостной земской управы к сведениям о лицах, получавших жалованье от местного мукомольного товарищества².

То ли новизна дела, то ли срыв весенней кампании 1918 года повлияли на несвоевременное представление данных многими учреждениями. Но рассылка типографских «Напоминаний» (в феврале 1919 г.)³ сделала своё дело. Большинство сохранившихся в этом деле сопроводительных документов к инспектору от учреждений и предприятий о присылке сведений за 1918 г. датировано апрелем и маем 1919 г.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 266. Л. 44–53.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 55.

Механизм использования сведений от работодателей предусматривался Положением о подоходном налоге 1916 г. Но не предусматривалось, что уплата налога будет столь массовой. Теперь, когда военно-революционная инфляция обеспечила всех некогда завидными зарплатами (и тем увеличила число плательщиков), стало ясно, что прямое общение податного инспектора с каждым плательщиком – задача огромная и потому невыполнимая. Стало ясно, что предприятия должны быть более чем осведомителями: они должны быть посредниками при взимании подоходного налога.

3 апреля 1919 г. колчаковский Совет министров принял постановление «О повышении нормы неподлежащего подоходному налогу дохода и о порядке уплаты названного налога лицами, получающими содержание от казны»¹. Повышение необлагаемого минимума с 1 до 3 тыс. руб. не оказало существенного влияния на ход дел: цены в 1919 г. росли быстрее, чем пороговая цифра, и подавляющее большинство простых рабочих всё-таки осталось в рядах плательщиков. Зато важна вторая часть реформы. Отныне сотрудники казённых органов и частных предприятий должны были уплачивать подоходный налог ежемесячно, при выдаче жалованья. Собственно, следующая в налог часть жалованья и не выплачивалась на руки, а сразу удерживалась предприятием для перечисления казне². Эта, казалось бы, техническая подробность резко изменила всю систему взимания налога. На место охоты за отдельными плательщиками пришло взаимодействие с посредниками-работодателями, привлекающими к налогу всю массу работников. Появление системы, так хорошо известной россиянам начала ХХI в., стало логичным следствием массовизации подоходного налога.

Итак, включение рабочих в число плательщиков подоходного налога хотя и было следствием осознанной политики властей, не потребовало никаких отступлений от закона. Всё решила не предусмотренная законодателями 1916 г. инфляция. С крестьянами дело обстояло иначе.

Ручная работа: новый подоходный налог у крестьян

Не привлечь крестьян к налогу после того, как его стало платить городское простонародье, было бы нелогично: чиновники знали, что «сельские обыватели» в целом живут по меньшей мере не хуже рабочих. Но весь доход рабочего выражен денежным образом и потому точно учитывается и легко контролируется. У крестьян денежный доход невелик, зато нет необходимости оплачивать продовольствие и квартиру, что отнимает значительную, если не основную, часть доходов рабочего. Следовательно, облагаемый доход крестьянина должен исчисляться иначе, чем доход рабочего. Требовалось учесть натуральный доход крестьянина, для чего единственным средством было установить вменённый доход.

---

¹ См. уточняющие запросы предприятий в адрес Томской казённой палаты: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. Л. 71–73.

² Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 84–85.

Это противоречило правилам 1916 г., но не противоречило духу дореволюционного законодательства. Уже при введении квартирного налога оговаривалось, что его должны платить и чиновники, получающие служебные квартиры бесплатно. После реформы 1916 г. платежи по квартирному налогу стали учитываться в счёт подоходного налога, само же правило насчёт бесплатных квартир сохранилось. Взимание налога с натуральной оплаты чиновникам и с натурального потребления крестьян – явления типологически близкие, если не вовсе одинаковые. И в том, и в другом случае косвенные признаки использовались для оценки платёжеспособности экономического субъекта там, где нет возможности использовать точные бухгалтерские данные. Пока подоходный налог предполагалось взимать с богатых, было логичным оставление крестьян за порогом; с тех пор как налог решили сделать всеобщим, стало логичным применение косвенных признаков и к сельскому населению.

В середине июля 1919 г. инспектор 2-го участка Томского уезда разослал по волостным земским управам бланки сведений об имущественном положении домохозяев каждого селения. Судя по тому, что на этих документах не предусмотрена строка «губерния», зато требуется указать волость и селение, изготовление бланков было делом либо казённой палаты каждой губернии, либо даже – каждого инспектора. С конца июля (чаще – в августе или сентябре) заполненные бланки стали поступать обратно. В фонде инспектора 2-го томского участка они занимают несколько дел, из которых мною изучены два – по Проскоковской и Новониколаевской волостям¹. В одних случаях в графе «год» указано «1919», в других – «1918»; в любом случае ясно, что речь идёт (согласно закону) о налоге, который требуется уплатить в 1919 г. с доходов, «полученных» в 1918 г. Ведомости по разным селениям заполнены разными почерками и разными чернилами, с разной степенью подробности (не везде указан посев); ясно, что волостное правление выступало лишь посредником, переправляя наверх сведения от сельских старост.

Ведомости требуют довольно подробных сведений: и число человек в семье (в т.ч. трудоспособных), и площадь посева по видам хлебов, и число скота (отдельно: лошади, коровы, овцы), и количество заготовленного сена (в пудах); две графы отводилось на подсобные промыслы (вид промысла и объём заготовок). Нередко оказывалась заполнена и последняя графа: «сделаны ли долги за 1918 г. Кому и сколько» (среди ответов: «разным лицам», «кредитному товариществу», «банку»).

Заполнение этих таблиц не стало диковинкой для крестьянских писарей. Эти документы очень похожи на те раскладочные перечни, которые уже больше десяти лет требовалось прикладывать к раскладочным приговорам.

Сбоку к заполненным ведомостям приклеены лоскуты бумаги, на которых – одной рукой через все селения обеих волостей – проставлены номера.

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262, 270.

Наименьший номер по Новониколаевской волости – 16328; наибольший по Проскоковской – 17672. Инспектор, говоря современным языком, составлял единую базу данных по всем плательщикам своего участка.

В эту «базу данных» попадали не все жители подведомственных ему волостей. На 1344 плательщика по двум волостям приходится 76 прочерков (примерно один к восемнадцати). Назвать с уверенностью критерий их «отчисления» трудно – многие имеют годных работников, скот, посев, по формальным данным не уступая другим беднякам. Но в общем ясно, что это представители беднейшей части местного общества. Это – те, кто получил освобождение от уплаты подоходного налога. Во всех остальных случаях против каждого плательщика инспектор приписал цифру: в некоторых случаях – 3600, иногда – 4000, изредка даже – 5000 или 5500; но у подавляющего большинства плательщиков значится цифра: 3200 [рублей]. Название этой графы подписано от руки: «Доход 1918 г.». В виде единичных исключений проставлены цифры «3000» и «3100», и ни одному плательщику не показан меньший доход. Сумма налога колеблется от 68 до 182 руб.

Всё огромное разнообразие сочетаний годных работников и иждивенцев, посевов овса и пшеницы, скота тяглого и молочного свелось к цифре в 3200 руб., минимально необходимой¹ для привлечения к подоходному налогу всех крестьян. Система действовала более грубо, чем былые крестьянские раскладки с их скрупулёзным учётом, сколько копеек приходится на каждую десятину, скотину или годного работника. Но она обеспечивала решение задачи: привлечь львиную долю крестьян к платежу подоходного налога, так или иначе учитывая их состоятельность. При этом для большинства плательщиков сумма налога была одинаковой, что неизбежно создавало несоответствие налоговых платежей действительной зажиточности. Однако сумма в несколько десятков рублей для 1919 г. должна была выглядеть не очень обременительной. Реформа подоходного налога в 1919 г. имела значение не столько для немедленного наполнения казны, сколько для создания системы на будущее.

*Кому мать, а кому и мачеха:
подоходный налог и российское общество*

Создавая эту систему, податная инспекция заботилась не только об обложении крестьянской массы, но и о выделении из неё «богачей». Поселенные перечни плательщиков, описанные выше, перемежаются в архивных делах заполненными бланками единоличных «заявлений»². На

---

¹ С 200-рублёвым запасом, по-видимому, во избежание двусмысленных толкований закона.

² Заявления по форме 8-А либо по форме 6. То и другое – типовые декларации по подоходному налогу (разной степени подробности). Вероятно, использование разных бланков плательщиками разных волостей объяснялось техническими проблемами с обеспечением всех единообразными бланками.

деревню приходится, как правило, одна или несколько деклараций. Как видно из редких сопроводительных документов, они получены в ответ на напоминания податного инспектора, отправленные в мае или летом 1919 г.¹

Одна из обнаруженных деклараций принадлежит псаломщику, ещё 2 или 3 – тем, кто получил доход «от продажи скота и масла», более десятка – пасечникам. Причём в ряде случаев (например, по селению Проскоковскому) эти дополнительные занятия в присланной из села таблице никак не были отмечены². Значит, инспектор опирался на дополнительные данные.

В некоторых случаях эти данные были устаревшими. Сохранилось «удостоверение», выданное филоновским сельским старостой местной крестьянке, с мужа которой участковое присутствие требовало «налог за пасеку». Между тем, муж (Иван Степанович Филонов) к этому времени умер (и не был внесён в селенную ведомость, представленную инспектору летом 1919 г.); пасека после его смерти «вся скончалась»³. Ясно, следовательно, что инспектор пользовался более ранними сведениями. Как мы помним, в 1916 г., готовясь к введению подоходного налога, инспектора подсчитывали ожидаемых плательщиков. В каждом селении предполагалось иметь хотя бы одного плательщика налога⁴. По-видимому, именно эти сведения и пригодились в 1919 г.

Для понимания смысла личных «заявлений» важен такой факт: по деревне Лебяжьей (пчеловоды Асанов, Савостьянов, Петров) пчеловодство в селенной ведомости показано⁵. Значит, речь не идёт о том, что инспектор, требуя от них заявлений, пытается вывести на свет божий то, что пытались укрыть. Раз пасеки были ему известны, он мог бы назначить их владельцам вменённый доход. Но инспектор воспринимает их не как часть крестьянской массы, подлежащей огульному обложению, а так, как положено по закону 1916 г. – и предоставляет возможность лично заявить полученный доход. Притом что доход этих же людей от собственно крестьянского хозяйства облагается наравне со всеми, простым проставлением цифры в присланной из волости ведомости.

Неясно, какова дальнейшая судьба этих заявлений. Даже те из авторов деклараций, кто не пытался свести свои доходы к нулю, всё-таки показывали доход в сотни рублей, как максимум – одна–две тысячи. Ни один не дотянул до планки в 3000 руб. Опровергнуть эти данные в условиях «презумпции невиновности» плательщиков подоходного налога было бы труднее, чем «оставлять без последствий» возражения плательщиков промыслового или даже квартирного налога. Вероятно, попытка обособить «крестьянскую

---

¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262. Л. 25 об.; Д. 270. Л. 28, 33.

² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 270. Л. 2–2 об., 6–7 об.

³ Там же. Л. 24–26.

⁴ Сохранились данные по 1-му участку Барнаульского уезда: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 345. Л. 20–23.

⁵ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 270. Л. 13–14 об.

элиту» в условиях массового налога не удалась. То была дань изначальному, за три года успевшему устареть, замыслу подоходного налога.

Этот эпизод, однако, важен, поскольку подчёркивает ту двойственность, которая появилась в подоходном налоге вследствие преобразования 1919 г. Даже крестьянская верхушка оказывалась недостаточно богатой, чтобы платить подоходный налог «по благородному стандарту», с его трепетным отношением к интересам плательщиков. Но даже бедные крестьяне оказались подвержены налогу «по деревенскому стандарту». Обложение разных групп населения, таким образом, зависело не только от закона, но и от обычаев.

Подобно листу мать-и-мачехи, подоходный налог повернулся к одним мягкой стороной, а к другим – жёсткой. «Благородное общество» привыкло заботиться о своих правах – и фискальным органам пришлось в своё время сражаться даже за банковские сведения о действительно полученных доходах. Крестьяне привыкли содержать государство, привыкли к раскладкам через волостное правление – и с них можно было требовать налог, не отвлекаясь на юридически подкреплённые доказательства существования дохода.

По обе стороны красно-белой баррикады

Какова дальнейшая судьба этого налога? Об этом мы можем судить по донесениям инспектора 1-го участка Томского уезда (заодно занимавшего должность инспектора Тогурского участка). Они составлены 3 ноября 1919 г. в ответ на запрос казённой палаты¹. К началу ноября инспектор успел разослать «по принадлежности» (из контекста следует – по рабочим, служащим и владельцам недвижимости) 9 тыс. окладных листов для плательщиков 1-го Томского участка и 2,5 тыс. – Тогурского. Работа с крестьянами была начата, но не завершена: обложены 10 волостей по 1-му Томскому, 4 волости – по Тогурскому участку, оставалось соответственно 24 и 8 волостей (по некоторым «не получены даже статистические материалы для обложения»). Инспектор предполагал завершить обложение не ранее 1 января 1920 г., почему и просил отодвинуть крайний срок рассылки окладных листов. Неизвестно, получил ли он просимое разрешение: наступление Красной Армии сделало этот вопрос не насущным.

Прежде чем делать окончательный вывод, следует отметить, что похожую эволюцию подоходный налог проделал и в Советской России. Отказавшись от расхожего представления о том, что с приходом большевиков всё изменилось немедленно и «до основанья», О.И. Марискин разобрался с воплощением налоговой политики в годы Гражданской войны на землях, подвластных Совнаркому. Выяснились неожиданные подробности. По данным автора, большевики не только юридически подтвердили сохранение налогов (в том числе подоходного), но и продолжили работу по их взиманию. Число крестьян, привлечённых к подоходному налогу в Симбирской губ., достигало в 1917 г. 7,5 тыс., а в 1918-м – 12,5 тыс.

¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. Л. 4–4 об., 10–10 об.

В продолжение этой линии был принят декрет СНК от 21 января 1919 г., которым предлагалось создавать волостные и сельские комиссии по подоходному налогу в целях привлечения к его платежу «возможно большего числа» крестьян. За неделю до реформы Колчака, 27 марта 1919 г., вышло постановление СНК, по которому, как формулирует О.И. Марискин, «крестьянские хозяйства всех губерний были отнесены к IV классу и облагались налогом, начиная с 3 тыс. руб.»¹.

Правда, выясняется, что на деле подоходный налог собирался слабо ввиду саботажа населения и преимущественного внимания советской власти к другим налогам. Натуральный и единовременный чрезвычайный революционный налоги выступали не только источником денег, но и «орудием классовой борьбы» в деревне, наподобие контрибуций в городах. Тем не менее, в феврале 1920 г. отдел прямых налогов НКФ дозрел до мысли о подготовке к единому подоходно-поимущественному налогу, при котором облагать доходы от сельского хозяйства предполагалось по раскладочной системе – то есть, речь шла о возврате к дореволюционным порядкам. Однако в условиях совершенной утраты ценности «совзнаками» это предположение не воплотилось; напротив, в феврале 1921 г. дело дошло до отмены всех денежных налогов². За этим последовал нэп. Налоговая система новой эпохи, хотя во многом и напоминала дореволюционные порядки, изначально содержала «классовую» составляющую, и это создавало коренное отличие от «старой России».

По всей видимости, развитие подоходного налога в годы Гражданской войны по разные стороны фронта шло в одном направлении, но колчаковское правительство, для которого этот налог был более важен, чем для большевиков, более тщательно проработало мероприятия, связанные со взиманием подоходного налога как всенародного.

Подоходный налог образца 1919 г. не успел дать колчаковскому правительству финансовых результатов. Но нельзя сказать, что он остался в области теорий. Всеобщий, массовый подоходный налог был воплощён в окладных листах и расчётных ведомостях второй половины 1919 г. Сопоставляя эти ведомости с общепринятой до революции системой крестьянских раскладок, можно сказать уверенно, что та форма, которую приобрёл подоходный налог для крестьян летом 1919 г., не была окончательной. При сохранении этой системы в следующие годы неизбежна была бы дальнейшая дифференциация плательщиков по уровню дохода, отказ от субъективно определяемых цифр в пользу объективных показателей по отраслям хозяйства. Но главное – эта система имела внутреннюю

---

¹ Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004. С. 142–143.

² Там же. С. 145–153.

устойчивость за счёт того, что была подготовлена всем ходом дореволюционного развития налоговой отрасли.

Знание истории подоходного налога в 1919 г. помогает более правильно оценить ту эволюцию, которую проделала податная система России на протяжении полувека, начиная с «оттепели» середины XIX в. От подоходного налога образца 1916 г. до всеобщего подоходного налога оставался лишь один шаг. Исчисление этого налога на основе вменённого дохода, с опорой на традицию крестьянских налогов, позволило преемникам царского правительства сделать этот шаг без дальнейшей долгой подготовки.

Заключение

Статистика не должна состоять в одном только заполнении ведомостей размерами с двуспальную простыню никому не нужными числами, а в сведении этих чисел на четвертушку бумаги и в их сопоставлении между собою, чтобы по ним не только видеть, что было, но и предвидеть, что будет.

(Алексей Николаевич Крылов)

Пытаясь, по завету классика, увидеть, что было, чтобы предвидеть, что будет, для начала всё же попробуем выделить из всех приведённых выше цитат и фактов «сухой остаток».

Изучение пореформенной налоговой системы – это не столько добавление второстепенных фактов в копилку экономистов всего мира, изучающих предмет «Теория и история налогообложения». Это попытка понять механизм действия той общественной системы, которая обеспечила столь быстрое развитие дореволюционной России.

Необходимость налоговой реформы – один из самых злободневных «вечно открытых» вопросов в России периода капитализма. Здесь сплетались в единый узел проблема государственной эффективности и проблема общественной справедливости. Полвека от «Оттепели» середины XIX в. до Первой мировой войны Россия ждала подоходного налога. Он появился в 1916 г. – и стал итогом не только долгого ожидания, но и постепенного движения.

Многочисленные податные реформы от 1860-х до 1910-х гг. – это не набор разрозненных узкоспециальных мероприятий, но единая лесенка, по которой реформаторы – поколение за поколением – двигались к введению прогрессивного подоходного налога. Необходимость его была очевидна уже сотрудникам Александра II. Вопрос ставился на обсуждение при каждом

перенапряжении бюджета, будь то война, голод или революция. Не в силах преодолеть сопротивление консерваторов, реформаторы продвигались к цели мелкими шажками. Менялись министры финансов, менялись директора департаментов – но политика их в области прямых налогов оставалась преемственной.

Опорой современных налогов, постепенно вводимых в рамках борьбы за подходящий принцип, служили податные присутствия. Именно с их помощью удалось отвергнуть доводы консерваторов о том, что казна лишена возможности проверить заявляемые плательщиками доходы. Поразительная особенность присутствий – то, что большинство их членов составляли плательщики. Они имели возможность начислить более низкий налог, чем казалось необходимым инспектору, и действительно пользовались этой возможностью. Тем не менее, система в целом обеспечивала и казённый интерес, обеспечивала рост налоговых поступлений. Государство расширяло и сферу применения податных присутствий, и степень их самостоятельности: от раскладочной системы расчёта налогов переходили к окладной, от требования неопровержимых доказательств – к «презумпции невиновности» плательщика. Крестьянская община как своеобразное податное присутствие имела право даже самостоятельно определять методы раскладки налогов.

Реформаторы из Минфина учреждали систему присутствий не из любви к абстрактным гражданским свободам. Обнаружив возможность взимать налог с рабочих прямо «на кассе» (при выдаче зарплаты), они этим воспользовались; воспользовались и неготовностью крестьян бороться за соблюдение «презумпции невиновности» плательщика подоходного налога. Система присутствий не была идеальной моделью – она была временной уступкой неразвитости бухгалтерской системы. Но именно эта система, опиравшаяся на сотрудничество государства и общества, обеспечила возможность коренной перестройки ключевой отрасли, на которую не хватило сил даже у авторов великой реформы 1861 года.

Ни податные присутствия в городах, ни крестьянская община не были независимы от государства. Они не просто работали в рамках закона, но работали по указаниям чиновников, которые в глазах крестьян оставались непререкаемым авторитетом. Но и городские присутствия, и община отнюдь не ограничивались ролью оформителей воли начальства. От простых людей в присутствиях и на сельском сходе действительно зависели решения, важные с точки зрения власти. Одни и те же вопросы в разных случаях решались по-разному, в борьбе интересов и мнений.

Это и есть ответ на упоминавшийся в начале книги вопрос о двигателе капиталистической России – по крайней мере, об одном из двигателей. Самостоятельность, инициатива, ответственность – вот слова, которые описывают общество дореволюционной России. Государство, при всей своей ярко выраженной недемократичности, закрепляло за обществом важную роль в исполнении дел, значимых и для общества, и для государства.

Изучение механизма податных присутствий только начинается, и данная книга не закрывает тему, но открывает её. Из разнообразных материалов тысяч присутствий по различным налогам до нас дошла лишь малая часть; из миллионов составленных некогда раскладочных приговоров уцелели десятки тысяч. Но и они дают исследователю отличное зеркало русской жизни начала XX века.

Изучение материалов этого рода даст новые факты, позволяющие изучать ряд вопросов. Это и внутренняя конкуренция или, напротив, сплочённость в профессиональных и иных сообществах. И степень влиятельности в России правовых механизмов – в противовес произволу «сверху» и обходу законов «снизу». И роль личности: как одни и те же законы по-разному воплощаются в зависимости от личных качеств чиновников и плательщиков. И непредсказуемое создание новой жизни по ходу взаимодействия традиционного уклада и реформаторских циркуляров.

Список сокращений

ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАТ	– Государственный архив г. Тобольска
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ИАОО	– Исторический архив Омской области
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание 1-е]
ПСЗ-2	– Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е
ПСЗ-3	– Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е
РГИА	– Российский государственный исторический архив
ЦГАРК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан

Научное издание

**От подушной подати к подоходному налогу:
податные реформы капиталистической России и их воплощение
в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века**

Автор:

Кириллов Алексей Константинович

Новосибирск, 2017.

Подписано к печати: 15.12.2017 г. Формат бумаги: 70 x 100 1/16. Офсетная
печать. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 11,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 0925

Отпечатано в типографии ООО «Параллель».

630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98